PG3458
.S54

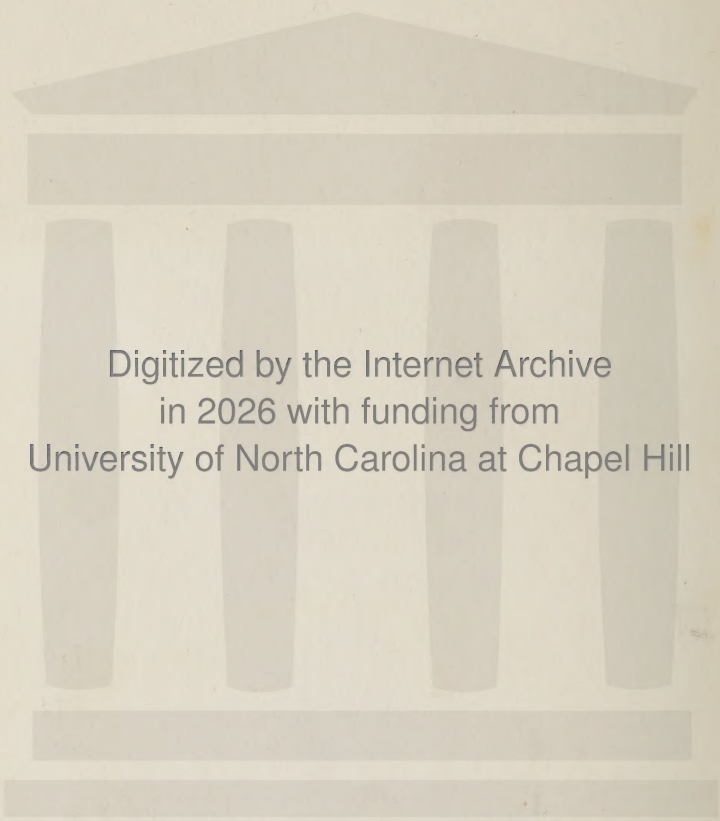
LSC
UNC-CH

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3458
.S54

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/antonchekhovneiz00sobo

ЮРІЙ СОБОЛЕВЪ

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ

НЕИЗДАННЫЯ СТРАНИЦЫ

Distributed by:
Russian Language Specialties
Post Office Box 711
Pullman, Michigan 49450

СѢВЕРНЫЕ ДНИ
МОСКВА
1916

СѢВЕРНЫЕ ДНИ
МОСКВА

ТИПОГРАФІЯ „СИНЕМА“, МОСКВА.

1930. VIII

ЮРІЙ СОБОЛЕВЪ

nc PG3458
.S54

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ

НЕИЗДАННЫЯ СТРАНИЦЫ

ВЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. — НЕИЗВѢСТНЫЙ РАЗСКАЗЪ ЧЕХОВА. — ИЗЪ РАННИХЪ КРИТИЧЕСКИХЪ ОТЗЫВОВЪ О ЧЕХОВѢ. — СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ЧЕХОВА. — ПО ЧЕХОВСКИМЪ УГОЛКАМЪ.

К-во „СѢВЕРНЫЕ ДНИ“ Москва—1916

Предлагаемая вниманію читателей книга — представляетъ собраніе матеріаловъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ исторіи чеховскаго творчества въ восьмидесятыхъ годахъ. Собирателю этихъ матеріаловъ казалось небезынтереснымъ включить въ книгу нѣсколько небольшихъ набросковъ и очерковъ молодого Чехова — рядъ вещицъ невошедшихъ въ его полное собраніе сочиненій, изданныхъ Марксомъ.

Эти мелочи и шутки, взятыя изъ „Будильника“, „Развлеченія“, „Зрителя“ и „Осколковъ“, не могутъ, разумѣется, служить характеристикой творчества Чехова. Къ тому представленію о немъ, какъ о художникѣ, онѣ прибавляютъ немного. Но изучающему Чехова во всемъ его объемѣ,—изслѣдователю всѣхъ его писательскихъ путей,—нельзя миновать этихъ блестокъ молодого дарованія. „Лицейскіе разсказы“ Чехова въ сущности еще не изучены. Ихъ изданіе не преслѣдовало задачъ историко-литературнаго характера. Далеко неполное, собраніе не было комментировано и дошло до читателей въ формѣ случайной, нестройной. То, что удалось найти для этого „сборника матеріаловъ“ — да послужитъ посильнымъ добавленіемъ къ огромному богатству, оставленному Чеховымъ.

Думается, что и театральныя рецензіи Антоши Чехонте, впервые полностью печатаемыя здѣсь, могутъ

имѣть значеніе для будущаго изслѣдователя чеховскаго творчества. Не минуетъ онъ и того маленькаго собранія „забытыхъ документовъ“, которое воскрешаетъ ранніе критическіе отзывы о Чеховѣ, отзывы весьма показательные, ибо являютъ примѣръ полнѣйшаго непониманія и грубаго осужденія, столь ярко выраженный тѣми, кому выпала судьба быть цѣнителями и судьями автора „Иванова“; „Чайки“ и „Пестрыхъ разсказовъ“.

Вторую часть книги составляютъ матеріалы біографическіе. Глава о смерти и похоронахъ Чехова составлена отчасти по газетнымъ статьямъ появившимся въ іюльскіе дни 1904 г. Этотъ архивно-газетный матеріалъ — тоже своего рода документъ имѣющій неоспоримую историческую цѣнность.

Въ очеркъ „По чеховскимъ уголкамъ“ включены небывшія доселѣ въ печати воспоминанія лицъ, знавшихъ Чехова въ годы его пребыванія въ Воскресенскѣ, Бабкинѣ и Мелиховѣ.

Такимъ образомъ, всѣ статьи этой книги не являются ничѣмъ инымъ, какъ только собраніемъ матеріаловъ.

Если „документы“ эти будутъ имѣть хоть какое нибудь значеніе для біографа и изслѣдователя творчества Чехова—собиратель ихъ сочтетъ свою задачу исполненной.

Всѣ необходимыя поясненія внесены въ отдѣлъ примѣчаній.

Москва. Мартъ. 1916 г.

ВЪ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

НЕИЗДАННЫЯ СТРАНИЦЫ ЧЕХОВА

Для Чехова наступаетъ пора литературнаго изученія. Давно уже слѣдовало издать его сочиненія въ томъ видѣ, въ какомъ приличествуетъ „послѣднему русскому классику". „Приложенный" къ „Нивѣ", Чеховъ разошелся въ тысячахъ экземплярахъ и нашелъ милліоны читателей, но еще не вызвалъ изслѣдованій путей его творчества и не заставилъ историковъ литературы обратиться къ его богатствамъ, разсѣяннымъ въ двадцати двухъ томахъ марксовскаго собранія.

Оно далеко не полно, это собраніе. Вторая его часть (12 „дополнительныхъ" книжекъ, вышедшихъ въ 1911 году), составленная, видимо, на-спѣхъ, плохо редактированная, не снабженная ни примѣчаніями, ни поясненіями, — вызвала въ читательской массѣ извѣстное недоумѣніе: показался несхожимъ тотъ обликъ писателя, что вырисовывался въ этихъ, порою слишкомъ „пестрыхъ" разсказахъ, — съ привычнымъ и милымъ образомъ художника, создавшаго „Дядю Ваню" и „Поцѣлуй", „Домъ съ мезониномъ" и „Архіерея", „Скучную исторію" и „Три сестры".

„Новый" Чеховъ былъ встрѣченъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Многое изъ тѣхъ блестковъ молодого и свѣжаго дарованія, что въ такомъ щедромъ изобиліи было разсыпано въ вещицахъ, взятыхъ изъ „Стрекозы" и „Осколковъ",—осталось попросту непонятымъ, а потому и неоцѣненнымъ. Читали, напр., пародію на Виктора Гюго („Летающіе острова") или на Мавра Іокая („Ненужная побѣда")—

и принимали шутку въ серьезъ. Отсюда—разговоры о разочарованіи и обманутыхъ читательскихъ ожиданіяхъ.

Съ другой стороны, значительную часть попавшихъ въ эти тома произведеній составляли вещицы, на которыхъ не могла не отразиться форсированность работы автора, вынуждаемаго мало заботиться о формѣ и о содержаніи „комаровъ и мухъ“ *), поставляемыхъ имъ по требованію редакторовъ „юмористическихъ“ изданій.

Если бы марксовское собраніе было снабжено историко-литературнымъ комментаріемъ,—оно помогло бы разобраться въ этой пестрой грудѣ раннихъ чеховскихъ писаній. Обликъ Чехова раскрылся бы тогда во всей его полнотѣ и даже рядовому читателю стало бы тогда ясно, какъ широкъ, многраненъ, разностороненъ этотъ художникъ, у котораго неизсякаемый билъ источникъ вдохновенія, который былъ такъ богатъ на выдумку, на игру творческой фантазіи, прихотливой, причудливой, то нѣжно задумчивой, то беззаботно веселой.

А. А. Измаиловъ, написавшій для марксовскаго изданія біографію Чехова, разсказалъ подробно о первыхъ шагахъ Антоши Чехонте. Но оговаривая неполноту „полнаго“ собранія, онъ утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что „плохую услугу оказалъ бы Чехову тотъ, кто перепечаталъ бы всѣ его маленькія шутки изъ „Стрекозы“ и „Осколковъ“. Думается, однако, что это утвержденіе нуждается въ существенной поправкѣ. Дѣйствительно, давать Чехова въ томъ „сыромъ“ видѣ, въ какомъ появился онъ въ качествѣ „приложеній“ къ „Нивѣ“ — не слѣдуетъ. Но изслѣдователю чеховскаго творчества нельзя миновать даже и этихъ „комаровъ и мухъ“. Вѣдь и самъ А. А. Измаиловъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, „что тонкій и острый умъ, прекрасная наблюдательность, искра юмора, еще вовсе молодого и неотравленнаго никакой житейской горечью, конечно, ясно отражены и въ этихъ первыхъ наброскахъ и статейкахъ Чехова.

*) „Кромѣ романа, стиховъ и доноса—я все перепробовалъ. Писалъ и повѣсти, и разсказы, и водевили, и всякую ерунду, включая сюда комаровъ и мухъ для „Стрекозы“. (Изъ письма Чехова къ А. Н. Плещееву.).

Пройти вовсе мимо этихъ опытовъ расцвѣтающаго таланта было бы несправедливо".

Вотъ почему кажется мнѣ не лишнимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми вещами Чехова, не включенными въ полное собраніе его сочиненій.

Для каждаго работающаго надъ Чеховымъ это живые человѣческіе документы,—и прежде всего писательскіе документы, свидѣтельствующіе объ огромномъ запасѣ выдумки и мѣткости сужденій юнаго Антоши Чехонте, который выросталъ въ Антона Чехова.

Есть что-то удивительно милое и притягательное въ самомъ образѣ молодого Чехова. В. Г. Короленко, который встрѣтился съ нимъ какъ разъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, отмѣтилъ именно эту черту притягательности. „Въ лицѣ Чехова, говоритъ онъ,—несмотря на его несомнѣнную интеллигентность, была какая-то складка, напоминающая деревенскаго парня. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокіе свѣтились одновременно мыслію и какой-то особенной дѣтской непосредственностью. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и веселья, которымъ были переполнены его разсказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему предстояло развернуться, и развернуться въ хорошую сторону". Любящій наблюдатель, Короленко чутко уловилъ душевную настроенность этого беззаботнаго забавника, потѣшающагося на страницахъ „Развлеченія" и „Будильника". Поставщикъ „комаровъ и мухъ", какимъ рисовался онъ читателямъ „Стрекозы",—для самого себя онъ былъ судьей не только строгимъ, но и придирчивымъ. Во всемъ, что онъ дѣлалъ проступаетъ одна черта, сохраненная имъ до конца дней,—черта собственнаго достоинства. Онъ пишетъ о себѣ брату Александру Павловичу:

„Я газетчикъ, потому что много пишу, но это временно... Онымъ не умру. Коли буду писать, то непремѣнно издалека, изъ щелочки...

Не завидуй, братецъ, мнѣ! Писанье, кромѣ дерганья, ничего не даетъ мнѣ. 100 рублей, которые я получаю въ мѣсяцъ, уходятъ въ утробу и нѣтъ силъ перемѣнить сво-

ренькій, неприличный сюртукъ на что-либо менѣе вѣтхое"...[1])

Да и во всей его ранней перепискѣ (съ братьями, съ Лейкинымъ, Суворинымъ) звучитъ ясно именно сознаніе и собственныхъ силъ, и собственнаго писательскаго и человѣческаго достоинства, которое никогда не будетъ принесено въ жертву ни тщеславію, ни матеріальной выгодѣ. Такимъ входитъ въ наше сердце юный Чеховъ.

И полюбивъ его такимъ,—мы сумѣемъ иначе взглянуть и на первые его писательскіе опыты.

Мы подойдемъ къ этой пестрой полосѣ ранняго его творчества—не съ осужденіемъ (да она и не заслуживаетъ никакихъ обвинительныхъ приговоровъ!), — а со вниманіемъ и любовью. Примемъ „Антошу Чехонте" и „Человѣка безъ селезенки"—цѣликомъ. Не отдѣлимъ ихъ отъ Антона Чехова. И не два, а одинъ останется въ душѣ образъ. Образъ взыскательнаго художника, выроставшаго среди гама и разудалаго „веселія" тогдашней мелкой журналистики, — но не утратившаго душу живу.

1

Лично для меня представленіе о молодомъ Чеховѣ нераздѣльно связано съ воспоминаніями объ одной встрѣчѣ.

Это было два года назадъ.

... Мы сидимъ у круглаго стола, покрытаго цвѣтной скатертью съ вытканными цвѣтами... Такихъ скатертей уже больше не дѣлаютъ... Мебель широкая, удобная... Такая теперь тоже не въ модѣ... На окнахъ съ кисейными занавѣсками въ огромныхъ узорчатыхъ клѣткахъ весь день поютъ и скачутъ канарейки. На стѣнахъ выцвѣтшія олеографіи, картины масляной краски въ манерѣ конца прошлаго столѣтія...

Домъ старенькій, большой дворъ, скрипучая калитка... Улица — переулокъ Хамовниковъ — тихая, пыльная. Напоминаетъ все это провинцію. А обстановка — восьмидесятые

годы... Вонъ на этажеркѣ стоятъ въ простенькихъ переплетахъ книги, помѣченныя серединой 80-хъ годовъ, вотъ передъ нами юмористическій журналъ 1881 года!..

Мы въ квартирѣ дочери покойнаго инспектора Мѣщанскаго училища М. М. Дюковскаго, хорошаго знакомаго братьевъ Николая и Антона Чеховыхъ. Е. М. Дюковская смутно помнитъ высокаго, худощаваго господина... Она была совсѣмъ маленькой, когда приходили къ ея отцу Чеховы.

Е. М. Дюковская сохранила старую обстановку, оставила эти олеографіи—и теперь ея квартира сохраняетъ отпечатокъ былыхъ дней... Хранитъ она и много реликвій, связанныхъ съ именемъ Чеховыхъ. Въ огромной папкѣ рисунки и наброски такъ рано угасшаго въ чахоткѣ талантливаго художника Николая Чехова; въ бережно перевязанной пачкѣ — письма Антона Павловича Чехова къ ея отцу. Письма эти теперь напечатаны во 2-мъ изданіи перваго тома чеховскихъ писемъ (подъ ред. М. П. Чеховой)...

Читая ихъ, — а мы читали ихъ въ подлинникѣ, что еще болѣе усиливало впечатлѣніе, — такъ ясно рисуешь себѣ молодого Чехова — „Антошу Чехонте“ — веселаго сотрудника „Зрителя“, „Будильника“, „Осколковъ“. Нѣтъ еще ни извѣстности, которая скоро придетъ, нѣтъ и денегъ, которыя такъ и во всю жизнь почти-что и не приходили... Въ письмахъ то и дѣло встрѣчаются просьбы о „ссудѣ въ 25 рублей“, ибо „дожился до того, что въ карманѣ нѣтъ даже и тѣни денегъ“... „Нѣтъ ничего, кромѣ вдохновенія и писательской славы, а безъ дровъ между тѣмъ холодно“... И еще просьба: „не можете ли вы одолжить мнѣ для бала (именины А. П.) слѣд. домашней утвари: а) $1^1/_2$ дюжины к. н. ножей и вилокъ, б) чайныхъ ложекъ возможно больше, в) стакановъ, блюдечекъ, мелкихъ тарелокъ, ваксенныхъ щетокъ, чугунную печку и пр...“ И вотъ еще просьба: „12-го я шаферомъ. Нѣтъ ли у Васъ у кого-н. на примѣтѣ фрака и фрачной жилетки?“...

У Е. М. Дюковской сохранился и альбомъ, въ которомъ стихи Гиляровскаго, И. А. Бѣлоусова, только начавшаго тогда переводить Шевченка, рисунки Н. Чехова... Экспромты, по-

сланія, шутки... Среди пожелтѣвшихъ строкъ — танцующій, мелкій, но четкій и тонкій почеркъ А. П. Чехова...

Съ любезнаго разрѣшенія Е. М. Дюковской приводимъ эти

„НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ МЫСЛИ:

„Когда отъ танцовщицы Цукки родится сынъ, то его будутъ звать цуккинъ сынъ.

* * *

Мѣщанское училище названо мѣщанскимъ не совсѣмъ правильно, ибо тамъ плохо кормятъ не однихъ только мѣщанъ, но и титулярныхъ совѣтниковъ.

* * *

Прежде чѣмъ приглашать ассенизацію чистить ретирадъ, очисть свою душу...“

Въ этомъ же альбомѣ вписаны Чеховымъ незаконченныя

„права и обязанности помощника инспектора [2]) извлеченіе изъ III тома Св. Законовъ“.

Содержаніе ихъ нѣсколько нескромно. Вотъ пункты этой инструкціи:

„1) Помощникъ инспектора долженъ помогать во всемъ инспектору во всякое время дня и ночи, помня, что за малѣйшее непослушаніе онъ отвѣтитъ не только на Страшномъ судѣ, но и здѣсь, въ земной жизни.

Впрочемъ, законъ не лишаетъ его права отказывать отъ помощи въ дѣлахъ семейнаго, или личнаго свойства. Такъ онъ не обязанъ помогать инспектору въ дѣторожденьѣ и въ платежѣ по инспекторскимъ счетамъ.

2) Въ одеждѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ инспектора, но на случай могущаго быть пожара, дабы г. оберъ-полиціймейстеръ могъ отличить старшаго отъ младшаго, долженъ спать ночью безъ невыразимыхъ. Сенатъ разрѣшаетъ ему спать въ невыразимыхъ только въ томъ случаѣ, если инспекторъ желаетъ спать въ штанахъ".

Е. М. Дюковская показываетъ намъ и книги „Антоши Чехонте" — съ автографомъ автора: вотъ первый чеховскій сборникъ „Сказки Мельпомены" (1884 г.). На книгѣ надпись: „Мих. Мих. Дюковскому—другу-пріятелю и меценату на добрую память и за рубль-цѣлковый отъ автора".

На титульномъ листѣ „Пестрыхъ разсказовъ" (вторая книга Чехова—1886 г.) такое посвященіе:

„Покровителю и любителю всего изящнаго, начиная съ хорошенькихъ женщинъ и кончая плохими разсказами—М. М. Дюковскому"...

Мы разсматриваемъ потомъ истрепанный томъ „Зрителя"... И опять вѣетъ восьмидесятыми годами... „Зритель" существовалъ съ 1881 г. по 1883 г. и выходилъ подъ редакціей В. Давыдова.

У него сотрудничали Дм. Минаевъ, Пальмъ, И. Мясницкій, М. Яронъ, С. Атава, П. Гейнце, братья Чеховы: Антоша Чехонте (А. П.), Агопоѳодъ Единицынъ (Александръ Павловичъ) и Николай (художникъ).

Братья Чеховы, въ особенности Николай и Антонъ, были очень дѣятельными сотрудниками: въ папкѣ, хранящейся у Е. М. Дюковской, масса рисунковъ Н. П., предназначенныхъ для „Зрителя"—много набросковъ и въ альбомѣ. Въ каждомъ номерѣ—рядъ рисунковъ. Иные изъ нихъ съ текстомъ Анто-

ши Чехонте: „Свадебный сезонъ“, „Салонъ де Варьете“ и проч...

„Антоша Ч.“ — помѣстилъ въ первомъ полугодіи „Темпераменты“, „Сельскій судъ“, „Извлеченіе изъ путевого журнала“, двѣ статьи о Сарѣ Бернаръ, мелочи и „Контору объявленій“.

Послѣдняя представляла изъ себя фельетонъ, въ которомъ въ формѣ юмористическихъ объявленій отмѣчались тогдашнія злобы дня московской жизни. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ объявленій:

„ДУШЕПРИКАЗЧИКИ КУПЦА ВИСЛЯЕВА

Имѣютъ честь увѣдомить, что 10 рублей, оставленные покойнымъ для выдачи тому, кто напишетъ невозможно-глупую комедію, выданы 15-го ноября автору комедіи „Городъ упраздняется“ [3]).

НУЖНА КУХАРКА

Трезвая, умѣющая стирать и не сотрудничающая въ одномъ Листкѣ, Большая Ордынка, Замоскворѣцкій пер., д. поручика Негодяева 3—1“.

Содержаніе слѣдующихъ объявленій и по сію пору—тема для остротъ въ юмористическихъ изданіяхъ:

„АРТЕЛЬ ТЕАТРАЛЬНЫХЪ БАРЫШНИКОВЪ

Симъ имѣетъ честь увѣдомить, что, для удобства публики, она избрала своимъ мѣстопребываніемъ портерную близъ театра. Въ виду предстоящаго пріѣзда знаменитой Сары Бернаръ, вошла въ соглашеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, и предлагаетъ услуги. 2—1“.

ДОКТОРЪ ЧЕРТОЛОБОВЪ

Спеціалистъ по женскимъ, мужскимъ, дѣтскимъ, грудным, спиннымъ, шейнымъ, затылочнымъ и многимъ другимъ болѣзнямъ. Принимаетъ ежедневно съ 7 ч. утра до 12 ч. ночи. Бѣдныхъ лѣчитъ 30-го февраля, 31-го апрѣля и 31-го іюня безплатно, и 29-го февраля съ большой уступкой. Молчановка, Гавриковъ пер., соб. домъ.

ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВЪ

Изъ 10000 годового дохода гг. врачамъ, желающимъ войти со мною въ компанію.

ГРОБОВЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРЪ ЧЕРЕПОВЪ

Имѣются готовые гробы всевозможныхъ сортовъ. Для умирающихъ оптомъ уступка. Прошу гг. умирающихъ остерегаться поддѣлокъ.

ПРИСЯЖНЫЙ ПОВѢРЕННЫЙ И. Н. МОШЕННИКОВЪ

Ведетъ дѣла. На случай обвинительнаго приговора предлагаетъ залогъ".

Среди мелочей—въ отдѣлѣ *„И то, и се"* мы нашли *„Поэзію* и *Прозу"* — подписанную Антошей Ч. Эти „мелочи" не вошли ни въ одно изъ собраній сочиненій Чехова. Приводимъ ихъ по тексту „Зрителя":

„ПОЭЗІЯ И ПРОЗА

Прекрасный, морозный полдень. Солнце играетъ въ каждой снѣжинкѣ.

Ни тучъ, ни вѣтра.

На бульварной скамьѣ сидитъ парочка.

— Я васъ люблю!—шепчетъ онъ.

На ея щекахъ играютъ розовые амурчики.

— Я васъ люблю! — продолжаетъ онъ: — увидѣвъ впервые васъ, я понялъ, для чего я живу, я узналъ цѣль моей жизни! Жизнь съ вами, — или абсолютное небытіе! Дорогая моя! Марья Ивановна! Да, или нѣтъ? Маня! Марья Ивановна!.. Люблю... Манечка... Отвѣчайте, или же я умру! Да, или нѣтъ?

Она поднимаетъ на него свои большіе глаза. Она хочетъ сказать ему: „да“. Она раскрываетъ свой ротикъ.

— Ахъ!—вскрикиваетъ она.

На *его* бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ, обгоняя другъ друга, бѣгутъ два большущіе клопа... О, ужасъ!!!

— „Милая маменька, — писалъ нѣкій художникъ своей маменькѣ.—Ѣду къ вамъ! Въ четвергъ утромъ я буду имѣть счастье прижать васъ къ своей полной любовью груди! Чтобы продолжить сладость свиданія, я везу съ собой... Кого? Угадайте! Нѣтъ, не угадаете, маменька! Не угадаете! Я везу съ собой чудо красоты, перлъ человѣческаго искусства! Везу я (вижу вашу улыбку) Апполона Бельведерскаго!“

— „Милый Колечка!—отвѣчала маменька.—Очень рада, что ты ѣдешь. Господь тебя благословитъ! Самъ пріѣзжай, а господина Бельведерскаго не вези съ собой, намъ и самимъ ѣсть нечего!“

Воздухъ полонъ запаховъ, располагающихъ къ нѣгѣ: пахнетъ сиренью, розой; поетъ соловей, солнце свѣтитъ... и такъ далѣе.

Въ городскомъ саду, на скамеечкѣ, подъ широкой акаціей сидитъ гимназистъ восьмого класса, въ новенькомъ мундирчикѣ, съ пенснэ на носу и съ усиками. Возлѣ него хорошенькая.

Гимназистъ держитъ ее за руку, дрожитъ, блѣднѣетъ, краснѣетъ и шепчетъ слова любви.

— О, я люблю васъ! О, еслибъ вы знали, какъ я люблю васъ!

— И я люблю!—шепчетъ она.

Гимназистъ беретъ ее за талію.

— О, жизнь! Какъ хороша ты! Я утону, захлебнусь въ счастьи! Правъ былъ Платонъ, сказавшій, что... Одинъ только поцѣлуй! Оля! Поцѣлуй. И больше ничего на свѣтѣ.

Она томно опускаетъ глазки... О, и она жаждетъ поцѣлуя! Его губы тянутся къ ея розовымъ губкамъ... Соловей поетъ еще громче...

— Идите въ классъ! — раздается дребезжащій теноръ надъ головою гимназиста.

Гимназистъ поднимаетъ голову, и съ его головы сваливается кепи...

Передъ нимъ инспекторъ...

— Идите въ классъ!

— Кгм... Теперь большая перемѣна, Александръ Федоровичъ!..

— Идите! У васъ теперь латинскій урокъ! Останетесь сегодня на два часа!

Гимназистъ встаетъ, надѣваетъ кепи и идетъ... идетъ, чувствуетъ на своей спинѣ ея большіе глаза... Вслѣдъ за нимъ семенитъ инспекторъ...

На сценѣ даютъ Гамлета.

— Офелія!—кричитъ Гамлетъ.—О, нимфа! помяни мои грѣхи...

— У васъ правый усъ оторвался! — шепчетъ Офелія.

— Помяни мои грѣхи... А?

— У васъ правый усъ оторвался!

— Проклятіе!.. въ твоихъ святыхъ молитвахъ...

Наполеонъ I приглашаетъ на балъ во дворецъ маркизу де-Шальи.

— Я пріѣду съ мужемъ, ваше величество! — говоритъ м-ме Шальи.

— Пріѣзжайте однѣ, — говоритъ Наполеонъ. Я люблю хорошее мясо безъ горчицы.

2

Мастеръ на выдумку, Антоша Чехонте умѣлъ заинтересовать и даже огорошить читателя совершенно неожиданнымъ гротескомъ. Онъ могъ дать начало разсказа, намекающаго, предположимъ, на страшное злодѣяніе, якобы учиняемое героями, но когда повѣствованіе объ ужасахъ достигало своего апогея — лукавый и искусный повѣствователь, — онъ вдругъ сводилъ кажущуюся трагедію къ забавной шуткѣ. Таковъ, напр., набросокъ:

„НЕПОНЯТНЫЯ РѢЧИ"

— Хорошо, несомнѣнно хорошо: и просторно, и свѣта въ квартирѣ довольно. Одно только неладно — печь не на мѣстѣ. Отодвиньте-ка ее немножко къ окну.

— Вы думаете.

— Да. Напрасно вы ее такой тяжелой сдѣлали. Слѣдовало бы полегче. Я бы посовѣтовалъ вамъ выкинуть кафели и оштукатурить известкой. А въ углу еще чугунную печку поставить.

— Гм... Пожалуй вы и правы. Съ чугунной печью будетъ лучше...

— Потомъ, не дурно было бы уничтожить окно и пробить его въ капитальной стѣнкѣ. Тутъ оно не у мѣста. И небо изъ него какое-то сѣрое видно...

— Вообразите, я и самъ такъ думалъ. Вы знаете что. Я думаю плюнуть на небо.

— И прекрасно сдѣлаете, если наплюете. Отъ неба ни вкуса, ни радости...

— Ну, а сарайчикъ у мѣста?

— Какъ вамъ сказать... По моему—выбросить бы совсѣмъ или отставить вправо этакъ вершка на полтора.

— Весь цѣликомъ?

— Понятное дѣло. Очень некрасивый видъ изъ окна. Я бы и помойную яму перенесъ въ другое мѣсто...

— Ну ужъ это извините. Если хотите, на небеса наплюю, но ужъ помойки вамъ не уступлю. Я надъ нею долго работалъ. Вы посмотрите сколько одной грязи-то... Тошнитъ даже...

— Это правда. Только вы ужъ кошку дохлую бросьте для красоты, такъ чтобы санитары въ восторгъ пришли... Вообще, заразите мѣстность посильнѣе, сдѣлайте чтобы такъ холерой и дышала.

— Да чего же вамъ больше. Кажется и такъ ручьи грязи текутъ. Смотрите, кажется даже и изъ подъ пола сочится. Атмосфера самая подлая, удушливая...

— Да, не продохнешь... Напустите еще дыму подъ потолокъ, чтобы ѣлъ глаза.

— Могу...

— Потомъ... У вашей жены чахотка еще недостаточно развита. Вдавите ей грудь побольше и безъ церемоніи... Постарайтесь, чтобы она кровью кашляла, чтобы глаза горѣли неестественнымъ предсмертнымъ блескомъ... Къ тому же напрасно она лежитъ подъ одѣяломъ. Это—роскошь... Раздѣньте ее и пусть она дрогнетъ отъ холода, какъ собака...

— По моему и безъ того довольно...

— Вовсе нѣтъ. Раскройте глаза и хорошенько посмотрите въ оба: она у васъ почти здорова. Развѣ такъ можно. Вы вовсе не заботитесь о томъ, чтобы дѣло шло, какъ можно хуже, какъ можно неприглядн-нѣе. Знаете, что я вамъ скажу по совѣсти: вы напрасно вогнали вашу жену въ чахотку. Я на вашемъ мѣстѣ лучше отравилъ бы ее, да не просто отравилъ,

а постарался бы, чтобы агонія была какъ можно медленнѣе, какъ можно мучительнѣе...

— Вообразите: вѣдь это идея. Мнѣ и въ голову не приходило...

— Вотъ то-то и дѣло... Я бы скарячилъ ее, согнулъ бы въ три погибели... Вотъ какъ. А у васъ—ерунда какая-то, милосердіе... Подъ одѣяло уложилъ... Нѣжности...

— Ну положимъ. Въ этомъ я поспорю.

— Напрасно. Вы всегда были нюня. Ни одного рѣзкаго, жестокаго движенія... Вы и ножикомъ въ бокъ пырнуть не способны, и кровь пустить не сумѣете... Чуть мертвецкое лицо, да выпученные глаза такъ вы и спасуете... Вѣдь вы—трусъ... Въ васъ жилки этакой кровавой нѣтъ.

— Это правда.

— Вотъ оно и есть. Въ прошломъ году, когда вы повѣсили вашу горничную, такъ смотрѣть было жалко: не сумѣли. Одѣлъ жертву въ лучшее платьице, накинулъ петлю на шею и вздернулъ на крюкъ... Ни красы, ни радости... Хотите я дамъ вамъ дружескій совѣтъ, прямо отъ сердца...

— Пожалуйста...

— Сходите въ Сокольники и выберите мѣстечко потемнѣе и поглуше, потомъ найдите подъ Хитровымъ рынкомъ самаго жалкаго нищаго въ рубищахъ, купите ножикъ хорошій на Смоленскомъ рынкѣ и въ добрый моментъ...

— Ну, ну.

— Пырните ножемъ и бросьте его на землю въ самой варварской позѣ, и—повѣрьте,—успѣхъ будетъ полный. Тогда по крайней мѣрѣ вамъ потомство скажетъ спасибо за хорошее дѣло. Поняли. Прощайте.

— Понялъ, спасибо... Воткну ножъ безъ всякой жалости... adio.

Теперь—маленькое объясненьице. Только что изложенную бесѣду вели между собою два очень молодыхъ человѣка съ самыми добрыми лицами. Никто при взглядѣ на нихъ не могъ бы сказать, что они были злодѣи и при томъ такіе закоренѣлые. Ихъ молодость и открытыя лица говорили противъ этого... уже только потому, что это были—два невинные художника, разсуждавшіе объ картинахъ" [4]).

3

Тонкій наблюдатель, улавливающій въ массѣ выразительныя черты глупости, пошлости, слабости человѣческой, и эти черты обобщая, дѣлая типичными,—Чеховъ и въ самые ранніе годы своего писательства умѣлъ находить курьезы — забавные документы, рисующіе бытъ и нравы.

Нижегородская ярмарка и связанный съ нею, особенно въ былые годы, купеческій разгулъ и дебошъ была любимѣйшей темой юмористовъ „Стрекозы" и „Будильника". Не прошелъ мимо этой темы и Антоша Чехонте.

Но то, что служило непритязательнымъ „увеселителямъ"— лишь поводомъ для грубоватыхъ насмѣшекъ и гоготанія—въ глазахъ Чехова уже пріобрѣтало нѣкоторую цѣнность—давая ему возможность образно и ярко оттѣнять типически-бытовыя черточки. Въ „ярмарочномъ „итого" — проходитъ цѣлая галлерея типовъ: артистъ Хряпуновъ, фельдшеръ Фряковъ, адвокатъ Ерзаевъ и пр.

Вотъ это ярмарочное

„И Т О Г О":

„Въ карманахъ одного московскаго первой гильдіи купца, недавно возвратившагося изъ нижегородской ярмарки, найдена женою куча бумажекъ. Бумажки

изорваны, помяты, письма на нихъ потерты, но не смотря на это на нихъ можно было разобрать слѣдующее:

„М. г. Семенъ Ивановичъ. Побитый вами артистъ Хряпуновъ согласенъ помириться на ста рубляхъ. Не беретъ ни копѣйки меньше. Жду отвѣта. Вашъ адвокатъ Н. Ерзаевъ. . . . . .

. . . . . .

Господинъ невѣжда купеческаго званія. Будучи вами оскорбленъ по вашей необразованности, я подалъ жалобу господину мировому судьѣ. Ежели вы сами не понимаете, то пусть правосудіе и гласный судъ укажутъ вамъ, какого я званія человѣкъ. Вашъ адвокатъ Ерзаевъ говорилъ, что вы не согласны заплатить сто рублей. Въ такомъ случаѣ я могу скинуть и возьму съ васъ за вашу подлость 75 руб. Только изъ снисхожденія къ вашему недалекому уму, къ вашему животному, такъ сказать, инстинкту запрашиваю съ васъ такъ дешево, съ образованныхъ же людей я беру за оскорбленіе дороже.

Артистъ Хряпуновъ

. . . . . .

. . . . . .

. . по дѣлу о взысканіи съ васъ 539 р. 43 к. по оцѣнкѣ за разбитое зеркало и испорченное вами піанино въ ресторанѣ Глухарева... . . . . .

. . . . . .

. . Помазывать синяки утромъ и вечеромъ . . . .

. . . . . .

. . А послѣ того, какъ сподобился подмоченный ситецъ за настоящій спустить, должонъ я дрызнуть. Валяй подъ вечеръ къ Ѳедосьѣ. Захвати музыканта Кузьму

горчицей ему голову мазать, да мамзелей штуки четыре. Выбирай какія попухлявѣй . . . . . .

. . . . . .

. . насчетъ векселя—накося выкуси. По гривеннику съ моимъ удовольствіемъ, а въ отношеніи злостнаго банкротства бабушка на двое сказала. . . . . .

. . . . . .

Находясь въ бѣлой горячкѣ отъ употребленія излишнихъ напитковъ (delirium trëmens), я ставилъ вамъ кровососныя банки, чтобы привести васъ въ надлежащую умственность, за каковой трудъ прошу подателю сей записки уплатить три рубля. Фельдшеръ Егоръ Фряковъ. . . . . .

. . . . . .

Сеня ты не обижайся. Записалъ я тебя у мирового въ свидѣтели насчетъ оскорбленія въ публичномъ мѣстѣ въ разсужденіи того случая, когда насъ били, а ты говоришь, что я зря. Не фордыбачься, потому вѣдь и тебѣ за загривокъ влетѣло. Не давай синякамъ сходить, растравляй . . . . . .

СЧЕТЪ

1 п. стерляжей ухи	1 р.	80 к.
1 бут. финь-шампань	8 „	— „
За разбитый графинъ	5 „	— „
Извощикъ за мамзелями	2 „	— „
Щи для цыгана	— „	60 „
За порванный фракъ на официантѣ	10 „	— „

. . . . . .

. . Цѣлую тибя несчетно разъ и приходи по следу-

ющему адресу Мебли. Комнаты Фаянсова номеръ 18 спросить Марфу Сивягину. Твоя любящія Анжелика.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Человѣкъ безъ селезенки"

4

Вообще искусство изображать своихъ „героевъ" не показывая ихъ даже во весь ростъ,—а только пользуясь, напр., ихъ жаргономъ, ихъ словечками, ихъ наивными разсужденіями—очень сильно развито въ юномъ Чеховѣ. Въ 1885 году послѣдовало запрещеніе дамамъ сидѣть въ шляпкахъ въ партерѣ Императорскихъ театровъ. „Братъ моего брата" (одинъ изъ псевдонимовъ Чехова) собралъ для „Будильника" (№ 39, 1885 г.) „мнѣнія" разныхъ лицъ по поводу этой реформы.

Эти Пятирыловы, Пыжиковы и Иванъ Ивановичи—выражающіе свои сужденія—встаютъ, какъ живыя. Поистинѣ: слогъ это—человѣкъ.

Вотъ отвѣтъ на „анкету" купчихи Пятирыловой:

„Таперя ежели которая и пойдетъ въ кіатръ, то самая непутящая... какая нибудь дикая, безчуственная... Степенная не пойдетъ, потому нашего брата, листократку, только по шляпкѣ и отличишь отъ непутевыхъ... Не по рылу же узнаютъ, что я первогильдейная.

Извозчика. Что шляпки. Шляпки—тьфу. А вотъ ежели бы указъ вышелъ, чтобъ тульнюровъ не носили. Мало того, что одна три мѣста занимаетъ, она еще своими пружинами сидѣнье портитъ...

Штабсъ-капитанши Пыжиковой. Ка-акъ?!. Не носить въ театрѣ шляпокъ. Такъ зачѣмъ же я въ такомъ случаѣ себѣ новую шляпку заказала. Гдѣ я въ ней ходить буду? Да будь я не ладна, чтобъ я въ

театръ безъ шляпы пошла. Что мнѣ тамъ безъ шляпки дѣлать. Нешто нынѣшній мужчина любитъ простоволосыхъ?!. На мужчинъ-то мнѣ плевать, я замужемъ, но все таки...

Дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. И отлично. По крайности и я теперь буду ходить въ театръ. Никто не замѣтитъ, что у меня нѣтъ шляпки.

Моей тещи. Я вдова статскаго совѣтника. Не позволю. Мало того, что отъ зятя за свой парикъ насмѣшки терплю, такъ хотятъ еще, чтобъ и другіе мою „наготу“ увидѣли. Не бывать этому.

Клемансъ, Бланшъ и Анжелики. Вотъ еще. Очень намъ нужны казенные театры. Мы и въ частные можемъ ходить...

Ивана Ивановича Иванова. Ни къ чему эта мѣра не поведетъ-съ, вѣрьте слову-съ... Женщина—штука бѣдовая. Вы ей шляпку запретили носить, а она на зло вамъ на своей головѣ изъ волосъ такую вавилонскую башню устроитъ, что не только актеровъ, но и свѣта не увидите. Вѣрьте слову-съ.

Іудушки. Хе-хе-хе... Обидѣли моихъ голубушекъ. И къ чему это противъ характера дѣлать. Вмѣсто того, чтобы шляпы снимать, они-бы такъ сдѣлали: отдали-бы мужчинамъ партеръ, а дамочкамъ—галерку—и шляпы цѣлы, и всѣмъ видно... Хе-хе...“

Встаютъ колоритнѣйшія фигуры и въ этихъ „мнѣніяхъ“, и въ тѣхъ бѣглыхъ характеристикахъ, которыя извлекалъ Чеховъ изъ какой-нибудь „записной книжки коммиссіонера“, или изъ образцовъ писемъ „новѣйшаго письмовника“.

Женихи, рекомендуемые, напримѣръ, въ „записной книжкѣ комиссіонера“ по яркости красокъ не уступаютъ тѣмъ, которыми хвастаетъ гоголевская сваха въ „Женитьбѣ“.

Вотъ эта:

„ЗАПИСНАЯ КНИЖКА КОМИССІОНЕРА“

Кучкинъ. Иванъ Саввичъ, губернскій секретарь, 42 лѣтъ, некрасивъ, рябъ, гнусавъ, но весьма представителенъ. Принятъ въ хорошихъ домахъ и имѣетъ тетку полковницу. Живетъ отдачей денегъ подъ проценты. Ищетъ дѣвушку лѣтъ 18-20. Которая была бы изъ хорошаго дома и говорила по французски. Необходимо должна быть миловидна и имѣть приданное въ размѣрѣ 15-2000.

Фешкинъ, отставной капитанъ. Пьетъ и болѣетъ ревматизмомъ. Желаетъ жену, которая смотрѣла бы за нимъ. Согласенъ и на вдовѣ, лишь бы не старше 25 лѣтъ и имѣла капиталъ.

Прудоновъ, ретушеръ, ищетъ невѣсту съ фотографіей, которая была бы не заложена и давала не менѣе 2000 въ годъ. Пьетъ, но не постоянно, а запоемъ. Брюнетъ и имѣетъ черные глаза.

Гнусина, вдова, имѣетъ два дома и тысячъ сто наличныхъ, ищетъ генерала, хотя бы и отставного. На лѣвомъ глазу едва видимое бѣльмо и говоритъ съ присвистомъ. Утверждаетъ, что хотя она и значится вдовой, но на самомъ дѣлѣ дѣвица, такъ какъ покойный мужъ ея въ день свадьбы заболѣлъ трясеніемъ всѣхъ членовъ.

Женскій. Дифтеритъ Алексѣевичъ, артистъ театровъ, 35 лѣтъ, неизвѣстнаго званія. Говоритъ, что

у его отца винокуренный заводъ, но навѣрное брешетъ. Одѣтъ всегда во фракъ и бѣлый галстукъ, потому что другой одежи нѣтъ. Оставилъ театръ по причинѣ хриплаго голоса. Желаетъ купчиху любой комплекціи, лишь бы съ деньгами.

Кутузовъ, бывшій штабсъ-капитанъ, осужденный въ ссылку въ Томскую губернію за растраты и подлоги, желаетъ осчастливить сироту, которая пошла бы съ нимъ въ Сибирь. Должна быть дворянскаго рода [5]).

Полны юмора и „образцы писемъ“ [6]):

„НОВѢЙШІЙ ПИСЬМОВНИКЪ“

Къ начальнику: Ваше Превосходительство, милостивый отецъ и благодѣтель! Осмѣливаюсь почтительнѣйше донести Вашеству, что помощникъ бухгалтера Пересѣкинъ, будучи вчера на крестинахъ у Чертоболотова, неоднократно высказывалъ мысль о необходимости перекраски половъ въ правленіи, покупки новаго сукна на столы и проч. Хотя въ сей мысли и нѣтъ ничего вредоноснаго, но нельзя не подмѣтить въ ней нѣкоторого недовольства существующимъ порядкомъ. Жаль, что среди насъ есть еще люди, которые по легкомыслію не могутъ оцѣнить благъ, получаемыхъ отъ Вашества! Чего они хотятъ, что имъ нужно?! Недоумѣваю и скорблю!.. Вашество! Благодѣянія, въ коихъ вы неутомимы, не имѣютъ числа, но довершите, Вашество, благостыню Вашу и исторжите изъ среды нашей людей, кои и сами гибнутъ и другихъ влекутъ

къ погибели. Примите, Вашество, и пр. Вашъ молитвенникъ Семенъ Гнусновъ.

P. S. Осмѣлюсь напомнить Вашеству о мѣстѣ помощника бухгалтера, которое Вы изволили обѣщать племяннику моему Капитону. Человѣкъ хотя необразованный, но почтительный и трезвый.

Къ подчиненному: Третьяго дня, подавая мнѣ и женѣ моей калоши, ты стоялъ на сквозномъ вѣтру и, какъ говорятъ, простудился, отъ каковой причины и не являешься на службу. За такое небреженіе къ своему здоровью, объявляю тебѣ строгій выговоръ.

Любовное письмо: Милостивая Государыня, Марья Еремѣевна! Имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, имѣю честь предложить Вамъ руку и сердце. На случай какого-либо сомнѣнія прилагаю при семъ полицейское свидѣтельство о поведеніи. Любящій М. Тпруновъ.

Дружеское: Любезный Вася! Не можешь ли ты, голубчикъ дать мнѣ взаймы до завтра пять рублей? Твой Ипохондриковъ. (Отвѣчать слѣдутъ такъ: „Не могу“).

Дѣловое. Ваше Сіятельство, княгиня, Милитриса Кирбитьевна! Почтительнѣйше осмѣливаюсь напомнить Вашему Сіятельству о карточномъ должкѣ въ размѣрѣ 1 р. 12 к., которые я имѣлъ честь выиграть у Вашего Сіятельства третьяго года у Бѣлоѣдова и до сихъ поръ не имѣлъ еще чести получить. Въ ожиданіи и пр.., Зеленопуповъ.

Вредное и пагубное: Вчера я случайно узналъ, что наградами, которыя я получилъ къ Новому году, я обязанъ не моимъ личнымъ заслугамъ, а моей женѣ. Служба моя у Васъ, конечно, уже невозможна, и я

прошу о переводѣ. Примите увѣренія въ моемъ къ вамъ презрѣніи и пр. Такой-то.

Ругательное: М. г.! Вы рецензентъ!

Письмо къ литератору: М. г.! Хотя я и не знакомъ съ Вами, но не могу, изъ любви къ ближнему, и искренно сожалѣя Васъ (по всѣмъ видимостямъ Вы человѣкъ способный), не обратиться къ Вамъ съ добрымъ совѣтомъ: бросьте Ваше вредное занятіе! Одинъ изъ вашихъ доброжелателей.

(Подписи слѣдуетъ избѣгать въ видахъ возможности компрометаціи).

Полны живого юмора разнаго рода „правила“, и наставленія, которыми любилъ мило шутить Антоша Чехонте въ „Осколкахъ“ и въ „Будильникѣ“. Для масляничнаго номера „Будильника“ (№ 4, 1885 г.) онъ сочиняетъ:

МАСЛЯНИЧНЫЯ ПРАВИЛА ДИСЦИПЛИНЫ

§. Масляница получила свое названіе отъ русскаго слова „масло“, которое въ изобиліи употребляется во время блиновъ, какъ чухонское, и послѣ блиновъ, какъ oleum ricini.

§. По мнѣнію Гатцука, Суворина и другихъ календаристовъ, она начинается 28 Января и кончается 3-го Февраля. Замоскворѣцкіе же пупсики и желѣзнодорожные бонзы начинаютъ ее 1-го Января и кончаютъ 31-го декабря.

§. Передъ масляницей сходи къ мастеру и полуди свой желудокъ.

§. Всю недѣлю помни, что ты невмѣняемъ и родства непомнящій, а посему остерегай себя отъ совер-

шенія великихъ дѣлъ, дабы не впасть въ великія ошибки. Истребляй блины, интригуй вдову Попову, сокрушай Ланина, сбивай съ окружающихъ тебя предметовъ зеленыхъ чертиковъ, но не выбирай городскихъ головъ, не женись, не строй желѣзныхъ дорогъ, не пиши книгъ нравственнаго содержанія и проч.

§. Тратясь на муку, водку и зернистую икру, не забывай, что тебѣ предстоитъ еще вѣдаться съ аптекарской таксой.

§. Если тебѣ вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ друзья твои или враги наставятъ фонарь, то не ходи въ городскую управу и не предлагай тамъ услугъ въ качествѣ уличнаго фонаря, а ложись спать и проспись.

§. Не все коту масляница, прійдетъ и великій постъ. Если ты котъ, то имѣй это въ виду.

5

Фельетонистъ и обозрѣватель „Осколковъ“ Чеховъ — Руверъ-Улисъ [7])—даетъ отзвукъ на всѣ злобы дня. Заговорили о пересмотрѣ „Уложенія о наказаніяхъ“ и онъ спѣшитъ внести свой проектъ, доказывая, съ самымъ серьезнымъ видомъ (вещица даже названа „Нѣчто серьезное“—„Осколки“, 1885 г., № 30), что и въ новое изданіе Уложенія не мѣшало бы внести слѣдующія статьи:

„О составляющихъ сообщества любителей сценическаго искусства, и равно о тѣхъ, кои зная о существованіи таковыхъ обществъ, не доносятъ о томъ, куда слѣдуетъ.

О тѣхъ, кои не имѣя таланта и дарованія ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды, позволяютъ себѣ на публичныхъ концертахъ и семей-

ныхъ вечерахъ пѣть романсы, или куплеты. (Для таковыхъ самой лучшей исправительной мѣрой могъ бы служить намордникъ).

О гимназистахъ, употребляющихъ въ любовныхъ письмахъ цитаты изъ извѣстныхъ авторовъ (Прудонъ, Бокль и пр.) безъ указанія источника.

О болѣющихъ писательскимъ зудомъ и изолированія таковыхъ изъ общества.

О постройкѣ за городомъ на счетъ земства толстостѣнныхъ зданій спеціально для дѣвицъ, уличаемыхъ въ злоупотребленіи гаммами.

Объ изгнаніи изъ общества лицъ, кои, выдавая себя за жениховъ, обѣдаютъ ежедневно за счетъ отцовъ, имѣющихъ дочерей.

О преданіи суду рецензентовъ — за лихоимство.

О статскихъ совѣтникахъ, присваивающихъ себѣ титулъ превосходительства.

О педагогахъ, занимающихся лѣсоистребленіемъ.

О супругахъ вице-губернаторовъ, предводителей и старшихъ совѣтниковъ, которыя пользуясь галантностью и услужливостью секретарей, экзекуторовъ и чиновъ полиціи распространяютъ подписные листы „въ пользу одного бѣднаго семейства, на обѣдъ въ честь Ивана Ивановича“, и причемъ порождаютъ въ обывателяхъ малодушный страхъ передъ филантропіей.

О дѣвицахъ, изъ какихъ-либо видовъ скрывающихъ свой возрастъ.

О бракѣ музъ съ безумными и сумасшедшими поэтами...“

„Покушающихся на самоубійства“ Антоша Чехонте соблазняетъ воспѣваніемъ жизни.

„Жизнь прекрасна!“—увѣряетъ онъ. И въ доказательство приводитъ слѣдующее разсужденіе:

„Жизнь пренепріятная штука, но сдѣлать ее прекрасной очень нетрудно. Для этого недостаточно выиграть 200.000, получить Бѣлаго Орла, жениться на хорошенькой, прослыть благонамѣреннымъ — всѣ эти блага тлѣнны и поддаются привычкѣ. Для того, чтобы ощущать въ себѣ счастье безъ перерыва, даже въ минуты скорби и печали нужно: а) умѣть довольствоваться настоящимъ и б) радоваться сознанію, что „могло бы быть и хуже“.

Когда у тебя въ карманѣ загораются спички, то радуйся и благодари Небо, что у тебя въ карманѣ не пороховой погребъ.

Когда къ тебѣ на дачу пріѣзжаютъ бѣдные родственники, то не блѣднѣй, а торжествуя восклицай: „хорошо, что это не городовые“.

Когда въ твой палецъ попадетъ заноза, радуйся: „хорошо, что не въ глазъ!“

Если твоя жена или свояченица играютъ гаммы, то не выходи изъ себя, а не находи себѣ мѣста отъ радости, что ты слушаешь игру, а не вой шакаловъ или кошачій концертъ.

Радуйся, что ты не лошадь конножелѣзки, не коховская „запятая“, не трихина, не свинья, не оселъ, не медвѣдь, котораго водятъ цыгане, не клопъ.

Радуйся, что въ данную минуту ты не сидишь на скамьѣ подсудимыхъ, не видишь передъ собой кредитора и не бесѣдуешь о гонорарѣ съ Турбой.

Если ты живешь не въ столь отдаленныхъ мѣстахъ, то развѣ нельзя быть счастливымъ отъ мысли, что тебя не угораздило попасть въ столь отдаленныя?

Если у тебя болитъ одинъ зубъ, то ликуй, что у тебя болятъ не всѣ зубы.

Радуйся, что ты имѣешь возможность не читать „Гражданина“, не сидѣть на ассенизаціонной бочкѣ, не быть женатымъ сразу на трехъ.

Когда ведутъ тебя въ участокъ, то прыгай отъ восторга, что тебя ведутъ не въ геену огненную.

Если тебя сѣкутъ березой, то дрыгай ногами и восклицай: „какъ я счастливъ, что меня сѣкутъ не крапивой“.

Если жена тебѣ измѣнила, то радуйся, что она измѣнила тебѣ, а не отечеству [8]).

6

Въ качествѣ постояннаго сотрудника „Будильника“ Чехову приходилось писать не только разсказы, но и сочинять подписи для рисунковъ, выдумывать темы художникамъ, и даже давать „описанія“ помѣщенныхъ иллюстрацій. Между прочимъ, просматривая номера журнала за 1885 годъ мы натолкнулись на воспоминанія объ извѣстномъ композиторѣ Даргомыжскомъ, записанныя А. П. со словъ Вл. П. Бегичева, бывшаго директора императорскихъ театровъ. Съ Бегичевымъ, описаннымъ въ романѣ Маркевича „Четверть вѣка назадъ“ подъ именемъ Ашанина, Чеховъ встрѣтился въ Бабкинѣ, въ имѣніи Киселевыхъ (родственниковъ старика Бегичева), въ которомъ Чеховы прожили три лѣта подрядъ.

Двѣ „маленькія были“ довольно любопытны. Вотъ что разсказалъ о А. С. Даргомыжскомъ Бегичевъ:

Случилось, что Александръ Сергѣевичъ и авторъ „Тарантаса“ графъ В. А. Соллогубъ по пріѣздѣ въ Москву остановились въ одно и то же время на квартирѣ г. Б[9]).

Однажды въ сумеркахъ графъ лежалъ на диванѣ и что-то читалъ, а композиторъ стоялъ посреди комнаты и думалъ думу.

— Послушай, Александръ Сергѣичъ, обратился литераторъ къ композитору,—будь другомъ, поставь поближе ко мнѣ свѣчу, а то ничего не видно...

— Въ данную минуту мнѣ приходится оригинальничать, сказалъ Даргомыжскій, принимая съ комода свѣчу и ставя ее на столикъ передъ В. А. Соллогубомъ.—Обыкновенно я ставлю свѣчи передъ образами, теперь же приходится ставить свѣчу передъ образиной...

Въ одно время мнительному А. С. казалось, что Московское отдѣленіе Русскаго Музыкальнаго Общества съ Н. Г. Рубинштейномъ во главѣ питаетъ къ нему непріязненныя чувства, и онъ сталъ избѣгать встрѣчъ съ директоромъ Общества, а при встрѣчахъ на мнимую непріязнь отвѣчалъ холодомъ и сухостью. Замѣтивъ въ пріятелѣ такую перемѣну, Н. Г. Рубинштейнъ совершенно потерялся въ догадкахъ и въ концѣ концовъ отнесъ ее на долю сплетень.

— Что мнѣ дѣлать, недоумѣвалъ онъ однажды, бесѣдуя съ г. Б-ымъ. Даргомыжскій совсѣмъ отъ рукъ отбился. Холоденъ, сентябремъ глядитъ, избѣгаетъ меня... Что я ему сдѣлалъ. За что онъ на меня сердится.

— А ты объяснись съ нимъ, посовѣтовалъ г. Б.

— Гдѣ же я могу съ нимъ объясниться. И какъ. Онъ бѣгаетъ отъ меня.

— Погоди, я это устрою. Позову его къ себѣ, а ты придешь и объяснишься съ нимъ... Ты подойди къ нему и, знаешь, этакъ дружески возьми его за руку и скажи: „Дорогой мой, откуда эта холодность. Вѣдь вы знаете, я васъ всегда такъ любилъ, такъ уважалъ вашъ талантъ...“ и все въ такомъ же родѣ, потомъ обойми его и поцѣлуй... по-дружески... Раскиснетъ.

Н. Г. Рубинштейнъ принялъ этотъ планъ цѣликомъ... Надо сказать, что покойный А. С. терпѣть не могъ цѣловаться съ мужчинами.

— Съ женщиной еще такъ и сякъ, говаривалъ онъ, съ мужчиной же—ну, тебя къ чорту.

Чтобы разсердить А. С. и вывести его изъ себя достаточно было кому-либо изъ представителей не прекраснаго пола подкрасться къ нему и чмокнуть его въ щеку...

— Дуракъ, бранился онъ, вытирая рукавомъ мѣсто поцѣлуя. Дуракъ. Болванъ.

Свиданіе было устроено.

— Дорогой мой, началъ Н. Г. Рубинштейнъ, беря за руку композитора. Скажите, ради Бога, за что вы на меня сердитесь? Что я вамъ сдѣлалъ худого? Напротивъ, я всегда любилъ васъ, уважалъ вашъ талантъ...

И Н. Г. обнялъ А. С. и быстро поцѣловалъ его въ губы. Каково же было его удивленіе, когда А. С. вмѣсто того, чтобы раскиснуть, вырвался изъ объятій Н. Г. и, выбѣгая изъ комнаты, пустилъ по адресу директора Общества и г. Б-ва внушительнаго „дурака“.

Впослѣдствіи, когда миръ былъ водворенъ, это свиданіе, устроенное г. Б. на потѣху, долго смѣшило какъ Н. Г., такъ и самого А. С.“

7

Съ первыхъ же лѣтъ писательства, близкій къ театру, Чеховъ въ цѣломъ рядѣ набросковъ и шутокъ передалъ „театральныя настроенія“ тогдашней Москвы. „Героемъ дня“ былъ въ ту пору извѣстный М. В. Лентовскій. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ насаждалъ въ своемъ театрѣ оперетку и фееріи, мелодрамы и обозрѣнія.

Сборы то понижались, то вновь повышались. Предпріимчивый антрепренеръ, этотъ „магъ и волшебникъ“, какъ звали его по Москвѣ не унывалъ. Прогорая на опереткѣ, онъ поправлялъ дѣла на мелодрамѣ.

Вѣчную погоню Лентовскаго за новой „сенсаціей“, способной привлечь публику, Чеховъ изобразилъ въ забавной пародіи на „жестокую“ мелодраму подъ названіемъ „Кавардакъ въ Римѣ“ — „Комическая странность въ 3-хъ дѣйствіяхъ, 5-ти картинахъ, съ прологомъ и двумя провалами“.

Мастеръ на пародіи, Чеховъ въ „Кавардакѣ“ бьетъ по больному мѣсту тогдашняго репертуара и тогдашнихъ „постановочекъ“.

Вотъ дѣйствующія лица:

Графъ Фалькони, очень толстый человѣкъ.

Графиня, его невѣрная жена.

Луна, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ планета.

Артуръ, художникъ-чревовѣщатель, поющій чревомъ.

Гессе, художникъ. Просятъ не смѣшивать со спичечнымъ фабрикантомъ и коробочнымъ сатирикомъ Гессе.

Сиротка, въ красныхъ чулочкахъ. Невинна и добродѣтельна, но не настолько, чтобы стѣсняться въ выборѣ мужского костюма.

Лентовскій, съ ножницами. Разочарованъ.

Касса, старая дѣва.

Большой сборъ
Маленькій сборъ } ея дѣти.

Барабанщики, факиры, монахини, лягушки, быкъ изъ папье-маше, одинъ лишній художникъ, тысяча надеждъ, злые геніи и проч.

ПРОЛОГЪ

(Начинается апоѳеозомъ по рисунку Шехтеля [10]). Касса блѣдная, тощая, держитъ на рукахъ голоднаго сына своего Маленькаго Сбора и съ мольбою глядитъ на публику. Лентовскій заноситъ кинжалъ, стараясь убить Маленькаго Сбора, но это ему не удается, такъ какъ кинжалъ тупъ. Картина. Бенгальскіе огни, стоны... Черезъ сцену пролетаетъ вампиръ).

Лентовскій. Убью тебя, о, ненавистный ребенокъ. Иванъ, подай мнѣ сюда другой ножъ. (Иванъ, похожій на Андраши, подаетъ ему ножъ, но въ это время спускается Злой геній).

Злой геній (шепчетъ Лентовскому). Поставь „Кавардакъ въ Римѣ“ — и дѣло въ шляпѣ: Маленькій Сборъ погибнетъ.

Лентовскій (хлопаетъ себя по лбу). И какъ это я раньше не догадался. Григорій Александровичъ, ставьте „Кавардакъ въ Римѣ“. (Слышенъ голосъ Арбенина [11]): „Шикарно“). Съ процессіей, чортъ возьми. (Засыпаетъ въ сладкихъ надеждахъ).

Дѣйствіе I

Сиротка (сидитъ на камушкѣ). Я влюблена въ Артура... Больше я вамъ ничего не могу сказать. Сама я маленькая, голосъ у меня маленькій, роль маленькая, а если я говорю большія длинноты, такъ на то у васъ уши и терпѣніе есть. Я то еще ничего, а вотъ подождите-ка, какой длиннотой угоститъ васъ сейчасъ Тамаринъ. Еще и не такъ поморщитесь. (киснетъ).

Луна. Гмъ. (зѣваетъ и хмурится).

Рафаэли-Тамаринъ [12]) (входитъ). Я сейчасъ вамъ разскажу... Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ... (набираетъ въ себя воздуху и начинаетъ длиннѣйшій монологъ. Два раза онъ садится, пять разъ утираетъ потъ, въ концѣ концовъ хрипнетъ и, чувствуя въ горлѣ предсмертную агонію, умоляюще глядитъ на Лентовскаго).

Лентовскій (звякая ножницами). Ужо надо будетъ урѣзать.

Луна (хмурясь). Не удрать ли? Судя по первому дѣйствію, изъ оперетки одна только грусть выйдетъ.

Рафаэли (покупаетъ у сиротки картину Артура за тысячу рублей). Выдамъ за свою картину.

Фалькони (входитъ съ графиней). Въ первомъ дѣйствіи не нужны ни я, ни моя супруга, но тѣмъ не менѣе, волею автора позвольте представиться... Моя супруга, измѣнщица. Прошу любить и жаловать... Если не смѣшно, то извините.

Графиня (измѣняетъ мужу). Бѣда быть женою ревниваго мужа. (измѣняетъ мужу).

Гессе. Я лишній на сценѣ, а между тѣмъ, стою здѣсь... Куда дѣть руки. (не зная, куда дѣть руки, ходитъ).

Сиротка (взявъ отъ Рафаэли деньги, ѣдетъ въ Римъ къ Артуру, въ котораго влюблена. Для неизвѣстной цѣли переодѣвается въ мужское платье. За ней ѣдутъ въ Римъ всѣ).

Луна. Какая смертоносная скучища... Не затмиться ли мнѣ. (Начинается затменіе луны).

Дѣйствіе II и III

Графиня (измѣняетъ мужу). Артуръ душка...

Сиротка. Поступлю къ Артуру въ ученики (поступаетъ и киснетъ. Ей подносятъ вѣнокъ (honoris causa).

Артуръ. Я влюбленъ въ графиню, но мнѣ нужна не такая любовь... Я хочу любить тихо, платонически...

Графиня (измѣняетъ мужу). Какой хорошій мальчишка. (заглядывается на сиротку). Дай-ка я съ нимъ поцѣлуюсь. (измѣняетъ мужу и Артуру).

Артуръ. Я возмущенъ.

Сиротка (переодѣвается въ женское платье). Я женщина. (Выходитъ за внезапно полюбившаго ее Артура).

Публика. Это и все. Гм...

Процессія: толпа людей, одѣтыхъ лягушками, несетъ бумажнаго быка и двѣ бочки.

Оперетка (проваливаясь). Ужъ сколько на этомъ самомъ мѣстѣ разныхъ разностей проваливалось.

Лентовскій (хватая проваливающуюся оперетку за шиворотъ). Нѣтъ, стой! (начинаетъ урѣзывать ее ножницами). Стой, матушка... Мы тебя еще починимъ... (урѣзавъ, пристально смотритъ). Только испортилъ, чортъ возьми.

Оперетка. Ужъ чему быть тому не миновать (проваливается).

ЭПИЛОГЪ

Апоѳеозъ. Лентовскій на колѣняхъ. Добрый геній, защищая кассу съ ребенкомъ, стоитъ передъ нимъ въ позѣ проповѣдника... Въ перспективѣ стоятъ новыя оперетки и Большой Сборъ [13]).

Разумѣется, всѣ эти „мелочи“, и пародіи — не такъ уже значительны. Къ Чехову, къ такому, какъ мы знаемъ его, — эти раннія „шалости пера“ не прибавляютъ ни одного штриха. Но изучая его творчество во всемъ объемѣ, слѣдя за всѣми этапами его писательства, всматриваясь во всѣ событія его жизни, нельзя миновать этихъ шутокъ, подчасъ легкомысленныхъ и чуточку нескромныхъ, нельзя пройти мимо „80-хъ годовъ“, наложившихъ, разумѣется, извѣстный слѣдъ и на самые пріемы его мастерства, и на самое содержаніе его произведеній эпохи „Пестрыхъ разсказовъ“...

И, быть можетъ, эти блестки, съ беззаботной щедростью молодого таланта разбрасываемыя повсюду,—должно изучать внимательно: вѣдь заманчиво улавливать ихъ далекое отраженіе въ томъ драгоцѣнномъ вѣнцѣ удивительныхъ созданій искусства, который оставленъ Антономъ Чеховымъ. И поучителенъ его творческій путь, его эволюція, его чудесное превращеніе изъ забавника въ поэта человѣческой скорби, явленной въ лирикѣ утонченной, звучащей сладко, какъ музыка...

ЧЕХОВЪ—ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИКЪ

Изслѣдователямъ чеховскаго творчества, въ ту его раннюю пору, когда драгоцѣнныя крупицы молодого и яркаго дарованія съ такой беззаботной щедростью разсыпались по „Будильникамъ“ и по „Осколкамъ“ — извѣстно, что Антоша Чехонте, въ качествѣ прилежнаго обозрѣвателя московской жизни,—не разъ откликался и на театральныя злобы дня. Подъ псевдонимомъ „Человѣка безъ селезенки“, „Брата моего брата и пр.—выступалъ все тотъ же искрящійся неподдѣльнымъ юморомъ, чуткій и внимательный наблюдатель, зло вышучивающій убожество тогдашняго репертуара и мѣтко пародирующій „страшныя“ мелодрамы, коими подчивалъ москвичей „магъ и волшебникъ“ М. В. Лентовскій.

Приходилось Чехову появляться и въ роли театральнаго критика.

Его рецензіи интересны потому, что, написанныя въ видѣ юмористическаго фельетона, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о серьезныхъ взглядахъ на задачи искусства, которыми уже и тогда былъ полонъ этотъ беззаботный сотрудникъ юмористическихъ журнальчиковъ.

Въ требованіяхъ молодого критика, предъявляемыхъ къ театру, уже ясно звучатъ ноты недовольства, недовольства направленнаго противъ рутины, т.-е. тѣ самыя ноты, которымъ суждено будетъ зазвучать съ такой силой въ творчествѣ Чехова-драматурга.

1

ЧЕХОВЪ О САРѢ БЕРНАРЪ

Въ 1881 году въ Москву пріѣхала впервые Сара Бернаръ; гастролямъ знаменитой артистки предшествовала довольно шумная и беззастѣнчивая реклама. Толковъ и пересудовъ въ московскомъ обществѣ была масса. Молодой Чеховъ, отнесся, однако, скептически къ пріѣзду знаменитости. Для журнала „Зритель"—органа бойкаго и достаточно легкомысленнаго, онъ написалъ (въ № 22) шутливую „біографію" артистки и рецензію объ ея спектаклѣ (въ № 24—25). Какъ увидитъ читатель, критическій отзывъ написанъ далеко не въ тонѣ „юмористики" того времени, и примѣчателенъ, какъ яркое свидѣтельство взыскательнаго художественнаго вкуса юнаго автора, эстетическое пониманіе котораго никакъ не мирилось съ нѣсколько аффектированной игрой „великой Сары".

Вообще къ пріѣзжей знаменитости Чеховъ отнесся иронически. Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ онъ ея жизнеописаніе:

„Побывавшая на обоихъ полюсахъ, избороздившая своимъ шлейфомъ вдоль и поперекъ всѣ пять частей свѣта, проплывшая всѣ океаны, не разъ летавшая подъ самыя небеса, тысячу разъ извѣстная Сара Бернаръ не побрезговала и Бѣлокаменной.

Въ среду, часовъ въ $6^1/_2$ вечера, два локомотива величаво подползли подъ навѣсъ Курскаго вокзала, и мы увидѣли всесвѣтную, легендарную диву. Мы увидѣли ее... но чего намъ стоило это?! Намъ помяли бока, оттоптали ноги; у насъ болятъ глаза, потому что мы пальцами растянули наши орбиты, чтобы сквозь вокзальный полумракъ на платформѣ получше разсмотрѣть дитя Парижа, такъ кстати нарушившее нашъ уродливый покой. И Москва стала на дыбы...

Два дня тому назадъ Москва знала только четыре

стихіи, теперь же она неугомонно толкуетъ о пятой. Она знала семь чудесъ, теперь же не проходитъ и полминуты, чтобы она не говорила о восьмомъ чудѣ. Тѣ, которымъ посчастливилось достать хоть самый маленькій билетъ, умираютъ отъ нетерпѣнія, ожидая вечера. Забыты глупая погода, плохія мостовыя, дороговизна, тещи, долги. Нѣтъ того канальи-извозчика, который, сидя на козлахъ, не разводилъ бы рацей о пріѣзжей. Газетчики не пьютъ, не ѣдятъ, бѣгаютъ, суетятся. Однимъ словомъ, артистка стала нашей idée fixe. Мы чувствуемъ, что въ нашихъ головахъ происходитъ нѣчто подобное первичному умопомѣшательству.

Про Сару Бернаръ писали и пишутъ ужасно много! Если бы мы собрали все то, что было написано о ней, и продали бы на пуды (по полтора рубля за пудъ), и если бы мы пожертвовали полученную отъ продажи сумму „Обществу покровительства животныхъ“, то — клянемся нашими перьями! — лошади и собаки обѣдали бы и ужинали по меньшей мѣрѣ у Оливье или у Татаръ.

Писали много и, разумѣется... врали много. Врали, кажется, больше, чѣмъ не врали. Писали о ней французы, нѣмцы, негры, англичане, готтентоты, греки, патагонцы, индійцы... напишемъ и мы о ней что-нибудь, напишемъ и постараемся не врать *). Наружности ея описывать не станемъ по двумъ, весьма основательнымъ причинамъ: во-первыхъ, нашъ талантливый художникъ г. Чеховъ [14]) дастъ въ слѣдующемъ

*) Замѣчательно, господа! Какъ только начнешь писать про Сару Бернаръ, такъ и хочется что-нибудь соврать. Почтенная дива, надо полагать, поработила самую красивую изъ человѣческихъ страстей...

номерѣ портретъ, а во-вторыхъ, наружность парижско-семитическая не поддается описанію.

М-ме Сара Б. родилась въ Гаврѣ отъ отца еврея и матери голландки. Въ Гаврѣ прожила она, къ счастью, не долго. Судьба, въ образѣ ужасной бѣдности, загнала ея мать въ Парижъ. Попавъ въ Парижъ, Сара поступила въ консерваторію. На пріемномъ испытаніи въ консерваторіи она прочла басню Лафонтена съ такимъ чувствомъ и выраженіемъ, что гг. экзаменаторы не замедлили поставить ей самый высшій балъ и занести ее въ число принятыхъ. Не прочти она басню съ чувствомъ, получи единицу, не пришлось бы ей, пожалуй, побывать въ Москвѣ. Воспитывалась она въ монастырѣ; будучи порядочной фантазеркой, она чуть-чуть не постриглась въ монахини; однако, артистическая струнка и огонекъ, гулявшій по всѣмъ жилкамъ, помѣшали этому намѣренію.

Впервые выступила она на сцену въ 1863 году. Она дебютировала въ Comedie Française и потерпѣла кораблекрушеніе: ее ошикали. Понесши фіаско и не желая здѣсь, въ Comedie Française играть, вторыя роли, она перешла въ Théâtre de Gimnase. Здѣсь счастье ей улыбнулось. На нее обратили вниманіе. Въ Théâtre de Gimnase она пробыла не долго. Въ одно прекрасное утро директоръ театра получилъ слѣдующую записку: „Не разсчитывайте на меня. Когда вы прочтете эти строки, я буду уже далеко“. Въ то время, когда м-ръ директоръ распечатывалъ эту записку и надѣвалъ очки на носъ, Сара Бернаръ была уже по ту сторону Пиринеевъ.

Человѣкъ вообще ужаснѣйшій невѣжа... Заставить его помнить о себѣ трудно. Легкомысленные французы

совершенно забыли про Сару, пока она разъѣзжала на испанскихъ почтовыхъ въ странѣ померанцевъ и гитаръ. Когда она возвратилась въ Парижъ, ей пришлось поцѣловаться со всѣми театральными замками: двери театра для нея были заперты. Кое-какъ добилась она мѣстечка въ театрѣ Porte Saint-Martin,— мѣстечка статистки на двадцатипятирублевое жалованье. Занимая это ничтожное мѣстечко, она ревностно изучала роли пьесъ, даваемыхъ на сценѣ Одеона, и ея работы увѣнчались успѣхомъ. Въ 1867 году она выступила на сценѣ Одеона въ роляхъ Анны Дэмби въ „Кинѣ“ и Занетты въ пьесѣ Коппэ. Въ роли Занетты Сара превзошла все на свѣтѣ. Успѣхъ былъ такъ грандіозенъ, что генералъ отъ французской литературы Викторъ Гюго нарочно для Сары Бернаръ написалъ роль королевы въ Рюи Блазъ... Дотолѣ микроскопическіе драматурги, благодаря игрѣ Сары начали выдвигаться впередъ и сдѣлались видимыми... Такъ, она выдвинула Коппэ. Съ вторичнымъ поступленіемъ Сары на „первую сцену Франціи“, въ Comedie Française слава ея настолько выросла и упрочилась, что не было въ Парижѣ ни одного легкомысленнаго француза, который не зналъ бы „notre grande Sarah“.

Девизъ Сары—„Quand même“, т.-е. „во что бы то ни стало“. Девизъ хорошъ, эффектенъ, ослѣпителенъ, поразителенъ и вызываетъ чиханіе. Женское quand même ужаснѣе мужского: это засвидѣтельствуютъ намъ всѣ мужья... „Quand même“... Сары—упрямо, настойчиво. Съ нимъ Сара Бернаръ бросилась очертя голову въ такіе тартарары, сквозь которые можно пробиться уму недюжинному и волѣ, по меньшей мѣрѣ, желѣзной. Она прошла, какъ говорится, сквозь огонь,

воду и мѣдныя трубы... Кончилось тѣмъ, что она прослыла „самою оригинальною женщиною“.

Любитъ она больше всего на свѣтѣ рекламу. Реклама — ея страсть. „Figaro“ и „Gaulois“, во вторую половину семидесятыхъ годовъ только тѣмъ и занимались, что во всѣ лопатки воспѣвали grande Sarah. Репортеры цѣлыми арміями ходили за ней и наступали на ея шлейфъ. Въ ея передней всегда толпится такая толпа, которая — ничто въ сравненіи съ толпой кредиторовъ, наполняющую переднюю прокутившагося купеческаго сынка. Реклама — великое дѣло. Она дала состояніе и имя Іоганну Гоффу и, конечно, играла не малую роль въ баснословныхъ подвигахъ Сары.

Больше всего на свѣтѣ не любитъ Сара нѣмцевъ... На здоровье!

Сара Бернаръ соперничаетъ со всѣми музами. Она скульпторъ, живописецъ, писатель и все, что хотите. Группа ея „Послѣ бури“ — довольно серьезная работа. За нее получила она въ „салонѣ“ похвальный отзывъ. Въ живописи она похрамываетъ, но все-таки ея кисть не лишена широкихъ, сочныхъ взмаховъ... Въ обоихъ искусствахъ она реальна.

Въ 1879 году Сара была въ Лондонѣ, и „во время ея лондонскихъ гастролей, — говоритъ „Фигаро“, — не было въ Лондонѣ ни одного англичанина, страдавшаго сплиномъ“. Въ прошломъ году директоръ Comedie Française получилъ отъ нея такую записку: „Не разсчитывайте на меня и проч.“. Когда директоръ разпечатывалъ эту записку и надѣвалъ на носъ очки, Сара была уже по ту сторону океана, въ Америкѣ... Въ Америкѣ она творила чудеса... Летала на поѣздѣ

сквозь горящій лѣсъ, сражалась съ индѣйцами и тиграми и т. п., посѣтивъ тамъ, между прочимъ, профессора черной магіи и волшебника Эдиссона, который показалъ ей всѣ свои телефоны. По свидѣтельству французскаго художника Робида, американцы выпили все озеро Онтаріо, въ которомъ выкупалась Сара... Въ Америкѣ она дала (horribile dictu) 167 представленій. Цифры сборовъ такъ длинны, что ихъ не выговоритъ любой профессоръ по математикѣ... Говорятъ, что французы къ ней уже охладѣваютъ.

Когда она вернулась изъ Америки, ее не пригласили въ Comedie Française, а это... Въ настоящее время она путешествуетъ. Объѣзжаетъ города и веси Европы и пожинаетъ лавры, тщательно минуя Берлинъ. Бѣдные нѣмцы! Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра, лишняя сотня тысячъ рублей останется дома, въ нѣмецкихъ карманахъ, а сотня тысячъ годится дѣтишкамъ на молочишко.

Въ Одессѣ Сару приняли нѣсколько эксцентрично: обрадовались, крикнули ура, и бросили въ карету камушкомъ... Неприлично, но зато оригинально... Камень коснулся Сары, какъ окружность касательной...

Жаретту [15]) кусокъ каретнаго стекла залѣзъ въ глазъ... Дебютъ въ холодныхъ русскихъ степяхъ, какъ видите, ни куда какой...

О подвигахъ Сары въ Москвѣ сообщимъ, и сообщимъ безпристрастно... Какъ гостьѣ скажемъ комплементъ, а какъ артистку раскритикуемъ наистрожайше".

„Антоша Ч.“ сдержалъ обѣщаніе: онъ раскритиковалъ Сару Бернаръ „какъ артистку—наистрожайше“. Приводимъ эту замѣчательную „рецензію“ полностью:

ОПЯТЬ О САРѢ БЕРНАРЪ

— Чертъ знаетъ, что такое!

— Утромъ просыпаемся, прихорашиваемся, натягиваемъ на себя фракъ и перчатки и часовъ въ 12 ѣдемъ въ Большой театръ. Приходимъ домой изъ театра, глотаемъ обѣдъ неразжеваннымъ и строчимъ. Въ восьмомъ часу вечера опять въ театръ; изъ театра приходимъ и опять строчимъ, строчимъ, часовъ до четырехъ. И это каждый день! Думаемъ, говоримъ, читаемъ, пишемъ объ одной только Сарѣ Бернаръ. О, Сара Бернаръ! Кончится вся эта галиматья тѣмъ, что мы до maximum'а разстроимъ свои репортерскіе нервы, схватимъ, благодаря ѣдѣ не во-время, сильнѣйшій каттаръ желудка и будемъ спать безъ просыпа ровно двѣ недѣли послѣ того, какъ уѣдетъ отъ насъ почтенная дива.

Ходимъ въ театръ два раза въ день, смотримъ, слушаемъ, слушаемъ и никакъ не дослушаемся и не досмотримся до чего-нибудь особеннаго. Все какъ-то сверхъ ожиданія обыкновенно, и обыкновенно до безобразія. Смотримъ, не моргая и не мигая, на Сару Бернаръ, впиваемся глазами въ ея лицо и стараемся во что бы то ни стало увидѣть въ ней еще что-нибудь, кромѣ хорошей артистки. Чудаки мы! Раздразнили насъ многообѣщавшія заграничныя рекламы. Мы не видѣли въ ней даже ни малѣйшаго сходства съ ангеломъ смерти. Это сходство признано было за Сарой

(какъ говорилъ кто-то гдѣ-то) одной умиравшей, глядя на которую Сара училась отправляться въ концѣ драмы ad patres.

Что же мы видѣли?

Пойдемте, читатель, вмѣстѣ въ театръ и вы увидите, что мы увидѣли. Пойдемте... ну хоть на „Andrienne Lecouvrer". Идемъ въ восьмомъ часу. Приближаемся къ театру и видимъ безчисленное множество двуглазыхъ, тарахтящихъ каретъ, извозчиковъ, жандармовъ, городовыхъ. Рядъ гуськомъ возвращающихся отъ театра извозчиковъ буквально безконеченъ. Съѣздъ—размѣровъ ужасающихъ. Въ театральныхъ корридорахъ толкотня: московскіе лакеи налицо всѣ до единаго. Одеждъ не вѣшаютъ, а, за неимѣніемъ крючковъ на вѣшалкахъ, складываютъ ихъ вчетверо, сжимаютъ и кладутъ одно платье на другое, какъ кирпичи. Входимъ въ самую суть. Начиная съ оркестра и кончая райкомъ, роится, лѣпится, мелькаетъ такая масса всевозможныхъ головъ, плечъ, рукъ, что вы невольно спрашиваете себя: „Неужели въ Россіи такъ много людей? Батюшки!". Вы глядите на публику, и мысль о мухахъ на обмазанномъ медомъ столѣ такъ и лѣзетъ въ голову. Въ ложахъ давка: на стулѣ сидятъ papa, на колѣняхъ papa—maman, на колѣняхъ послѣдней—дѣтвора; стулъ же въ ложѣ не одинъ. Публика, надо вамъ сказать, не совсѣмъ обыкновенная. Среди театральныхъ завсегдатаевъ, любителей и цѣнителей вы увидите не мало такихъ господъ, которые рѣшительно никогда не бываютъ въ театрѣ. Вы найдете здѣсь сухихъ холериковъ, состоящихъ изъ однихъ только сухожилій, докторовъ медицины, ложащихся спать не раньше, не позже 11 часовъ. Тутъ и до чертиковъ серьезный магистръ диф-

ференціальнаго вычисленія, не знающій, что значитъ—афиша, и какая разница между циркомъ Саламонскаго и Большимъ театромъ. Здѣсь и всѣ тѣ серьезнѣйшіе, умнѣйшіе дѣльцы, которые въ интимныхъ бесѣдахъ театръ величаютъ чепухой, а актеровъ дармоѣдами. Въ одной изъ ложъ засѣдаетъ старушка, разбитая параличомъ, со своимъ мужемъ, глухимъ и пугливымъ князькомъ, бывшимъ въ театрѣ въ послѣдній разъ въ 1848 году. Всѣ въ сборѣ...

Стучатъ. Парижемъ запахло... Въ Парижѣ не звонятъ, а стучатъ. Поднимается занавѣсъ. На сценѣ m-me Lina Tunte и m-me Sidney [16]). Вы видите не совсѣмъ незнакомую картину. Вы что-то подобное, кажется, видѣли года полтора-два тому назадъ на страницахъ „Нивы“ или „Всемірной Иллюстраціи“. Не достаетъ только Наполеона I, стоящаго за портьерой, въ полутѣни и тѣхъ богатыхъ, роскошныхъ формъ, на которыя такъ щедры французскіе живописцы. Начинается тарахтанье и трещанье на французскомъ діалектѣ. Вы вслушиваетесь и ушами едва успѣваете догонять расходившіеся языки картавящихъ француженокъ. Вамъ мало-мальски извѣстно содержаніе „Andrienne Lecouvreur“, вы чуточку утомляетесь слѣдить за игрой и начинаете разсматривать... На сценѣ двѣ француженки и нѣсколько господъ французовъ. Безупречны роскошные костюмы, не нашъ языкъ, это чисто французское умѣнье безконечно улыбаться, переноситъ ваши мысли въ „о, Парижъ, край родной“. Онъ припоминается вамъ, умный, чистенькій, веселый, какъ вдовушка, снявшая трауръ, съ своими дворцами, домами, безчисленными мостами черезъ Сену. Въ лицахъ и костюмахъ этихъ легкомысленныхъ французовъ вы узнаете Comedie

Française съ его первымъ и вторымъ рядами креселъ, на которыхъ возсѣдаетъ сплошной польдекоковскій виконтъ. Вы мечтаете, и передъ вашими глазами мелькаютъ одинъ за другимъ: Булонскій лѣсъ, Елисейскія поля, Трокадеро, длинноволосый Доде, Золя съ своей круглой бородкой, нашъ И. С. Тургеневъ и наша сердечная m-me Лаврецкая, гуляющая, сорящая россійскими червонцами сѣмо и овамо.

Первое дѣйствіе оканчивается. Занавѣсъ падаетъ. Въ публикѣ ни-ни... Тишина гробовая даже въ райкѣ.

Во второмъ дѣйствіи показывается и сама Сара Бернаръ. Ей подносятъ букетъ (нельзя сказать, чтобы плохой, но и не совсѣмъ, не въ обиду будь сказано, хорошій). Сара Бернаръ далеко не похожа на ту Сару Бернаръ, которую вы видѣли на продающихся у Аванцо и Даціаро карточкахъ. На карточкахъ она какъ будто свѣжѣй и авантажнѣй.

Оканчивается второе дѣйствіе. Занавѣсъ падаетъ, и публика аплодируетъ, но такъ лѣниво! Федотовой, и, даже, Кочетовой [17]) аплодируютъ гораздо энергичнѣй. А какъ Сара Бернаръ раскланивается! Съ главою, склоненной нѣсколько на бокъ, выходитъ она изъ средней двери, идетъ къ авансценѣ медленно, важно, никуда не глядя, точно maximus pontifex предъ жертвоприношеніемъ, и описываетъ въ воздухѣ головой невидимую простымъ глазомъ дугу. „Нате, смотрите!— какъ бы написано во всей ея фигурѣ.—Смотрите, удивляйтесь, поражайтесь и говорите спасибо за то, что имѣете честь видѣть „самую оригинальную женщину“—notre grande Sarah.

Интересно было бы знать, какого мнѣнія гг. гости о нашей публикѣ?

Странная публика! Американцы выпили озеро Онтаріо, англичане впрягли себя вмѣсто лошадей. Индѣйцы цѣлой арміей сторожили поѣздъ, въ которомъ она ѣхала, чтобы ограбить ея сокровища, а наша публика не хохочетъ, не плачетъ и аплодируетъ, точно озябла или держитъ свои руки въ ватныхъ рукавицахъ.

— „Медвѣди"! — такъ, можетъ быть, подумаютъ спутники Сары:—не хохочутъ и не плачутъ потому, что не знаютъ французскаго языка. Не ломаютъ отъ восторга шей и креселъ, потому что ни бельмеса не смыслятъ въ геніѣ Сары!

Очень возможно, что такъ подумаютъ. Всему міру извѣстно, что заграница не знаетъ нашей публики. Мы хорошо видѣли эту публику, а потому и можемъ „смѣть о ней сужденіе имѣть". Театръ былъ переполненъ медвѣдями, которые такъ же хорошо говорятъ по-французски, какъ и сама Сара Бернаръ. Въ райкѣ мы видѣли такихъ знатоковъ, цѣнителей и любителей, которые знаютъ, сколько волосъ на головѣ г. Музиля [18]), которые обрызжутъ ваше лицо слюною, опрокинутъ расходившимися руками лампу и не извинятся, если вы начнете спорить съ ними о томъ, кто лучше: Ленскій или Ивановъ-Козельскій [19]). Въ оркестрѣ на мѣстахъ контрабасовъ, барабана и флейтъ засѣдаетъ самая, что ни на есть, соль міра. Публики, аплодирующей г. Музилю за то, что тотъ „говоритъ смѣшно", на представленіяхъ Сары Бернаръ не имѣется; на эти представленія ей ходить не за чѣмъ: для нея интереснѣе смотрѣть клоуна Танти, чѣмъ Сару Бернаръ. Мы видѣли публику, избалованную игрой покойныхъ Садовскаго, Живокини, Шумскаго, часто видящую игру Самарина и Федотовой, воспитанную на Тургеневѣ и

Гончаровѣ, а, главное, перенесшую въ послѣдніе годы столько поучительнаго горя. Однимъ словомъ, мы видѣли публику, которой угодить очень трудно, публику самую взыскательную. Немудрено, если она не падаетъ въ обморокъ въ то время, когда Сара Бернаръ за минуту до смерти энергичнѣйшими конвульсіями даетъ публикѣ знать, что она сейчасъ умретъ.

Мы далеки отъ поклоненія Сарѣ Бернаръ, какъ таланту. Въ ней нѣтъ того, за что наша почтеннѣйшая публика любитъ Федотову: въ ней нѣтъ огонька, который одинъ въ состояніи трогать насъ до горючихъ слезъ, до обморока. Каждый вздохъ Сары Бернаръ, ея слезы, ея предсмертныя конвульсіи, вся ея игра—есть не что иное, какъ безукоризненно и умно заученный урокъ. Урокъ, читатель, и больше ничего! Будучи дамой очень умной, знающей, что эффектно и, что не эффектно, дамой съ грандіознѣйшимъ вкусомъ, сердцевѣдкой и всѣмъ, чѣмъ хотите, она очень вѣрно передаетъ всѣ тѣ фокусы, которые иногда, по волѣ судебъ, совершаются въ душѣ человѣческой. Каждый шагъ ея глубоко обдуманный, сто разъ подчеркнутый фокусъ... Изъ своихъ героинь она дѣлаетъ такихъ же необыкновенныхъ женщинъ, какъ и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью. Цѣль ея — поразить, удивить, ослѣпить... Вы смотрите на Andrienne Lecouvreur, и вы видите въ ней не Andrienne Lecouvreur, а умнѣйшую, эффектнѣйшую Сару Бернаръ... Во всей игрѣ ея просвѣчиваетъ не талантъ, а гигантскій, могучій трудъ... Въ этомъ-то трудѣ и вся разгадка загадочной артистки. Нѣтъ того пустячка въ ея малыхъ и большихъ роляхъ, который не прошелъ бы сто разъ сквозь чистилище этого тру-

да. Трудъ необыкновенный. Будь мы трудолюбивы такъ, какъ она, чего бы только ни написали! Мы исписали бы все, всѣ стѣны и потолки въ нашей редакціи самымъ мелкимъ почеркомъ. Мы завидуемъ и почтительнѣйше преклоняемся предъ ея трудолюбіемъ. Мы не прочь посовѣтовать нашимъ перво- и второстепеннымъ господамъ артистамъ поучиться у гостьи работать. Наши артисты, не въ обиду будь имъ сказано, страшные лѣнтяи! Ученье для нихъ хуже горькой рѣдьки. Что они, т.-е. большинство нашихъ артистовъ, мало дѣла дѣлаютъ, мы заключаемъ по одному тому, что они сидятъ на точкѣ замерзанія: ни впередъ, ни... куда! Поработай они такъ, какъ работаетъ Сара Бернаръ, знай столько, сколько она знаетъ, они далеко бы пошли! Къ нашему великому горю, наши великіе и малые служители музъ сильно хромаютъ по части знаній, а знанія даются, если вѣрить старымъ истинамъ, однимъ только трудомъ.

Мы смотрѣли на Сару Бернаръ и приходили отъ ея трудолюбія въ неописуемый восторгъ. Были мѣстечки въ ея игрѣ, которыя трогали насъ почти до слезъ. Слезы не потекли только потому, что вся прелесть стушевывалась искусственностью. Не будь этой канальской искусственности, этого преднамѣреннаго фокусничества, подчеркиванія, мы, честное слово, заплакали бы, и театръ содрогнулся бы отъ рукоплесканій... О, талантъ! Кювье сказалъ, что ты не въ ладу съ гибкостью! А Сара Бернаръ, страсть, какъ гибка! Труппа, разъѣзжающая съ Сарой—ни то и, пожалуй, ни се. Народъ здоровый, рослый, коренастый. Имѣя въ виду всякія могущія произойти случайности

(нападенія тигровъ, индѣйцевъ и проч.), Сара недаромъ возитъ съ собой этихъ мускулистыхъ людей.

Держатъ себя французы на сценѣ восхитительно. Одинъ московскій рецензентъ, воспѣвая до кроваваго пота Сару Бернаръ, упомянулъ между прочимъ, о ея умѣньѣ слушать. Это умѣнье мы признаемъ не за одной только ею, но и за всей труппой. Французы отлично слушаютъ, благодаря чему они никогда не чувствуютъ себя лишними на сценѣ, знаютъ, куда дѣвать свои руки, и не стушевываютъ другъ друга... Не то, что наши... У насъ не такъ дѣлается. У насъ г. Макшеевъ монологъ читаетъ, а г. Вильде [20]), его слушающій, глядитъ куда-нибудь въ одну точку и нетерпѣливо покашливаетъ; такъ и кажется, что на лицѣ его написано: „И не мое это, братъ, дѣло!“ Труппа очень приличная, выдрессированная... но безталанная. Ни то, ни се...

Возвращаемся, однако, къ Andrienne Lecouvreur. Или вотъ что, читатель! Вамъ надоѣло читать мою дребедень, а мнѣ ужасно спать хочется. Бьетъ четыре часа, и у моей хорошенькой сосѣдки горланитъ пѣтухъ. Глаза слипаются, какъ обмазанные клеемъ, носъ клюетъ по писанному.

Завтра опять на Сару Бернаръ... охъ!

Писать, впрочемъ, про нее больше не буду, даже если редакторъ заплатитъ мнѣ по полтиннику за строчку. Исписался! Шабашъ!

Антоша Ч.

2

ЧЕХОВЪ ОБЪ ИВАНОВѢ-КОЗЕЛЬСКОМЪ ВЪ „ГАМЛЕТѢ“

Въ Сарѣ Бернаръ Чехову не понравилось, какъ мы видѣли, извѣстная аффектированность исполненія. Онъ поставилъ ей въ упрекъ преобладаніе въ ея дарованіи чисто технической изощренности надъ непосредственностью вдохновенія. Однако, отдавая явное предпочтеніе такому артистическому типу, представительницей котораго служила Ѳедотова, Чеховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъявляетъ къ художникамъ сцены требованіе сочетать разумъ—съ сердечностью, опытъ знанія—съ достиженіями интуаціи. Это весьма важная черта въ чеховскомъ воззрѣніи на самую суть творчества. Впослѣдствіи онъ заговоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно въ письмахъ къ Григоровичу и къ Суворину. Но то, что будетъ вскорѣ съ такой ясностью и категоричностью формулировано при обсужденіи чисто литературныхъ темъ, теперь выражается имъ въ юношеской рецензіи, посвященной исполненію извѣстнымъ провинціальнымъ артистомъ-трагикомъ Ивановымъ-Козельскимъ „Гамлета“.

А. А. Измаиловъ въ своей статьѣ о первыхъ шагахъ Антоши Чехонте перепечаталъ часть этого отзыва. Мы приводимъ статью полностью, ибо она интересна не только какъ сужденіе объ игрѣ дебютировавшаго въ Москвѣ актера, но и какъ оцѣнка цѣлаго ряда театральныхъ явленій: оскуденія, репертуара, убожества постановокъ, недочетовъ ансамбля и проч.

ГАМЛЕТЪ НА ПУШКИНСКОЙ СЦЕНѢ [21]).

Жилъ-былъ себѣ на свѣтѣ очень мудрый человѣкъ. Этотъ мудрый человѣкъ былъ не отъ міра сего: не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, а все науками занимался. Халатъ былъ его единственной одеждой, а кабинетъ, заваленный книгами, единственнымъ увеселительнымъ мѣстомъ.

— „Вы бы легли спать, герръ профессоръ!“ — каждую полночь обращалась къ нему его кухарка.— „Вздоръ!“—отвѣчалъ онъ. (Спанье-то вздоръ!!. Экій чудакъ!).

— „Обѣдать будете, герръ профессоръ?“—каждый полдень спрашивала его кухарка.—„Некогда!“

И этого мудраго человѣка встрѣтилъ я однажды въ одномъ мѣстѣ... въ очень нехорошемъ мѣстѣ! Онъ по-гусарски дулъ шампанское и сидѣлъ съ хорошенькой пухленькой француженкой...

— „Что вы дѣлаете, герръ профессоръ?!?!“—воскликнулъ я, поблѣднѣвъ отъ удивленія.

— „Глупость, сынъ мой!—отвѣчалъ мудрецъ, наливая мнѣ шампанскаго.—Я дѣлаю глупость“...

— „Для чего же?“

— „А для того, сынъ мой, чтобы провѣтрить малость атмосферу...—За женщинъ и вино!“

Я выпилъ и еще болѣе поблѣднѣлъ отъ удивленія.

— „Сынъ мой! — продолжалъ мудрый человѣкъ, играя волосами француженки. — Въ моей головѣ собрались тучи, атмосфера отяжелѣла, накопилось многое множество... Все это должно провѣтриться, очиститься, стать на свое мѣсто, и я ради этого дѣлаю глупость. Глупость глупая вещь, но она нерѣдко дѣй-

ствуетъ освѣжающе... Вчера я былъ похожъ на гніющую траву, завтра же утромъ, o bone discipule, ты увидишь меня свѣжимъ. Да здравствуетъ разъ въ годъ глупость! Vivat stultitia!"

Мы выпили.

Если глупость дѣйствуетъ иногда освѣжающе, то кольми же паче противоположная ей крайность!

Никто такъ сильно не нуждается въ освѣженіи, какъ наши сцены. Атмосфера свинцовая, гнетущая. Аршинная пыль, туманъ и скука. Ходишь въ театръ, честное слово, только потому, что некуда больше ходить. Смотришь на сцену, зѣваешь, да потихоньку бранишься.

Глупостью не освѣжишь театральной атмосферы по очень простой причинѣ: къ глупости театральныя подмостки присмотрѣлись. Надо освѣжать другою крайностью; а эта крайность—Шекспиръ.

Стоитъ ли въ театрѣ Пушкина играть Гамлета или не стоитъ?—не разъ слышался вопросъ. Этотъ вопросъ праздный. Шекспира должно играть вездѣ, хотя бы ради освѣженія, если не для поученія или другихъ какихъ либо болѣе или менѣе высокихъ цѣлей.

Гамлетъ на Пушкинской сценѣ былъ встрѣченъ съ удовольствіемъ. И публика была многочисленна и господа артисты повеселѣли. Никто не зѣвалъ и тоски не чувствовалъ, несмотря на всѣ нижеписанные промахи. Изъ театра никуда не тянуло. Сидѣлось охотно.

Г. Ивановъ-Козельскій не силенъ для Гамлета. Онъ понимаетъ Гамлета по-своему. Понимать по-своему не грѣхъ, но нужно понимать такъ, чтобы авторъ не былъ въ обидѣ. Все первое дѣйствіе г. Ивановъ-Козельскій прохныкалъ. Гамлетъ не умѣлъ хныкать.

Слезы мужчины дороги, а Гамлета и подавно; и на сценѣ нужно дорожить ими, не проливать попусту. Г. Ивановъ-Козельскій сильно испугался тѣни, такъ сильно, что даже его жалко стало. Онъ сжевалъ и скомкалъ во рту все обращеніе къ отцу. Гамлетъ былъ нерѣшительнымъ человѣкомъ, но не былъ трусомъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже готовъ былъ къ встрѣчѣ съ тѣнью. Сцена, гдѣ Гамлетъ приглашаетъ своихъ друзей поклясться на мечѣ, не удалась: Ивановъ-Козельскій не говорилъ, а шипѣлъ точно гусакъ, за которымъ гонятся мальчишки. Въ бесѣдахъ съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ отсутствовало достоинство. Передъ ними Ивановъ-Козельскій ломался и т. д. и т. д. Мы могли бы исписать очень много бумаги, если бы стали изображать всѣ промахи Иванова-Козельскаго. Много чувства, много щемящей за сердце задушевности, но мало самаго главнаго. Это самое главное далеко отстоитъ отъ г. Иванова-Козельскаго. Мало чувствовать и умѣть правильно передавать свое чувство, мало быть художникомъ, надо еще быть всесторонне знающимъ. Образованность необходима для берущагося изображать Гамлета. Сцена съ матерью проведена прекрасно. Тоже можно сказать и о сценѣ на кладбищѣ. Много было прелести въ игрѣ Иванова-Козельскаго, и всю эту прелесть можно записать на счетъ его умѣнья чувствовать... только! Онъ подчеркивалъ каждое слово, слѣдилъ за каждымъ своимъ движеніемъ... разсчитывалъ шаги... Этотъ недостатокъ есть удѣлъ всѣхъ начинающихъ. Смерть съ ужаснымъ голосомъ и съ судорогами можно было бы замѣнить естественною смертью.

Клавдій былъ недуренъ. Онъ не умѣлъ только становиться на колѣни. Королева, тѣнь, Горацio, и про-

чіе были плохи. Впрочемъ, 1-й актеръ (Новиковъ) былъ хорошъ, у Офеліи, говорятъ голосъ былъ лучше, чѣмъ у г-жи Барановой, которая, впрочемъ играла не дурно. Теперь чисто внѣшняя сторона дѣла.

Сцена мала, декораціи плохи. Торжественные возгласы короля не были по размѣру къ маленькимъ комнаткамъ, изображавшимъ дворцовыя палаты. Но это не бѣда. На безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Ѳома человѣкъ. Г. Иванову-Козельскому иностранные костюмы такъ же не къ лицу, какъ г. Ленскому черный сюртукъ. Далѣе... Для чего Горація нарядили въ шлемъ? Для чего выпускали изъ текста то, чего нельзя выпускать?

Но эти маленькіе промахи блѣднѣютъ предъ геніальностью того, кто первый подалъ мысль поставить Гамлета на Пушкинскую сцену.

Лучше плохо сыгранный Шекспиръ, чѣмъ скучное ничего.

Человѣкъ безъ селезенки [22]).

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ЧЕХОВА

Въ старыхъ номерахъ юмористическаго журнала „Развлеченіе“, издававшагося въ Москвѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, среди сотрудниковъ котораго значатся имена братьевъ Чеховыхъ—Антона (Антоши Чехонте), Александра (Агаѳоподъ Единицынъ) и художника Николая — мнѣ посчастливилось отыскать небольшой разсказъ старшаго брата Антона Павловича—Александра Чехова—„Завтра экзаменъ“—примѣчательный, какъ живая страничка жизни юнаго Антоши Чехонте. Для будущаго біографа Чехова разсказъ этотъ будетъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Дѣйствующія лица сохранили въ разсказѣ собственныя имена: „герой“ такъ и названъ Антономъ Павловичемъ, „братъ гимназистъ“, т.-е. Михаилъ Павловичъ — названъ Мишей и только „сестрица“—Марія Павловна — появляется подъ именемъ Людмилы. Братъ „забулдыга“ и „хоть хорошій, но мнительный человѣкъ“ это Николай Павловичъ Чеховъ. „Тетенька“—сестра матушки Чеховыхъ—Евдокіи Яковлевны—Ѳедосья Яковлевна. Собака „Корбинька“—лицо также „изъ жизни“: въ домѣ Чеховыхъ долго жила „собака безъ спины“, о которой часто упоминается въ письмахъ Ант. Павл. Ея смерти посвящено цѣлое посланіе по-латыни: „Korbo, canis clarissimus mortus est“ и т. д. (см. письма Чехова подъ ред. М. П. Чеховой. Томъ 1-й стр. 335).

Разсказъ относится къ 1884 году, т.-е. къ году окончанія Чеховымъ университета. Экзамены, къ которымъ готовится „студентъ медикъ 5-го курса“—были государственными экзаменами Антона Павловича.

ЗАВТРА—ЭКЗАМЕНЪ.

Студентъ медикъ 5-го курса, Антонъ Павловичъ, сидѣлъ у своего письменнаго стола и читалъ курсъ „Гигіены". Завтра — экзаменъ. Одна рука подпирала лобъ, другая нервно теребила страницы лекцій. Онъ спѣшилъ прочесть, усвоить, сгруппировать и осмыслить все какъ можно скорѣе для того, чтобы завтра выйти къ профессору съ открытымъ забраломъ и не покраснѣть. Для этой цѣли онъ затворилъ дверь въ свою комнату и со всѣмъ рвеніемъ человѣка, у котораго экзаменъ на носу, предался изученію незнакомой науки.

— Ну, чортъ возьми,—проговорилъ онъ,—отмахаю какъ-нибудь этотъ геркулесовскій трудъ. Времени только мало... Во всякомъ случаѣ успѣю, лишь бы только эта саранча не помѣшала.

Подъ саранчей онъ подразумѣвалъ маменьку, тетеньку и прочихъ домашнихъ и былъ совершенно правъ. Не прошло и четверти часа, какъ дверь тихонько отворилась и въ щель просунулась сморщенная, какъ печеное яблоко, физіономія тетеньки Глафиры Кузьминишны. Просовываясь, она боялась за свой поступокъ и страшно трусила, но все-таки громкимъ шепотомъ стала звать комнатную собачонку:

— Корбинька, Корбинька, Корбо̀, иди поѣсть... Ты, бѣдный, нынче не ѣлъ... Корбинька!

Антонъ Павловичъ молча посмотрѣлъ подъ столъ и стулья и спокойно отвѣтилъ:

— Собачонки, тетя, нѣтъ. Ищите ее въ другомъ мѣстѣ и не мѣшайте мнѣ заниматься.

— Хорошо, голубчикъ, не стану мѣшать. Только вѣдь какъ же собачонка-то голодная будетъ? У меня все сердце изноетъ...

— Отыщите и накормите, только меня въ покоѣ оставьте. Я вѣдь всѣхъ васъ просилъ, чтобы въ этотъ вечеръ ко мнѣ не входили...

— Хорошо, голубчикъ, Антошенька, читай себѣ на здоровье... Не будемъ входить, не будемъ... Только вѣдь передъ Богомъ грѣшно, если животное голодаетъ. Ну, уйду, не сердись.

Тетенька стушевалась. Антонъ Павловичъ принялся за свое занятіе.

— Антоша, можно войти?—раздался за дверью голосъ маменьки.—Я только на минуту. Не стану тебя безпокоить.

— Ну!

Маменька вошла.

— Ты знаешь, что прачка не принесла тебѣ сорочки къ завтрашнему дню? Сердце мое болитъ и обливается кровью: ну, въ чемъ ты пойдешь завтра на экзаменъ? Три раза посылала къ ней подлой: все говоритъ, что погода сырая, бѣлье не сохнетъ. Развяжи ты меня Христа ради, скажи, какъ быть? Вѣдь профессоръ-то твой не мальчишка... Сейчасъ видно, что грязно...

— Ступайте пожалуйста. Пойду въ грязной сорочкѣ! Развѣ вы не можете понять, что вашими пустыми разговорами вы отнимаете у меня время и мѣшаете мнѣ работать?.. Ступайте поскорѣе...

— Кто, я-то мѣшаю? Скажите пожалуйста! Я о немъ же хлопочу, чтобы онъ былъ чисто одѣтъ, и я же виновата!! Вотъ такъ-то вотъ, наживи дѣтей, ухло-

пай на нихъ все свое здоровье, а послѣ и жди благодарности.

— Долго вы еще будете разговаривать?

— Уйду, уйду! Дай только тебѣ высказать... Сколько я болѣла за васъ, сколько я страдала, когда вы были маленькими, сколько я изъ-за васъ отъ отца потерпѣла...

Антонъ Павловичъ нетерпѣливо всталъ съ мѣста съ книгою въ рукахъ и прошелся по комнатѣ.

— Пусть такъ. Я цѣню все это, только дайте вы возможность прочесть спокойно то, что мнѣ необходимо. Вѣдь вы знаете, что у меня завтра экзаменъ...— и Антонъ Павловичъ принялся за чтеніе, приложивъ руки къ ушамъ. Маменька поговорила еще минуты три и ушла, видя, что ее не слушаютъ. Ушла, впрочемъ, съ жалобами. Но Антонъ Павловичъ радъ былъ этому и еще больше углубился въ свои лекціи.

Но вотъ скоро изъ двери раздался голосъ брата-гимназиста:

— Антонъ, нѣтъ ли на твоемъ столѣ моего карандаша? Извини, что я тебя безпокою... Я вижу, что онъ у тебя въ рукѣ... Ты имъ пишешь...

— А онъ тебѣ нуженъ!?

— Нѣтъ, не особенно... Мнѣ только хотѣлось знать, у кого онъ. Извини, что побезпокоилъ. Кстати: какъ идетъ твое дѣло? Мать говорила, что у тебя завтра экзаменъ... Ну, какъ дѣла? Готовъ или нѣтъ? Надѣешься выдержать? Жаль, что я не студентъ, а то бы я помогъ тебѣ. Я подсунулъ бы тебѣ подъ дверь отвѣтъ на заданный вопросъ. Ты не смотри, что я въ гимназическомъ мундирѣ: отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы я смыслилъ менѣе, чѣмъ...

— Послушай, Миша, — взмолился Антонъ Павловичъ,—некогда мнѣ теперь болтать съ тобою. Оставь меня въ покоѣ и если можешь и хочешь, позаботься, чтобы бабье меня не безпокоило...

— Хорошо. Будь увѣренъ, что я употреблю все свое вліяніе.

— И убирайся, наконецъ, къ чорту...

— Благодарю...

Братъ-гимназистъ ушелъ страшно обиженный. Антонъ Павловичъ принялся снова за чтеніе и даже усѣлся. Минуты черезъ двѣ робко отворилась дверь. Высунулась тетушка.

— Антоша, за что ты Мишу обидѣлъ?

Антонъ Павловичъ сдѣлалъ видъ, будто не слышалъ и продолжалъ читать.

— За что ты, спрашиваю я тебя, варваръ, бѣднаго мальчика обидѣлъ? Онъ теперь плачетъ. Молчишь. Молчи, коли хочешь, если ужъ у тебя и сердца нѣтъ? Ни за что ни про что обидѣлъ ребенка. Ну, что онъ тебѣ сдѣлалъ? Поговорилъ только...

— Тетя, если вы меня хоть немножко любите, замолчите и уйдите во-свояси.

— Зарядилъ одно: уйдите да уйдите, а когда я за собачкой пришла, такъ ты какіе глаза сдѣлалъ? Видѣла я твою звѣрскую физіономію. А Мишу ты напрасно обидѣлъ. На страшномъ судѣ отвѣтъ дашь...

— О, Господи!.. Ну, возможно ли готовиться къ экзамену при этихъ условіяхъ?..

— Да готовься, кто тебѣ мѣшаетъ?! — съ удивленіемъ воскликнула тетушка и вышла.

— Ну, слава Богу,—прошепталъ Антонъ Павловичъ. Но въ эту минуту вошла сестрица Людмила Павловна.

— Прости, Антошечка, я вижу, что безпокою тебя, но и сама я въ свою очередь безпокоюсь. Скажи мнѣ ради Бога, что такое — психическая субстанція? Объясни, будь добръ.

— Голубушка, мнѣ некогда, да кстати я и не понимаю, что это значитъ.

— Да вѣдь ты же на медицинскомъ факультетѣ...

— Такъ что же изъ этого?

— Какъ что? Ты долженъ знать все...

— Ну, ступай, матушка, съ Богомъ...

— Только это отъ тебя и слышишь, невѣжа. Я уйду, уйду. Невввѣжа!..

Послѣ ухода сестрицы Антонъ Павловичъ вздохнулъ свободнѣе и углубился въ лекціи. Въ домѣ воцарилась тишина. Маменька начала тихонько щелкать старой разбитой швейной машиной, но самая эта умышленная медленность способна была раздражить даже не нервнаго человѣка. Маменька старалась медленно двигать колесо ради того, чтобы не побезпокоить Антошу, не замѣчая того, что получался надрывающій душу звукъ.

— Антоша, можно матери шить на машинѣ, какъ всегда?—снова высунулась тетенька. — Душу она изъ меня вымотала...

— Убирайтесь вонъ! Можно...

— Ну, и слава Богу. А ужъ мы думали, что ты не позволишь.

Въ эту минуту вдругъ раздался неистовый звонокъ. Пока отворяли, послѣдовало нѣсколько неистовыхъ ударовъ въ дверь. Вошелъ, слегка пошатываясь и корча изъ себя трезваго, старшій братъ Антона Павловича,

забулдыга и хоть хорошій, но очень мнительный человѣкъ.

— Антонъ, я къ тебѣ за рецептомъ, — забасилъ онъ.

— А что у тебя?

— Печень. Должно быть циррозъ. Въ легкихъ — пневмонія. Въ спинѣ табесъ дорзалисъ. Вообще, скверно. Дай рецептъ.

— Не пей водки много... и, если можешь, убирайся... Впрочемъ, погоди, что ты трескалъ сегодня?

— Водку и пиво. Съ однимъ пріятелемъ стукнули. Хочешь, пойдемъ ко мнѣ! Тамъ ты меня выслушаешь и выстукаешь, но только непремѣнно череновскимъ молоткомъ; въ другіе молотки я не вѣрю.

— У тебя никого нѣтъ?

— Н-ни д-души!..

Антонъ Павловичъ на секунду задумался.

— Такъ вотъ что. Забудь свою печень, которая не болитъ...

— Вѣрно. Я только боюсь, что можетъ заболѣть.

— Молчи. Итакъ, говорю, забудь свою печень, выпей еще бутылку пива и ложись спать. А я поѣду съ тобой, чтобы прослѣдить твой пульсъ. У тебя и заночую. Керосинъ есть? Ну и ладно. Потогоннаго принимать не надо. Впрочемъ, я за тобою посмотрю. Ѣдемъ.

Всѣ домашніе высыпали уговаривать Антона Павловича остаться. Но онъ по необъяснимой для нихъ причинѣ предпочелъ общество пьянаго брата и уѣхалъ къ нему пить пиво, захвативъ съ собою лекціи.

Пріѣхавъ, онъ далъ ему выпить еще пива, уложилъ его въ постель, пощупалъ пульсъ и спокойно засѣлъ въ его квартирѣ за лекціи.

При версткѣ книги вкралась ошибка: послѣ страницы 70 — слѣдуетъ страница 79.

ЗАТЕРЯВШІЕСЯ ДОКУМЕНТЫ

ИЗЪ РАННИХЪ КРИТИЧЕСКИХЪ ОТЗЫВОВЪ О ЧЕХОВѢ

1

Обыкновенно, когда вспоминаютъ о началѣ литературной дѣятельности Чехова,—говорятъ о томъ „благожелательствѣ“, съ которымъ встрѣтила критика его первыя выступленія какъ драматурга, и какъ автора сборниковъ „Сказки Мельпомены“ и „Пестрые разсказы“.

Однако, самъ Чеховъ не разъ ронялъ въ своей перепискѣ горькія признанія о тѣхъ незаслуженныхъ обидахъ, которыя чинились ему его ранними рецензентами. Порывшись въ изданіяхъ 80-ыхъ годовъ, мы найдемъ нѣсколько краснорѣчивыхъ документовъ, проливающихъ истинный свѣтъ на то „доброе“ расположеніе, которое пресса яко бы проявляла по отношенію къ молодому писателю.

Особенно примѣчательными въ этомъ отношеніи оказываются отзывы газетъ о первомъ сценическомъ опытѣ Чехова—объ „Ивановѣ“ — сыгранномъ въ Москвѣ въ театрѣ Корша 19-го ноября 1887 года.

Въ письмахъ къ Ал. П. Чехову, къ А. С. Суворину и къ А. Н. Плещееву (см. „Письма“ Т. 1 и 2). Чеховъ подробно разсказалъ объ исторіи написаніи пьесы, о первомъ ея спектаклѣ, и о своихъ волненіяхъ, сопряженныхъ съ постановкой и съ распредѣленіемъ ролей въ „Ивановѣ“. Мы не будемъ пересказывать эти письма, и отмѣтимъ лишь, что „Ивановъ“ самому автору казался пьесой значительной, по сюжету своему „сложному и неглупому“ [25]). Ему представлялось, что

онъ „создалъ типъ, имѣющій литературное значеніе“ [26]). Онъ былъ въ правѣ расчитывать на вниманіе и на извѣстное чутье критики.

Дѣйствительность обманула его ожиданія.

Правда, тогдашній Сарсэ московской театральной критики,—С. Васильевъ (Флеровъ) отнесся къ пьесѣ довольно сочувственно. Онъ нашелъ, что „Ивановъ“ произведеніе „незрѣлое“, но „несомнѣнно талантливое“. („Московскія Вѣдомости“. Ноябрь 1887 г.). Но и Васильевъ и рецензентъ „Новостей дня“ весьма рѣзко отнеслись къ центральной фигурѣ пьесы—къ самому Иванову, находя, что этотъ типъ вышелъ неяснымъ и незаконченнымъ.

Однако эти снисходительныя полупохвалы должны были утонуть въ той беззастѣнчиво-грубой брани, которой осыпали пьесу и ея автора „Русскій Курьеръ“ и „Московскій листокъ“.

Рецензія невѣдомаго „Ph.“—автора статьи въ „Русскомъ Курьерѣ“—частично цитирована въ біографіи Чехова, составленной г. Мускатблитомъ (сборн. памяти Чехова, изданный „Русской Былью“. М. 1910 г.). Но отзывъ этотъ такъ колоритенъ, что прямо просится на полную его перепечатку.

Въ собраніи документовъ, устанавливающихъ истинное отношеніе критики къ Чехову, онъ займетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Вотъ что писалъ г. Ph:

„Было ли когда-нибудь такое безпардонно-претенціозное время, какое переживается нашей драматургіей, а съ нею вмѣстѣ и нашей русской сценой? Былъ ли когда нибудь подобный наплывъ пошлостей, бездарныхъ притязаній, циническаго лганья на современную жизнь и человѣка, неудачныхъ потугъ на оригинальность, такое, зачастую, невѣжественное незнаніе жизни, которое стало обнаруживаться все чаще и чаще въ твореніяхъ россійскихъ „драмописцевъ“ за послѣднее время? Авторы, въ непонятномъ соревнованіи, будто толкаемые какою-то роковою силой, стремятся публично обнаружить младенческое невѣдѣніе жизни, абсолютное незнакомство съ природой тѣхъ людей, которыхъ они выводятъ въ своихъ произведеніяхъ, навязывая симпатич-

нѣйшіе, повидимому, ярлыки завѣдомымъ мерзавцамъ, и возводя форменныхъ негодяевъ въ благороднѣйшихъ представителей человѣческой породы. Не обладая психопатическимъ міровозрѣніемъ, трудно подыскать объясненіе этому, и въ то-же время нельзя, конечно, промолчать объ этомъ новомъ направленіи нашего драматическаго творчества, которое, безъ всякаго сомнѣнія, будущій историкъ русской литературы назоветъ періодомъ „психопатическаго творчества или авторской невмѣняемости". Есть драматическія произведенія, изъ новѣйшихъ, разумѣется, въ которыхъ съ особой яркостью скрывается это новое направленіе. Къ такимъ безусловно должна быть отнесена новая комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Антона Чехова, названная имъ по-просту „Ивановъ".

Изложивъ далѣе содержаніе пьесы, и дойдя до пересказа сцены 3-го акта между Сарой и Ивановымъ, когда Ивановъ кричитъ женѣ, что „она скоро умретъ",—г. Рh. восклицаетъ:

„Гдѣ, когда виданы такіе вопіющіе мерзавцы, способные продѣлать подобную гнусность?! Гдѣ, когда встрѣчаются такіе бездушные негодяи, кругомъ виноватые, которые, такъ подло, издѣваются надъ близкими людьми?! Какое грубое незнаніе психологіи, какое безпардоннѣйшее лганье на человѣческую природу!"

Рецензія заканчивается такимъ „резюмэ":

„Пьеса кончилась и не успѣлъ еще опуститься занавѣсъ, какъ раздались шиканье и возгласы негодованія со всѣхъ сторонъ. Правда, что нѣкоторая часть публики аплодировала, но это все равно. Дѣло не въ этомъ. Вы познакомились съ содержаніемъ комедіи. Что это такое? Неужели это сценическое произведеніе изъ жизни, а не простая выдумка на эту жизнь, и на тѣхъ людей, которые только что были передъ вами? Гдѣ авторъ видѣлъ такого Иванова, такого графа, купеческую вдову, предсѣдателя управы, его жену, доктора и пр.? Люди ли это вообще, а не просто каррикатуры на людей только?

Думаемъ, что каррикатуры и крайне плохія. Лгать на жизнь и на людей нельзя безнаказанно. Правда прорвется наружу и

не пощадитъ того, кто осмѣлился выдавать ложь за правду. Прежде чѣмъ писать пьесы, слѣдуетъ изучить и понять ту жизнь, которыхъ берешься выводить. Безъ этого нельзя писать, потому что незнаніе тотчасъ же выскажется и съ всевозможной яркостью. Именно незнаніе жизни, людей и полный произволъ въ ихъ изображеніи и погубилъ пьесу г. Чехова".

Г. Ph. объясняетъ появленіе подобныхъ пьесъ тѣмъ, что авторы, „завидуя лаврамъ Шпажинскаго и Крылова, спѣшатъ и себя „заявить" драматургами. Но ихъ алчная тупость забываетъ, что подъ ногами этихъ счастливцевъ растоптана не одна сотня подобныхъ заявителей. Отсюда наводненіе сцены безсмысленно-подражательной чепухой, и чепухой, нарушающей всякій здравый смыслъ, но выдаваемой въ тупѣйшемъ, курьезнѣшемъ самомнѣніи, за оригинальную".

„Такія пьесы—это „ни болѣе ни менѣе, какъ недоношенные плоды противозаконнаго сожительства авторской невмѣняемости и самаго тупого расчета". („Русскій Курьеръ", 1887 г., № 325).

Отзывъ г. П. Кичеева въ „Московскомъ Листкѣ" былъ еще грубѣе. Кичеевъ былъ достаточно извѣстнымъ критикомъ, а газета, въ которой онъ писалъ, была органомъ, конечно, не вліятельнымъ, но въ тѣ года очень распространеннымъ. Приходится только поражаться той циничесской развязности, съ которой выступалъ этотъ *извѣстный* критикъ на столбцахъ этой распространенной газеты.

Вотъ что чернымъ по бѣлому напечатано въ № 325-мъ „Московскаго Листка" за 1887 годъ:

„Одно заглавіе комедіи, смѣемъ думать, совершенно достаточно, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что, по мнѣнію автора, герой его произведенія—нѣчто въ родѣ героя переживаемаго нами времени, что имя такимъ героямъ—легіонъ. Этого тоже совершенно достаточно, что бы сдѣлать пьесу „интересной" въ глазахъ и публики, и литературной критики, для которыхъ, конечно, не безразлично посмотрѣть, какъ

это „молодой талантъ“, человѣкъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, понимаетъ тѣхъ, среди которыхъ намъ приходится, по волѣ судебъ, жить, мыслить и дѣйствовать.

Просмотрѣли мы новую пьесу и ахнули... Вмѣстѣ съ нами ахнуло и то меньшинство публики коршевскаго театра, изъ головъ котораго еще не вышибли еще умѣнья отличать разумное отъ неразумнаго—разныя „Тайны“. „Въ горахъ Кавказа“, „Вольныя пташки“ и проч. литературно-драматическія клоунства, которыми г. Коршъ старался оболванить посѣтителей своего театра...

По нѣкоторымъ даннымъ, лично намъ извѣстнымъ, говоря откровенно, мы не ждали отъ пьесы г. Антона Чехова чего-либо особенно хорошаго. Но никогда мы не подозрѣвали, что бы человѣкъ молодой, человѣкъ съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, рискнулъ преподнести публикѣ такую нагло-циническую путаницу понятій, какую преподнесъ ей г. Чеховъ въ своемъ „Ивановѣ“, обозвавъ эту сумбурщину комедіей въ 4 дѣйствіяхъ и 5 картинахъ.

Въ самомъ дѣлѣ: съ кого нужно писать портреты и какимъ нужно быть безшабашнымъ клеветникомъ на идеалы своего времени, что бы, выводя въ качествѣ главнаго героя своей пьесы негодяя, препирающаго всѣ и божескіе и человѣческіе законы, увѣрять во всеуслышаніе, что это не негодяй, которому нѣтъ названія, а несчастный, слабохарактерный только и симпатичный страдалецъ собственнаго „я“?“

Далѣе идетъ пересказъ „своими“ словами содержанія пьесы. Въ заключеніе г. Кичеевъ восклицаетъ:

„Что это такое?.. Гдѣ г. Антонъ Чеховъ видѣлъ такихъ отъявленныхъ негодяевъ, которые рѣшаются въ припадкѣ какого бы то ни было гнѣва выкидывать такія колѣнца, какія выкидываетъ симпатичный ему „честный, но безхарактерный“ Ивановъ? Какое развращенное воображеніе надо имѣть, что бы выдумать такую гнусную даже для самаго невѣжественнѣйшаго изверга выходку, а не то, что для человѣка, получившаго университетское образованіе, какимъ выведенъ г. Чеховымъ симпатичный ему Ивановъ? А что г. Чеховъ симпатизируетъ своему герою, этому несомнѣнное

доказательство мы видѣли въ финалѣ всей этой отвратительнѣйшей стряпни. Финалъ этотъ заключается въ томъ, что когда во время ужина по случаю свадьбы Иванова съ дѣвицей Лебедевой, въ квартиру, гдѣ происходитъ ужинъ, врывается, по волѣ г. Чехова, докторъ Львовъ и публично, въ послѣдній разъ, обзываетъ его, Иванова, подлецомъ, то онъ оказывается такъ чутокъ къ оскорбленію, что умираетъ отъ разрыва сердца, а симпатичная тоже автору вдова-дѣвица Лебедева обзываетъ доктора палачемъ и падаетъ въ обморокъ.

И вотъ такую то циническую дребедень подноситъ публикѣ г. Чеховъ, и находится неразборчивое и утратившая всякое чутье къ правдѣ публика, которая не только терпѣливо смотритъ всю эту дребедень, платя за нея деньги по возвышеннымъ бенефиснымъ цѣнамъ, но и рукоплещетъ этой дребедени, и хотя при громкомъ шиканьи вызываетъ по пяти разъ къ ряду автора ея".

2

Совсѣмъ другой пріемъ встрѣтилъ „Иванова" въ Петербургѣ. Уже вскорѣ послѣ постановки пьесы у Корша, Чеховъ писалъ изъ Петербурга М. П. Чехову, что отъ „Иванова всѣ положительно въ восторгѣ", что „московскія рецензіи возбуждаютъ здѣсь смѣхъ" и что всѣ ждутъ, когда пьеса „будетъ поставлена въ Петербургѣ" и „увѣрены въ успѣхѣ". (Письма. Томъ I, изд. 2-е, стр. 438, 439).

Предсказанія петроградскихъ друзей сбылись: „Ивановъ", поставленный въ Петроградѣ, на Александринской Императорской сценѣ, 26 января 1889 года въ бенефисъ режиссера Ѳедорова - Юрковскаго, имѣлъ огромный успѣхъ. Печать привѣтствовала автора. Но сужденія прессы о характерѣ героя и о самомъ существѣ пьесы были крайне разнорѣчивы. Ярче всѣхъ высказался А. С. Суворинъ, давшій полную оцѣнку не только „Иванову", но и всему творчеству Чехова. Эта рецензія восхитила Чехова: „цѣню ее на вѣсъ не золота,

не алмазовъ, а своей души. Мое глубокое и искреннее убѣжденіе: получилъ я гораздо больше, чѣмъ заслужилъ". (Къ А. С. Суворину. Письма. Томъ 2-й, стр. 298).

И въ самомъ дѣлѣ: статья Суворина по той мѣткости сужденій, которыя мы въ ней находимъ, могла порадовать Чехова.

Едва ли не впервые читалъ онъ себѣ такія искреннія и правдивыя строки.

Насколько намъ извѣстно, этой рецензіи Суворина нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ сборниковъ критической литературы о Чеховѣ. Полагаемъ нелишнимъ перепечатать ее въ этомъ маленькомъ сборникѣ „документовъ".

„Драма г. Чехова „Ивановъ"—пишетъ Суворинъ—возбудила толки и разговоры въ средѣ литературной, какъ произведеніе таланта много обѣщающаго и давшаго прекрасныя беллетристическія вещи. Эти толки можно резюмировать такъ. Драматическая форма еще, очевидно, стѣсняетъ автора или не подчиняется ему. Характеры сложились въ головѣ автора не драматически, а беллетристически, а потому движенія и дѣйствія въ пьесѣ мало, за исключеніемъ третьяго акта, лучшаго въ пьесѣ и по силѣ заключительной сцены, а отчасти и четвертаго. Центральная фигура въ пьесѣ — Ивановъ, — для полнаго и яркаго своего развитія, требовала бы широкихъ рамокъ романа или большой повѣсти, гдѣ психологическому анализу и послѣдовательному движенію событій былъ бы широкій просторъ; характеръ Иванова, по намѣреніямъ автора слишкомъ сложный, основанный на внутренней работѣ мысли, что бы можно было его разработать въ небольшой драмѣ, гдѣ значительное при томъ мѣсто отведено второстепеннымъ лицамъ. Поэтому въ драмѣ этотъ характеръ скорѣе чувствуется, чѣмъ понимается и осязается, и зритель находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся и тѣ лица, которыя его совсѣмъ не понимаютъ. Даже рецензенты поняли Иванова различно. Одинъ нашелъ въ немъ Манфреда, другой—каррикатуру Гамлета и психопата, третій—„психозъ", четвертый—больного человѣка и проч. Въ самомъ

дѣлѣ, мелкія черты этого характера не соединены въ крупныя группы, а разбросаны въ пьесѣ и потому соединены довольно искусственно. Правдивыя, искренне написанныя бытовыя сцены иногда кажутся какъ бы стоящими внѣ пьесы и отвѣчающими скорѣй повѣствовательной, чѣмъ драматической формѣ; женскіе характеры только намѣчены, почти совсѣмъ не развиты и являются какъ бы отрывками, хотя въ судьбѣ Иванова онѣ играютъ первенствующую роль и губятъ его преждевременно.

Каковы бы ни были, однако, недостатки пьесы—великое дѣло — искренній талантъ. Искренній талантъ непремѣнно смѣлый талантъ. Смѣлость города беретъ, и г. Чеховъ города беретъ и будетъ брать. Чтобы быть смѣлымъ надо много имѣть въ настоящемъ и, кромѣ того имѣть большой запасъ для будущаго, что бы смѣлость постоянно оправдывалась. Однимъ словомъ, для всего этого надо много получить отъ Бога, и г. Чеховъ это получилъ. Изъ всѣхъ молодыхъ талантовъ это самый объективный и независимый. Объективность у него иногда доходитъ до безстрастности. Несмотря на молодость, (ему всего 29 лѣтъ) онъ уже обладаетъ большимъ запасомъ наблюдательности и угадываетъ многое такое въ русской душѣ, что таланту менѣе сильному не угадать и въ сорокъ лѣтъ.

Міросозерцаніе у него совершенно свое, крѣпко сложившееся, гуманное, но безъ сантиментальности, независимое отъ всякихъ направленій, какими бы яркими, или блѣдными цвѣтами они не украшались; оно отличается большимъ здравомысліемъ и любовью къ жизни. Этимъ я хочу сказать, что въ немъ нѣтъ того пессимизма и „міровой скорби“, которыми отличается большинство молодыхъ талантовъ. Это позволяетъ ему прямо смотрѣть въ глаза природѣ и людямъ, и, ни мало не лукавя, привѣтствовать живую жизнь всюду, гдѣ она копошится. Ничего отравленнаго какими-нибудь предвзятыми идеями нѣтъ у этого талантливаго человѣка. Поэтому, нѣтъ у него предвзятости и въ формѣ, которую онъ даетъ своимъ произведеніямъ, и предвзятости въ характерахъ, которые онъ рисуетъ. Онъ не любитъ ни фразъ, ни

нытья, ни отчаянія и является другомъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Онъ не ищетъ героевъ и героинь необыкновенныхъ, съ пылкими страстями, съ подвигами на удивленіе міру, съ намѣреніями великими. У него все самое обыкновенное и заурядное, общечеловѣческое, обыкновенные дѣти, простые мужчины и простыя женщины; и природа говоритъ у него простой и задушевной поэзіей. Мнѣ эти черты въ молодомъ талантѣ чрезвычайно симпатичны. Онъ самъ, какъ будто, хочетъ сказать, что надо жить просто, какъ всѣ, и вносить свои лучшія силы, лучшія намѣренія въ развитіе этой простой обыкновенной жизни, а не тратить ихъ на подвиги несоразмѣрные и безъ пути не стремиться зажигать моря. Самъ онъ началъ свое литературное поприще какъ самый обыкновенный смертный, на двадцать четвертомъ году жизни [27]). Толкнула его на это поприще нужда, нужда его самого и его близкихъ.

Работалъ онъ очень много: онъ писалъ повѣсти, разсказы, фельетоны, замѣтки, написалъ даже одинъ уголовный романъ [28]).

Всѣ эти литературные подвиги совершилъ онъ въ мелкой печати, не заботясь обрабатывать своихъ вещей и, кажется, не подозрѣвая размѣровъ своего таланта. Серьезно онъ сталъ работать только въ два-три послѣдніе года, когда его вещи болѣе обширныя чѣмъ прежде, стали появляться въ „Новомъ Времени“ и „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Онъ не лазилъ къ авторитетамъ журнализма за освященіемъ своихъ начинаній, и когда явилась первая книжка его разсказовъ („Пестрые разсказы“) одинъ толстый журналъ [29]) строго погрозилъ ему погибелью за то, что онъ не сохраняетъ традицій и не подходитъ подъ благословеніе архіереевъ, управляющихъ епархіями русской мысли на поляхъ толстаго журнализма. Но онъ не испугался угрозъ и сохранилъ свою музу во всей неприкосновенности и независимости...

Г. Чеховъ работаетъ на писательскомъ поприщѣ уже десять лѣтъ. Будучи по профессіи своей врачемъ, онъ имѣетъ возможность видѣть людей въ ихъ домашней, откровенной обстановкѣ; медицинское образованіе помогаетъ ему въ пси-

хологическомъ анализѣ, въ объясненіяхъ явленій человѣческой жизни, но не дѣлаетъ его матеріалистомъ, благодаря поэтической чуткости его природы.

Запасъ опыта и наблюденій накоплялся у него постоянно и непрерывно, и едва ли изъ современныхъ писателей есть еще другой, у котораго было бы всего этого такъ много. При независимости мысли, объективности, далекій въ своемъ творчествѣ отъ пессимизма, хотя самъ испытавшій нужду, онъ, какъ мнѣ кажется, тотъ писатель, который скажетъ въ художественныхъ образахъ больше правды, чѣмъ всѣ его сверстники и соперники по таланту".

Отмѣчая далѣе, что „правдивость составляетъ и существенную черту драмы Чехова и правдивостью своей она и привлекательна",—Суворинъ приводитъ содержаніе „Иванова", попутно пытаясь уловить его лейтъ-мотивы. Уныніе—вотъ основной тонъ героя. Но что онъ такое?—спрашиваетъ критикъ и затѣмъ передаетъ сущность этого характера „почти словами автора"... И А. С. Суворинъ дѣйствительно, почти дословно повторяетъ самого Чехова, пересказывая то его большое письмо, въ которомъ дѣлается блестящій разборъ душевной настроенности Иванова. Письмо это напечатано теперь во 2-омъ томѣ на стр. 259 — 267. Чеховскимъ анализомъ и воспользовался для рецензіи Суворинъ, заканчивающій свое изложеніе такъ: „Вотъ каковъ этотъ Ивановъ. Въ немъ мы всѣ чувствуемъ частицу самихъ себя: типъ этотъ не новъ, но ново правдивое его освѣщеніе, безъ киваній на обстоятельства, на среду и тому подобные вздоры". Но ни Ивановъ, ни Львовъ, являющійся какъ бы антитезой первому, не „выяснены вполнѣ, но они правильно поставлены".

„Повторяю,—говоритъ Суворинъ—вполнѣ яркими и выпуклыми они могли бы явиться только въ романѣ, или въ драмѣ болѣе широкой, и болѣе разработанной, чѣмъ „Ивановъ". Но и въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее, оно явленіе выдающееся и свѣжее и по лицамъ, дѣйствительно живымъ, и по бытовымъ картинкамъ, и по объективности во истину талантливой.

Можно съ увѣренностью сказать, что слѣдующее драматическое произведеніе г. Чехова будетъ гораздо выше этого, зрѣлѣе и обдуманнѣе. Что въ талантъ его входитъ элементъ драматическій въ значительной степени—нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія".

Перечитывая теперь эту большую и яркую рецензію, понимаешь то восхищеніе, которое вызвала она въ душѣ Чехова, совсѣмъ неизбалованнаго доброжелательной и справедливой оцѣнкой его творчества.

Отзывъ Суворина цѣненъ и тѣмъ, что выражаетъ мѣткія сужденія и о самомъ существѣ таланта Чехова, — таланта, отнюдь не отмѣченнаго пессимистическимъ отношеніемъ къ жизни и къ людямъ. Это утвержденіе идетъ, конечно, въ разрѣзъ съ тѣми плоскими разсужденіями о чеховской „безнадежности", которыя повторялись, да и все еще повторяются,—критикой.

Но среди такихъ стертыхъ мѣдныхъ пятаковъ, какъ эти постоянныя восклицанія „пѣвецъ сумерекъ", „поэтъ тоски"— правдивое и чуткое слово Суворина кажется, поистинѣ, чѣмъ то живымъ, такимъ, что приближаетъ насъ къ постиженію подлиннаго образа художника.

3

Справедливость требуетъ отмѣтить, что и въ московской печати появился отзывъ объ „Ивановѣ", діаметрально противоположный „ругательнымъ" или снисходительно-поощрительнымъ рецензіямъ большинства газетъ.

Отзывъ этотъ принадлежитъ небезызвѣстному историку литературы Ив. Ив. Иванову.

Ивановъ, правда, видѣлъ пьесу Чехова спустя два года послѣ перваго ея представленія. Успѣхъ „Иванова" на Александринской сценѣ побудилъ и Корша возобновить драму.

Она шла съ измѣненнымъ составомъ исполнителей. Роль Иванова, вмѣсто перешедшаго въ Петроградъ Давыдова, игралъ г. Солонинъ.

У Корша въ этомъ сезонѣ репертуаръ не отличался особой художественностью. Шли какія-то „Наши Вѣдьмы“ и прочія малолитературныя издѣлія. Разбирая эти пьесы, г. Ивановъ пишетъ (журн. „Артистъ“, 1889 годъ, № 2):

„Отъ всего этого мелкоплавающаго творчества чрезвычайно отраденъ переходъ къ драмѣ г. Чехова „Ивановъ“, возобновленной въ нынѣшнемъ сезонѣ въ новой передѣлкѣ автора. Мы не знакомы съ первой редакціей, а потому не можемъ судить, насколько измѣнилась пьеса въ передѣлкѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ она представляетъ несомнѣнно выдающееся явленіе въ современной драматической литературѣ. Авторъ ея въ послѣдніе годы ярко выдвинулся своими талантливыми разсказами, полными большой наблюдательности и тонкаго знанія человѣческой души. Драма г. Чехова, насколько намъ извѣстно, первое крупное его произведеніе, написанное для театра. Она изобилуетъ тѣми же достоинствами, которыя присущи автору въ его повѣстяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи написана человѣкомъ, талантъ котораго направленъ преимущественно къ повѣствовательной формѣ, она, какъ намъ кажется, отсюда и беретъ начало всѣхъ своихъ недостатковъ.

Захватывая неисчерпаемую область души человѣческой, обнаруживая тайное знаніе ея, она указываетъ на серьезныя стремленія своего автора. Пьеса написана не по заказу для того или другого театра, для тѣхъ или другихъ артистовъ, какъ большинство современныхъ драматическихъ произведеній, она—плодъ искренняго и честнаго творчества автора. Въ наши дни, къ сожалѣнію, подобное творчество такая рѣдкость, что приходится особенно ярко оттѣнять именно эту сторону новой драмы. Какъ мы сказали выше, она не лишена многихъ и крупныхъ недостатковъ. Написанная повѣствователемъ по преимуществу, она плохо уложилась въ сценическія рамки; самая концепція драмы, техническое строеніе ея мало удовлетворительны: дѣйствующія лица появляются и уходятъ со сцены не по внутренней необходимости, а по желанію автора; въ пьесѣ мало яркости, событія часто замѣняются разсказами дѣйствующихъ лицъ о себѣ, оцѣнкой

однихъ изъ нихъ другими, и т. д.; все основано преимущественно на детальной отдѣлкѣ, обличающей большую наблюдательность автора, но, къ сожалѣнію, пропадающей на сценѣ. Характеръ главнаго лица мало подвиженъ, онъ не развивается передъ зрителемъ, а данъ неизмѣннымъ съ перваго слова драмы".

Автору рецензіи кажется самъ Ивановъ „наиболѣе слабымъ лицомъ драмы". „Всѣ же остальныя лица вырисованы настолько правдиво и жизненно, говорятъ такимъ простымъ житейскимъ языкомъ, въ пьесѣ такъ мало условности и театральности, что зритель невольно увлекается развертывающейся передъ нимъ простой картиной человѣческой жизни, и за эту то простоту и правду, отъ которой насъ давно отучили современные драматурги, прощаетъ автору всѣ недостатки формы".

4

Въ 1889 г. 27 декабря въ театрѣ М. Абрамовой [30]), въ Москвѣ, шла въ первый разъ вторая большая пьеса Чехова „Лѣшій" [31]), составляющая, какъ извѣстно, первоначальную редакцію „Дяди Вани".

„Лѣшій" успѣха не имѣлъ. Пьеса, по свидѣтельству кн. А. И. Урусова, „вызвала озлобленіе въ профессорскихъ кружкахъ, потому что выставленъ комическій и жалкій профессоръ", а петроградскій театрально-литературный комитетъ, или, какъ шутилъ Чеховъ „военно-полевой судъ", — отклонилъ постановку „Лѣшаго" на Императорской сценѣ.

Московская печать отнеслась къ новому драматическому произведенію Чехова сурово.

Очень любопытный въ этомъ отношеніи отзывъ находимъ мы въ „Артистѣ" (1890 г. № 6). Но прежде чѣмъ привести выдержки изъ этой курьезной рецензіи—обратимъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что ея авторомъ былъ Ив. Ив. Ивановъ, который такъ благожелательно писалъ объ „Ивановѣ". Теперь тотъ же г. Ивановъ учинилъ „Лѣшему"

форменный разносъ. Добавимъ къ этому, что свирѣпой карѣ пьеса подверглась главнымъ образомъ изъ-за „каррикатурнаго“ изображенія типа профессора. Мы уже знаемъ, что какъ разъ это и вызвало озлобленіе въ профессорскихъ кружкахъ, а именно къ нимъ-то и былъ очень близокъ г. Ив. Ив. Ивановъ.

Вотъ что писалъ этотъ критикъ, взявшій на себя неблагодарный трудъ защищать „ученую воблу“ отъ „нападокъ“ Чехова:

„Г. Чеховъ принадлежитъ къ числу писателей, обладающихъ весьма завиднымъ настроеніемъ духа. Для нихъ нашъ міръ — міръ красоты и молодости наслажденій и пріятнаго отдыха. Ихъ окружаетъ, какъ будто, чарующая музыка тѣхъ семи небесныхъ сферъ, о которыхъ грезилъ древній философъ. Развѣ можно быть несчастнымъ въ волнахъ этой музыки. Солнце восходитъ ежедневно, цвѣты расцвѣтаютъ ежегодно, всякій бываетъ молодъ хоть разъ въ жизни. Любуйтесь солнцемъ, рвите цвѣты и пользуйтесь молодостью. Если вы этого не дѣлаете и не дѣлали — вашъ приговоръ подписанъ. Вы — преступникъ, погубитель не только своей души, но и чужихъ. Посмотрите, какъ г. Чеховъ обрушивается на людей, посвятившихъ свою жизнь наукѣ, труду, умѣвшихъ даже въ Парижѣ остаться вѣрными своей первой и единственной любви. Профессоръ въ „Лѣшемъ“ говоритъ, что онъ въ молодости былъ въ Гейдельбергѣ и не видалъ Гейдельберга, былъ въ Парижѣ и не видалъ Парижа... Этихъ „уродовъ“ г. Чеховъ съ особеннымъ наслажденіемъ будетъ казнить во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, и въ повѣсти, и въ драмѣ. Г. Чеховъ вѣроятно не пойметъ смысла знаменитыхъ словъ: „онъ родину какъ женщину любилъ“. Г. Чеховъ пройдетъ съ видомъ недоумѣнія мимо безсмертныхъ образовъ людей, приносившихъ въ жертву излюбленной идеѣ всякій моментъ личнаго существованія. Г. Чехову покажется страннымъ, почему имена этихъ людей окружены такимъ блескомъ въ лѣтописяхъ человѣчества: вѣдь въ любви къ родинѣ и въ любви къ наукѣ нѣтъ ничего лирическаго, нѣтъ того „счастья“, которое изображается въ сти-

хахъ и романахъ. И какъ иногда люди раскаиваются, что не попали въ свое время въ героевъ поэзіи! Они подъ вліяніемъ этого оригинальнаго угрызенія совѣсти доходятъ даже до самоубійства. Напримѣръ, Войницкій въ пьесѣ, вызвавшей насъ на эти разсужденія, предъ смертью кричитъ: „я не жилъ, не жилъ! Я истеребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни!“ Что же Войницкій дѣлалъ? Онъ съ успѣхомъ управлялъ имѣніемъ и высылалъ деньги тому самому профессору, который все время работалъ надъ наукой—какъ могъ и какъ умѣлъ. По нашему мнѣнію, Войницкій поступалъ хорошо и во всякомъ случаѣ не имѣлъ никакого резона стрѣляться заднимъ числомъ. Но онъ не увлекался въ молодости, и потому долженъ „жалко погибнуть“. Если же вы увлекаетесь чѣмъ бы то ни было, можетъ быть даже лучше если ваше увлеченіе одно изъ самыхъ нелѣпыхъ, вы будете награждены. Напримѣръ, Лѣшій, чувствуетъ чисто патологическую страсть къ лѣсоводству и проливаетъ слезы чуть ли не надъ каждой срубленной березой. Это мелодрама на учено-эстетической основѣ довольно своеобразна, но, какъ всякая мелодрама, неестественна и комична. Мы видѣли, какъ молодость, прожитая даромъ (надо понимать въ особомъ, поэтическомъ смыслѣ), мститъ за себя долго спустя, вродѣ трагической Немезиды; предъ нами также жертва, искупающая вину, такъ сказать, an flagrant délit. Молодая женщина вышла замужъ за старика-профессора, увлеченная чувствомъ—гораздо болѣе благороднымъ, чѣмъ „волненье крови молодой“. Но это „волненье“ жестоко отомстило за себя, превратило жизнерадостную „артистку“ въ нудную страдалицу. Этотъ эпитетъ принадлежитъ автору и характеризуетъ неотразимую участь людей, „убившихъ молодость“. Галлерея была бы не полна, если бы авторъ не показалъ намъ человѣка, „ловящаго моменты“. Таковымъ въ нашей пьесѣ является нѣкто Ѳединька (фамиліи не помнимъ), чувствующій болѣзненное пристрастіе къ шампанскому и уловленію женскихъ сердецъ. Вотъ и всѣ интересныя лица пьесы г. Чехова. Мы не разсказали содержанія и заговорили о герояхъ, потому что содержанія нѣтъ, а герои, дѣйствительно, не лишены ориги-

нальности. Въ пьесѣ, правда, происходитъ нѣсколько казусовъ: нудная жена сбѣгаетъ отъ мужа, „сгубившій молодость“ Войницкій застрѣливается, „прожигающій молодость“ Ѳединька женится, то же дѣлаетъ и Лѣшій. Но все это именно казусы, а не факты пьесы, необходимо вытекающіе изъ хода ея дѣйствія. Казусы эти переплетены въ массу семейныхъ разговоровъ, крайне длинныхъ и утомительныхъ. Авторъ, можетъ быть, увлекся идеей — перенести на сцену будничную жизнь, какъ она происходитъ въ большинствѣ случаевъ. Это — положительно заблужденіе. Вѣдь мы и въ практической жизни интересуемся только тѣмъ, что выходитъ изъ ряда вонъ, что затрогиваетъ наше сердце, наши воззрѣнія, однимъ словомъ, что имѣетъ общій интересъ. И произведеніе тѣмъ выше, чѣмъ его идеи и факты содержательнѣе, чѣмъ ихъ внутреннее значеніе шире и идейнѣе А повседневные разговоры за выпивкой и закуской каждому надоѣли и дома, и у знакомыхъ, и для того, чтобы услышать десять разъ, какъ другіе справляются о чужомъ здоровьѣ и иногда переругиваются, вовсе не надо итти въ театръ и перетерпѣть четыре акта „комедіи“. Талантъ г. Чехова несомнѣнно, выше написанной имъ пьесы, и ея странныя свойства объясняются, вѣроятно, спѣшностью работы или печальнымъ заблужденіемъ относительно самыхъ неизбѣжныхъ свойствъ всякаго драматическаго произведенія“.

Отзывъ московскаго Сарсе, всегда корректнаго С. Васильева (Флерова) былъ гораздо мягче.

Рецензентъ нашелъ, что названіе не соотвѣтствуетъ представленію о „лѣшемъ“, ибо оно вовсе не характерно для героя произведенія—Хрущова. Затѣмъ, пьеса скучна. „Всѣ дѣйствующія лица говорятъ только между собой, знаютъ только другъ друга и не хотятъ знать публику“. Но въ то же время пьеса интересна.

„Впечатлѣніе отъ пьесы смѣшанное. Въ этомъ виноватъ авторъ. Впечатлѣніе отъ пьесы должно быть ясно. Авторъ

долженъ знать, что онъ хочетъ и въ концѣ-концовъ непремѣнно привести насъ къ желаемому имъ выводу.

Въ созданіяхъ искусства, черпающихъ свой матеріалъ изъ дѣйствительной жизни, присоединяется къ этому элементу элементъ художественной индивидуальности, личной мысли и личнаго чувства художника.

Недостатокъ комедіи г. Чехова состоитъ въ ея объективности. Онъ написалъ протоколъ, а не комедію. Онъ видѣлъ людей, которыхъ онъ описываетъ, и описываетъ ихъ такими, какими ихъ видѣлъ. Онъ не далъ намъ лишь одного: своего отношенія къ нимъ. А между тѣмъ это именно то, чего мы ждемъ. Отсюда скука, производимая его пьесой. Но не можетъ быть, чтобы живой человѣкъ не заинтересовалъ живого человѣка, разъ они вмѣстѣ заперты въ театральной залѣ, одинъ движется по сценѣ, а другой сидитъ и смотритъ на него изъ ложи или партера. Отсюда интересъ, но не къ пьесѣ, а къ отдѣльнымъ ея личностямъ, интересъ не симпатіи, а простого любопытства. Всего досаднѣе, что г. Чеховъ не хочетъ знать законовъ драмы. Онъ разсказываетъ намъ повѣсть: только со сцены. Онъ притворяется, что не знаетъ, какъ важно время и тратитъ время на безконечные разговоры".

С. Васильевъ заканчиваетъ рецензію довольно неожиданнымъ указаніемъ. Утверждая, что Хрущовъ, который вовсе не „лѣшій", — не есть „центръ пьесы", — критикъ полагаетъ, что настоящимъ героемъ могъ бы быть только профессоръ. „Онъ — пишетъ г. Васильевъ — крупнѣе всѣхъ его окружающихъ. Въ его отношеніяхъ къ этимъ окружающимъ и въ ихъ отношеніяхъ къ нему дѣйствительно могла бы заключаться глубокая драма. Она едва намѣчена у г. Чехова, а между тѣмъ какъ на этомъ мотивѣ слѣдовало остановиться, развить его, сдѣлать центромъ, вокругъ котораго группировались бы всѣ остальныя лица. Но авторъ не сдѣлалъ этого. Онъ какъ будто бы боится заняться однимъ лицомъ болѣе нежели остальными. Отсюда недостатокъ рельефа, перспективы и остальныхъ плановъ въ его комедіи. Всѣ дѣйствующія лица находятся на одной плоскости, а цѣлое нѣсколько

напоминаетъ китайскія картины, гдѣ каждая отдѣльная фигура „интересна“, но, благодаря отсутствію перспективы, несоблюденія законовъ глуби и дали, смѣшивается съ остальными фигурами въ пеструю массу, въ которой трудно, почти невозможно разобраться“. („Московскія Вѣдомости“ 1890 г. № 1).

Пьеса недолго продержалась въ репертуарѣ. Ея неуспѣхъ подѣйствовалъ на автора болѣзненно-непріятно. Десять лѣтъ спустя, отвѣчая кн. А. И. Урусову, мечтавшаго напечатать „Лѣшаго“ Чеховъ пишетъ: „я не могу печатать „Лѣшаго“. Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней. Сама ли она виновата, или тѣ обстоятельства, при которыхъ она писалась и шла на сценѣ,—не знаю, но только для меня было бы истиннымъ ударомъ, если бы какія-нибудь силы извлекли ее изъ подъ спуда и заставили жить“ [32]).

Но нашлись все же такія силы: „Лѣшій“ еще разъ обрѣлъ свою сценическую жизнь: 2 іюля 1910 года онъ шелъ въ Малаховкѣ, подмосковной дачной мѣстности. Это было четвертое представленіе со дня перваго спектакля. Кажется этимъ и исчерпывается сценическая исторія „Лѣшаго“.

5

Всѣмъ памятна катастрофа съ „Чайкой“, постановка которой въ Петроградѣ на сценѣ Александринскаго театра — вызвала неслыханный скандалъ. Авторъ былъ освистанъ. Газеты вылили ушатъ помоевъ, исчерпавъ весь ругательный свой лексиконъ. „Это не чайка—это просто дичь!“—восклицалъ „проницательный І. Ясинскій. Тонъ рецензій былъ неимовѣрно грубъ.

А. А. Измаиловъ въ 1914 г. въ „Русскомъ Словѣ“ отъ 2-го іюля, сгруппировалъ воедино эти поразительныя по хлесткости и невѣжеству отзывы. Впечатлѣніе получилось, поистинѣ, ужасающее. Къ сожалѣнію, А. А. Измаиловъ не воспользовался статьей нѣкоего г. Селиванова изъ „Новостей“. Это самое дикое и самое глупое изъ всего того, что

писалось о Чайкѣ. Глупость рецензіи, устанавливающей между всѣми дѣйствующими лицами пьесы только одну связь—развратъ — настолько изумительна, такъ классически полно выражаетъ всю квинтъ - эссенцію сужденій репортеровъ, „критиковъ“ и фельетонистовъ, писавшихъ о „Чайкѣ“, что ее должно перепечатать здѣсь.

Вотъ что писалъ господинъ Селивановъ въ № 289-омъ газеты „Новости“:

„Я не знаю, не помню, когда г. Чеховъ сталъ большимъ талантомъ, но для меня несомнѣнно, что произведенъ онъ въ этотъ литературный чинъ завѣдомо фальшиво. Когда говорятъ, напр., о Короленко, то вспоминаютъ, что онъ написалъ „Сонъ Макара“, „Лѣсъ шумитъ“ и пр.

При имени же Чехова никто ничего не можетъ назвать.—„Чеховъ? О, да это талантливый писатель“. Но спросите, въ чемъ наиболѣе ярко и глубоко проявился его талантъ, и вы сплошь и рядомъ поставите своего собесѣдника въ затрудненіе: „Въ чемъ? — вотъ, напримѣръ... да мало ли? цѣлый рядъ разсказовъ“. Какихъ?

Здѣсь-то и опредѣляется сила и значеніе „большого таланта“ г. Чехова, его несомнѣнно читаютъ и сейчасъ же забываютъ прочитанное не только, такъ сказать, по существу, но и по именамъ. „Прочитали—позабыли“.

Несчастье г. Чехова, однако, не въ этомъ, потому что хотя бы и маленькое дарованьице все же скорѣй — счастье; бѣда въ томъ, что г. Чеховъ увѣровалъ въ свой, созданный услужливой фальшью „большой талантъ“, и началъ пытаться произвести нѣчто оригинальное, необычное. Пьеса „Чайка“, прежде всего и производитъ впечатлѣніе какой-то творческой безпомощности, литературнаго безсилія лягушки раздуться въ вола. Вы чувствуете и сознаете, что авторъ что-то хочетъ, что именно — онъ самъ не знаетъ,—но рѣшительно не можетъ совершить. И всѣ эти усилія, все это напряженіе маленькаго-маленькаго творчества кажутся жалкими до болѣзненности; отъ всѣхъ нелѣпостей, неестественности, выдуманности драмы вѣетъ чѣмъ-то несомнѣнно болѣзненнымъ.

Со всѣхъ точекъ зрѣнія—идейной, литературной и сце-

нической—пьеса г. Чехова даже не плоха, не неудачна, а совершенно нелѣпа, вымучена, и зачастую даетъ такіе результаты, которыхъ, быть-можетъ, вовсе и не имѣлъ въ виду авторъ.

Если дѣйствительно принять чеховское произведеніе, какъ нѣчто положительное, имѣющія опредѣленно сознанныя цѣли и задачи, то получается невѣроятно мрачная и ужасная картина общественныхъ нравовъ. Въ сущности между всѣми дѣйствующими лицами драмы есть одна главная преобладающая связь—развратъ.

Всѣ живутъ и дѣйствуютъ во имя и ради разврата: развратничаютъ бабушка (буквально), матери, дѣти, мужчины и женщины, причемъ дѣло доходитъ до такихъ извращеній, что даже примитивное нравственное чувство зрителя яростно возмущается. Трудно даже и въ болѣзненномъ состояніи выдумать такую омерзительную сцену, какую создаетъ авторъ въ четвертомъ дѣйствіи: мужъ проситъ и молитъ жену отправиться домой, гдѣ уже три дня остается брошеннымъ крошка-ребенокъ; жена гонитъ мужа одного, чтобы самой остаться при „любимомъ человѣкѣ“.

Это еще полъ-бѣды, хотя это полная атрофія величайшаго изъ чувствъ—чувства материнства, достаточно ясно говоритъ о нравственномъ уродствѣ и исключительности личности, имѣть дѣло съ которой должна медицинская, а не художественная литература: является старуха, мать и бабушка, которая тоже старается удалить зятя, что бы свести дочь съ „любимымъ человѣкомъ“.

Сводничество, обольщеніе, обманъ, „содержанство“, чувственность, похоть, вотъ элементы, которые наполняютъ дѣйствующихъ лицъ, создаютъ ихъ взаимныя отношенія, завязываютъ и рѣшаютъ пьесу. Ни одного, не только свѣтлаго, но сколько-нибудь чистаго образа!

Если бываютъ дикія чайки, то это просто дикая пьеса и не въ идейномъ отношеніи только; въ сценически литературномъ смыслѣ въ ней все первобытно, примитивно, уродливо и нелѣпо.

Мнѣ кажется, что г. Чеховъ ведетъ свою творческую ра-

боту именно по репортерски, потому что истинный художникъ писатель не сталъ бы создавать героини изъ дѣвицы, „пьющей водку и нюхающей табакъ“.

Такъ расправлялась столичная критика съ „Чайкой“, которая все-таки продолжала глубоко волновать зрителей. У публики перваго спектакля, явившейся на бенефисъ комической старухи—г-жи Левкѣевой въ надеждѣ вдоволь посмѣяться, пьеса и не могла имѣть успѣха.

Зрители послѣдующихъ (немногихъ) спектаклей принимали „Чайку“ горячо. Волновала и новая форма, ясно чувствуемая въ самой конструкціи пьесы, волновала и превосходное исполненіе роли Нины Зарѣчной В. Ѳ. Коммисаржевской. Въ оцѣнкѣ произведенія публика на этотъ разъ разошлась съ критикой, проявивъ ту чуткость, которой такъ не хватало профессіональнымъ цѣнителямъ и судьямъ.

Но продержалась „Чайка“ въ репертуарѣ недолго.

Она сошла со сцены въ томъ же году. Воскреснуть и зажить новой яркой жизнью ей было суждено только въ 1898 году—въ день ея постановки въ Художественномъ театрѣ.

Но есть одинъ любопытный эпизодъ въ исторіи вынужденнаго непоявленія „Чайки“ на сценѣ. Прежде чѣмъ пройти съ такимъ огромнымъ успѣхомъ въ Москвѣ, — пьеса ставилась въ 1896 году въ Кіевѣ. Здѣсь она была встрѣчена очень внимательно. Зрителямъ она понравилась, у прессы вызвала довольно неодобрительные отзывы.

Поставилъ въ Кіевѣ „Чайку“ извѣстный актеръ Р. З. Чинаровъ въ свой бенефисъ, 12 ноября 1896 г. Служилъ г. Чинаровъ у Н. Н. Соловцова, у котораго была превосходная труппа, лучшія силы которой отлично разыграли чеховскую драму.

Вліятельный кіевскій критикъ И. И. Александровскій посвятилъ въ „Кіевлянинѣ“ этому спектаклю большой отзывъ, примѣчательный тѣмъ, что рецензентъ, не въ примѣръ своимъ столичнымъ собратьямъ, осуждая пьесу—все же писалъ о ней сдержанно, стараясь по возможности уловить лейтъ-мотивы произведенія, — чуждаго его пониманію и взглядамъ.

„А. П. Чеховъ — полагаетъ г. Александровскій — въ Чай-

кѣ далъ программу для недурной повѣсти, но вовсе не далъ театральной пьесы".

„Треплевъ—пишетъ онъ—этотъ декадентствующій юный поэтъ, ищущій новыхъ формъ въ искусствѣ — взятъ какъ персонажъ, долженствующій выразить интимныя намѣренія автора—его желаніе дать пьесу смѣлую и оригинальную со стороны внѣшней формы. Пьеса вышла дѣйствительно оригинальной, но и въ высшей степени сумбурной. Новизна формы должна бы требовать ясности и полной опредѣленности въ формулировкѣ, а авторъ, благодаря слабому знанію элементарныхъ требованій сцены, часто повергаетъ зрителя въ полное недоумѣніе не только относительно новизны литературнаго пріема, но и со стороны удобопонятнаго изложенія отдѣльныхъ сценъ и эпизодовъ пьесы. Для чего, наприм., понадобились „госпитальная" сцена примиреніе матери съ сыномъ? Или совершенно неожиданно въ 4 дѣйствіи начинаютъ играть въ лото? Авторъ завязалъ нѣсколько интригъ, зритель съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ развязки, а герои г. Чехова ни съ того, ни съ сего, какъ ни въ чемъ ни бывало усаживаются за лото.

На ряду съ такими несообразностями, съ полнымъ незнаніемъ условій сцены, авторъ даетъ не мало жанровыхъ картинокъ, мѣткихъ замѣчаній, блещущихъ яркими блестками наблюдательности, и нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, написанныхъ сильно, съ захватывающимъ драматизмомъ. Такова, напр., сцена издѣвательства Аркадиной надъ больнымъ сыномъ, такова и сцена послѣдняго свиданія Нины съ Треплевымъ.

Что касается характера дѣйствующихъ лицъ, то они страдаютъ неполнотой разработки и, главнымъ образомъ потому, что пьеса страдаетъ отсутствіемъ развитія драматическаго дѣйствія—имъ развернуться негдѣ было, но въ то же время эти характеры намѣчены яркими чертами, немногими, но сочными мазками, напоминающими манеру письма г. Чехова въ его лучшихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. И эта манера письма сказывается въ самой сущности характеровъ дѣйствующихъ лицъ".

Рецензія заканчивается указаніемъ, что „Чайку“ слѣдуетъ разсматривать, „какъ недурно задуманный, но слабо выполненный со стороны внѣшней формы сатирическій набросокъ на наши общественные нравы. Склонность къ сатирическимъ стрѣламъ сквозитъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Чехова и, быть можетъ, поэтому положительные характеры вышли менѣе опредѣленными въ его пьесѣ“.

Съ сужденіемъ авторитетнѣйшаго въ Кіевѣ критика рѣзко разошелся невѣдомый фельетонистъ „Кіевскаго Слова“ Кремень, заявившій, что „крупный талантъ А. Чехова сквозитъ въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ этой 4-актной драмы“.

„Нѣтъ въ ней обычной шаблонности. Авторъ не желаетъ считаться съ требованіями и традиціями сцены.

Но за то у него бездна свѣжести, оригинальности. Что ни персонажъ, то живое, облеченное въ плоть и въ кровь лицо.

А. Чеховъ густыми, плотными и яркими мазками нарисовалъ великолѣпную картину нравовъ современнаго общества“.

И насколько этотъ искренній отзывъ невѣдомаго провинціальнаго фельетониста—ярче, а главное, ближе къ правдѣ, чѣмъ грубыя, хлесткія, или снисходительно—поощрительныя рецензіи законодателей театральной критики, не постѣснявшихся на столбцахъ распространеннѣйшихъ столичныхъ газетъ вылить ушатъ злобы и ненавистничества къ тѣмъ новымъ формамъ, о которыхъ твердитъ въ „Чайкѣ“ „декадентствующій“ Треплевъ!

6

Уже будучи извѣстнымъ и „признаннымъ“ писателемъ—уронилъ однажды Чеховъ въ одномъ изъ дружескихъ писемъ такое признаніе:

„Я двадцать пять лѣтъ читаю критики на мои разсказы и ни одного цѣннаго указанія не помню, ни одного добраго совѣта не слышалъ. Только однажды Скабичевскій произвелъ на меня впечатлѣніе: онъ написалъ, что я умру въ пьяномъ видѣ подъ заборомъ“.

Если просмотрѣть критическіе отзывы о первыхъ книжкахъ Чехова,—то станетъ совершенно ясно, что приведенныя слова вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности.

„Добрыхъ совѣтовъ“ и „цѣнныхъ указаній“ мы не найдемъ въ грудѣ того, что писалось, напр., о „Пестрыхъ разсказахъ“.

Впрочемъ, совѣтовъ тутъ много. Но всѣ они на одинъ ладъ.

Всѣ остерегаютъ „молодое дарованіе“ отъ „газетной заразы“. Н. Ладожскій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ свой отзывъ заканчиваетъ такъ: „У г. Чехова будетъ своя и видимо хорошая дорога, я говорю будетъ, если газетная поденщина не доведетъ его до размѣна его крупнаго таланта на мелочь“.

Но въ общемъ рецензенты сходились въ признаніи за А. Чехонте несомнѣнной „свѣжести дарованія“. „Русскія Вѣдомости“ даже рекомендовали „Пестрые разсказы“, „какъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ для легкаго чтенія“.

Просматривая періодическія изданія 1886 года, — мы натолкнулись на отзывъ нѣкоего г. Зміева въ журналѣ „Новь“ (т. XI. № 17). Это превосходный образчикъ той тупой и лицемѣрной критики, которая не понимала, или не хотѣла понять, истинную цѣнность дѣйствительно молодого и подлинно свѣжаго дарованія писателя.

Но „серьезнаго и честнаго“ критика ужасалъ даже тотъ фактъ, что въ книжкѣ 77 разсказовъ. Ему заранѣе непріязненна была эта авторская „плодовитость“. Но еще поразительнѣй казалось ему то обстоятельство, что разсказы „касаются всевозможныхъ явленій жизни съ участіемъ въ нихъ людей всякихъ положеній, безъ различія половъ и возрастовъ“.

Далѣе авторъ замѣтки перечисляетъ сюжеты разсказовъ— и восклицаетъ:

„Уже одинъ этотъ перечень служитъ недобрымъ предзнаменованіемъ на счетъ литературой и художественной качественности „Пестрыхъ разсказовъ“. И дѣйствительно въ общемъ итогѣ это — не что иное, какъ винегретъ изъ зале-

жавшихся порядкомъ и недозрѣлыхъ продуктовъ наблюдательности автора, сваленныхъ въ одну кучу безъ разбора, въ разсчетахъ на полное снисхожденіе читателей. Для пикантности такого кушанья прибавлена довольно дешевая приправа, долженствующая возмѣстить недостатокъ юмора и типичности дѣйствующихъ лицъ. Роль подобной приправы играютъ придуманныя авторомъ фамиліи: экзекуторъ Червяковъ, профессоръ Кнопка, учитель Пустяковъ, подсудимый Шельмецовъ, статскій совѣтникъ Шарамыкинъ, Ахинеевъ, Докукинъ, и т. д. и т. п. При такой нетребовательности автора къ своему творчеству, нисколько не удивительна крайняя небрежность, съ какою написано большинство „пестрыхъ разсказовъ“. Но за то просто изумительно, до какой степени мало уважаютъ читающую публику нынѣшніе разсказчики, полагая, что она „все съѣстъ“. Такіе разсказы, напр., какъ „Разговоръ съ собакой“, „Егерь“, „Сонная одурь“, „Кухарка женится“, „Репетиторъ“, „Надлежащія мѣры“ и многіе другіе—похожи скорѣе на полубредъ какой-то, или болтовню ради болтовни объ ужаснѣйшемъ вздорѣ, нежели на мало-мальски отчетливое изложеніе осмысленной фабулы. Конечно, подобнаго сорта творчество дается легко, но и вѣкъ его не простирается дольше однодневной жизни на газетныхъ столбцахъ. И нельзя не пожалѣть, что г. Чехонте увлекается такимъ кратковременнымъ успѣхомъ, ибо у него проглядываетъ несомнѣнное дарованіе въ 7—8 разсказахъ.

8 разсказовъ изъ 77—процентъ, правда, не великъ, но въ данномъ случаѣ вполнѣ умѣстно вспомнить поговорку о маломъ да дорогомъ золотникѣ“.

Это еще хорошо, что г. Зміевъ все-таки нашелъ въ „Пестрыхъ разсказахъ“ крупицы „дорогого золотника“—столпъ тогдашней критики „толстаго журнализма“ извѣстный Скабичевскій увидѣлъ въ книжкѣ одно лишь „клоунство“...

Мы говоримъ о рецензіи Скабичевскаго въ іюньской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ по поводу „Пестрыхъ разсказовъ“. Рецензія эта не подписана, но самъ Скабичевскій въ позднѣйшей статьѣ своей (Русская Мысль. 1905 г. іюль) [33]) не отрекся отъ ея авторства. Это какъ разъ тотъ самый от-

зывъ, о которомъ говоритъ Чеховъ, что онъ произвелъ на него „впечатлѣніе“.

Рецензіи этой нѣтъ ни въ собраніи сочиненій Скабичевскаго, ни въ сборникахъ критическихъ статей о Чеховѣ. О ней знаютъ только по наслышкѣ, повторяя ея удивительное предсказаніе о смерти Чехова подъ „заборомъ“.

Вотъ этотъ поистинѣ историческій декументъ:

„Пестрые разсказы“. (*Ан. Е. Чехова*) (Sic!). Разсказы эти вполнѣ оправдываютъ свое названіе пестрыхъ: пестры они и потому, что содержаніе ихъ относится къ самымъ разнообразнымъ слоямъ, какъ столичной, такъ и провинціальной жизни, а еще болѣе потому, что на два,—много на три разсказа, мало-мальски заслуживающихъ вниманія, вы найдете не менѣе пяти, представляющихся ничѣмъ инымъ, какъ совершенно праздною, увеселительною газетною болтовней. Дѣло въ томъ, что всѣ эти разсказы, рѣдко превышающіе пять страницъ, не что иное, какъ перепечатанные и изданные отдѣльно фельетоны, помѣщавшіеся нѣкогда на страницахъ „Новаго Времени“, „Осколковъ“, „Стрекозы“ и прочихъ газетъ, въ которыхъ главною приманкою для пріобрѣтенія подписчиковъ представляется элементъ всякаго рода скоморошескихъ потѣхъ. Грустное впечатлѣніе производятъ эти разсказы, грустное, не потому что бы они были плохи, а напротивъ того, именно потому, что весьма многіе изъ нихъ обличаютъ молодой, свѣжій талантъ, не лишенный юмора, чувства наблюдательности.

Вы выносите изъ этихъ разсказовъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы на подмосткахъ какого-нибудь грязненькаго кафешантана вы встрѣтили вдругъ сильный, захватывающій за душу голосъ, который могъ бы, если бы его обработать, сдѣлаться украшеніемъ любой европейской сцены, и между тѣмъ голосъ этотъ ограничивается тѣмъ, что увеселяетъ пьяную публику кафе-шантанчика пѣніемъ какихъ-нибудь скабрезныхъ куплетиковъ.

Все это наводитъ васъ на очень печальныя размышленія о томъ тлетворномъ дѣйствіи, которое производитъ на массовые таланты газетная фельетонная работа“.

„Газета,—доказываетъ далѣе критикъ—соблазнительна возможностью „легкаго заработка"—въ 400—500 р. въ мѣсяцъ, она не требуетъ шедевровъ, а довольствуется хламомъ. Таланты, которые при иныхъ условіяхъ, могли бы расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ, губятся, обращаются въ легковѣсныхъ барабанщиковъ, въ смѣхотворныхъ клоуновъ для потѣхи праздной толпы. Сперва газетнымъ работникамъ сопутствуетъ успѣхъ, но переутомленіе беретъ свое, и газетный писатель начинаетъ повторяться, теряетъ популярность и дѣло кончается тѣмъ, что онъ обращается въ выжитый лимонъ, и подобно выжитому лимону, ему приходится въ полномъ забвеніи умирать гдѣ-нибудь подъ заборомъ, считая себя вполнѣ счастливымъ, если товарищи пристроятъ его на счетъ литературнаго фонда въ одну изъ городскихъ больницъ.

Вотъ и г. Чеховъ—какъ жалко, что при первомъ же своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, онъ сразу записался въ цехъ газетныхъ клоуновъ. Надо впрочемъ отдать ему справедливость: въ качествѣ клоуна онъ держитъ себя очень скромно и умно въ томъ отношеніи, что не впадаетъ ни въ какіе скабрезности... чуждъ онъ и пасквильнаго элемента, не льститъ, однимъ словомъ, никакимъ низменнымъ инстинктамъ толпы... Но все это еще болѣе усугубляетъ чувство глубокой жалости тѣмъ, что, увѣшавшись побрякушками шута, онъ тратитъ свой талантъ на пустяки и пишетъ первое, что придетъ ему въ голову, не раздумывая долго надъ содержаніемъ своихъ разсказовъ.

Вообще книга г. Чехова, какъ ни весело ее читать, представляетъ собой весьма печальное и трагическое зрѣлище самоубійства молодого таланта, который изводитъ себя медленной смертью газетнаго царства".

Дѣйствительно, рецензія могла произвести „впечатлѣніе"... Но отзывы, подобные только что приведенному, дали Чехову право сказать впослѣдствіи, что „критики похожи на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю".

Въ исторіи критическихъ отзывовъ о творчествѣ Чехова страница тѣхъ „забытыхъ документовъ", которые мы приве-

ли выше, любопытна именно какъ свидѣтельство полнѣйшей отчужденности критика отъ художника.

Критикъ упорно не понималъ художника. Художникъ писалъ „дичь“, „чепуху“, „гнусную выдумку на жизнь и людей“,—художникъ былъ „клоуномъ“, „болтуномъ“, „напоминалъ литературное безсиліе лягушки раздуться въ вола“ — судьба не могла не привести его къ „забору“, подъ которымъ забытымъ, долженъ былъ умереть этотъ поставщикъ глупыхъ и пошлыхъ разсказовъ...

Но художникъ этотъ, вопреки всѣмъ пророчествамъ, выросталъ въ огромную величину...

Онъ шелъ одинъ, свободною дорогой, — онъ не внималъ „совѣтамъ“,—и ни къ кому за благословеніемъ не ходилъ.

И на этомъ пути, трудномъ, тяжкомъ пути, онъ встрѣтилъ мало радости. Зналъ, что его не понимаютъ. Сперва слышалъ о себѣ, что онъ только пустой забавникъ, потомъ, что онъ суворинскій рабъ—нововременецъ,—потомъ, — что онъ „проповѣдникъ отчаянія“, „пѣвецъ тоски“, „поэтъ сумерекъ“...

Слушалъ тупыя похвалы и грубую брань—и неуклонно шелъ впередъ, прологалъ новые пути, свершалъ великій писательскій подвигъ.

И много еще пройдетъ лѣтъ, прежде чѣмъ оцѣнятъ огромность того, чего онъ достигъ и поймутъ ту высокую, чистую радость, которую далъ онъ своимъ творчествомъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЧЕХОВА

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ ЧЕХОВА

На зиму 1903 года Антонъ Павловичъ остался въ Москвѣ. Состояніе его здоровья уже внушало опасенія. Лѣто онъ долженъ былъ прожить, по совѣту проф. Остроумова, не въ Ялтѣ, какъ обычно, а подъ Москвою. Онъ избралъ Нару, гдѣ въ имѣніи Якунчиковой провелъ лѣтніе мѣсяцы. Здѣсь онъ закончилъ „Вишневый садъ". Отсюда А. П. писалъ своему хорошему знакомому Л. В. Средину о своемъ здоровьѣ такъ: „А у меня новости. Былъ у проф. Остроумова. Онъ нашелъ у меня эмферизму, дурное правое легкое, остатки плеврита и пр. и пр., обругалъ меня, запретилъ зимою жить въ Ялтѣ и приказалъ мнѣ зимовать, гдѣ-нибудь подъ Москвой, на дачѣ". (4-го іюня 1904 года).

Начало зимы прошло въ Москвѣ сравнительно благополучно — безъ рѣзкихъ ухудшеній. Антонъ Павловичъ былъ занятъ редактированіемъ беллетристическаго отдѣла „Русской Мысли" и репетиціями своего „Вишневаго сада" въ Художественномъ театрѣ. Онъ мечталъ въ февралѣ поѣхать за границу; 8-го января онъ писалъ И. А. Бунину:

„Очень возможно, что въ февралѣ я пріѣду въ Ниццу. Поклонитесь отъ меня милому, теплому солнцу, тихому морю. Живите въ свое полное удовольствіе, утѣшайтесь, не думайте о болѣзняхъ и пишите вашимъ друзьямъ. Будьте здоровы, веселы, счастливы и не забывайте бурыхъ сѣверныхъ компатріотовъ, страдающихъ несвареніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа". Въ этомъ письмѣ уже звучатъ тихія,

грустныя нотки: „поклонитесь отъ меня милому, теплому солнцу“,—а въ шутливомъ замѣчаніи о „бурыхъ компатріотахъ, страдающихъ несвареніемъ желудка“ — затаенная жалоба на болѣзни, приковавшія къ Москвѣ. Постановка „Вишневаго сада“ волновала его чрезвычайно: сначала онъ посѣщалъ всѣ репетиціи, но скоро, во избѣжаніе волненій, — пересталъ ходить въ театръ. Въ успѣхъ онъ не вѣрилъ. Вл. И. Немировичъ-Данченко вспоминаетъ, что онъ предлагалъ пріобрѣсти у него пьесу „на откупъ“—за три тысячи.

— Хотите, гарантируемъ десять? — отвѣчали ему. Онъ, какъ всегда, не любилъ вступать въ споръ, — добавляетъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко,—и молча, съ полнымъ недовѣріемъ качалъ головой.

Первое представленіе случайно совпало со днемъ его ангела—17 января. Московское общество, театры, литературныя и художественныя организаціи рѣшили воспользоваться предлогомъ—и чествовали Чехова послѣ третьяго акта. Это торжество было совершенно неожиданнымъ для А. П. Въ этотъ вечеръ онъ такъ волновался за судьбу пьесы, что не хотѣлъ ѣхать въ театръ, и родные чуть ли не насильно, уже послѣ второго акта, увезли его изъ квартиры. Чествованіе любимаго писателя вышло задушевнымъ и искреннимъ. Безконечно читали адреса, подносили подарки.

А. П., блѣдный, взволнованный, стоялъ и, несмотря на просьбы публики, не желалъ сѣсть въ приготовленное кресло. И былъ одинъ моментъ въ этомъ праздникѣ особенно трогательнымъ и волнующимъ. Это когда читалъ привѣтствіе отъ Художественнаго театра Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, указавшій на счастливое совпаденіе перваго представленія „Вишневаго сада“ со днемъ ангела Антона Павловича. „Народная поговорка говоритъ: „Антонъ — прибавленіе дня“, и мы скажемъ: нашъ Антонъ прибавляетъ намъ дня, а, сталобыть, и свѣта, и радости, и близости чудесной весны“...

Увы!.. Поговорка не оправдалась: не прибавилъ себѣ дней Чеховъ!..

Но чествованіе его глубоко тронуло и взволновало.

Онъ писалъ о 17-мъ январѣ Ф. Д. Батюшкову:

„...На первомъ представленіи „Вишневаго сада“ 17-го января меня чествовали и такъ широко, радушно, и, въ сущности, такъ неожиданно, что я до сихъ поръ никакъ не могу притти въ себя“...

Онъ мечталъ и слѣдующій годъ провести въ Москвѣ — „всю будущую зиму, — писалъ онъ А. Н. Веселовскому,— при благопріятныхъ условіяхъ я намѣренъ прожить въ Москвѣ“.

Волненія, связанныя съ пьесой, временно подняли и самочувствіе А. П. — у него зародились планы побывать въ Швеціи. Въ письмѣ къ Н. П. Кондакову онъ говоритъ:

„Здоровье мое недурно сравнительно съ прошлогоднимъ; меньше кашляю и чувствую себя бодрѣе, хочется работать и, если не работаю, то виноваты въ этомъ мои двери пропускающія сквозь себя множество посѣтителей. Около 10 февраля уѣду, по всей вѣроятности, въ милую Ялту. Собирался за границу, но не поѣхалъ и не скоро поѣду, такъ какъ нѣтъ денегъ; и къ тому же лѣтомъ поѣду съ женой въ Швецію, по крайней мѣрѣ, мечтаю объ этомъ, а для этой поѣздки нужно приберечь и деньги, и силы“.

2

Въ февралѣ онъ былъ уже въ Ялтѣ. И здѣсь не оставляли его мечты о будущихъ путешествіяхъ. Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за разыгрывающейся трагедіей на Дальнемъ Востокѣ и писалъ Б. Лазаревскому, что „въ іюлѣ или августѣ“,—если позволитъ здоровье онъ поѣдетъ врачемъ на Д. Востокъ и побываетъ во Владивостокѣ.

Но здоровье не налаживалось: врачи совѣтовали уѣхать изъ Ялты. Лѣто онъ думалъ снова провести въ подмосковной дачной мѣстности. О. Л. Книпперъ вела переговоры о дачѣ въ Царицынѣ, и А. П. сообщалъ В. М. Соболевскому, что если „дѣло (съ дачей) устроится, то мы съ вами поудимъ трехпудовыхъ осетровъ“.

Изъ Ялты онъ выѣхалъ 1-го мая; 3-го мая пріѣхалъ въ Москву и почувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Разстройство

кишекъ, которымъ онъ страдалъ въ Ялтѣ, — перешло въ катарръ. А. П. слегъ.

Въ маѣ онъ сообщаетъ В. М. Соболевскому: „У меня катарръ кишекъ, плевритъ, при этомъ высокая температура“...

Эти зловѣщіе признаки грозной опасности заставили врачей рѣшить немедленный отъѣздъ за границу. Былъ избранъ курортъ Баденвейлеръ—въ Шварцвальдѣ. Изъ Москвы А. П. выѣхалъ 3-го іюня 1904 г.—„съ очень худыми, тонкими ногами“—какъ писалъ онъ о себѣ М. П. Чеховой.

„До Берлина — сообщаетъ въ этомъ же письмѣ А. П.— ѣхалъ хорошо, пріятно. Здѣсь въ Берлинѣ заняли уютный номеръ, живу я тутъ съ большимъ удовольствіемъ“...

Въ Берлинѣ нѣмецкіе врачи, въ томъ числѣ знаменитый Эвальдъ, уменьшили тревогу и обнадежили Чехова. Но въ Берлинѣ онъ чувствовалъ себя совсѣмъ плохо.

Разсказывая о своемъ знакомствѣ съ Іоллосомъ, А. П. пишетъ В. М. Соболевскому:

„Большое спасибо шлю вамъ и низко кланяюсь за знакомство съ Г. Б. Іоллосомъ. Это превосходный человѣкъ въ высшей степени интересный, любезный и безконечно обязательный. Я три дня прожилъ въ Берлинѣ и всѣ три дня чувствовалъ на себѣ заботу Іоллоса. Къ сожалѣнію, у меня еще совсѣмъ не работали ноги, чувствовалъ я себя, особенно въ первые дни, неважно, и мнѣ нельзя было дать себя въ его полное распоряженіе, хотя на два часа“.

И Іоллосъ вынесъ впечатлѣніе о безнадежномъ состояніи Чехова. Въ письмѣ своемъ къ В. М. Соболевскому Г. Б. Іоллосъ передалъ слѣдующія подробности.

„Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены, такъ онъ мнѣ показался тяжело-больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и отдышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша.

Изъ Берлина Чеховы выѣхали 8 іюня (по старому стилю)— на границу Швейцаріи, въ Шварцвальдъ, въ Баденвейлеръ-курортъ для легочныкъ больныхъ.

Здѣсь А. П. на первыхъ порахъ понравилось. „Баденвейлеръ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ П. И. Куркину,—хорошее мѣстечко, теплое, удобное для жизни, дешовое, но вѣроятно уже дня черезъ три я начну помышлять о томъ, куда бы удрать отъ скуки“.

Остановились Чеховы на виллѣ Friederike. „Вилла стоитъ особнякомъ, въ роскошномъ садикѣ, на солнцѣ. Мы живемъ,—пишетъ А. П сестрѣ,—и платимъ пансіонъ“.

О своемъ здоровьѣ онъ сообщаетъ и роднымъ, и друзьямъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ. — „Здоровье входитъ въ меня не золотниками, а пудами“. Такъ, напр., онъ пишетъ Соболевскому:

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли. Ѣмъ я помногу и съ аппетитомъ; осталась только отдышка отъ эмферизмы и слабость отъ худобы, пріобрѣтенной мной за время болѣзни. Лѣчитъ меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это д-ръ Schwöhrer, женатый на нашей московской Живаго“.

Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ Антонъ Павловичъ подробно описываетъ свой день: „Здоровье мое поправилось, я когда хожу, уже не замѣчаю того, что боленъ, хожу себѣ и все, одышка меньше, ничего не болитъ, только осталась послѣ болѣзни сильнѣйшая худоба; ноги тонкія, какихъ у меня никогда не было. Доктора нѣмцы перевернули всю мою жизнь. Въ 7 час. утра я пью чай въ постели, въ $7^1/_2$ часовъ приходитъ нѣмецъ въ родѣ массажиста и обтираетъ меня всего водой, а это оказывается недурно; затѣмъ я долженъ полежать немного, встать въ 8 часовъ, пить желудевое какао и съѣдать при этомъ громадное количество масла. Въ 10 час. овсянка, необыкновенно вкусная и ароматная, не похожая на нашу русскую. Свѣжій воздухъ, на солнцѣ. Чтеніе газетъ. Въ часъ дня обѣдъ. Въ 4 часа опять какао. Въ 7 ч. ужинъ. Передъ сномъ чашка чаю изъ земляники — это для сна“.

Онъ не перестаетъ мечтать о томъ, что уже „черезъ три недѣли“ онъ выѣдетъ изъ Баденвейлера. Поѣдетъ въ Италію, „куда тянетъ неудержимо“.

За нѣсколько дней до роковой развязки — 28 іюня — онъ уже проситъ въ письмѣ къ М. П. Чеховой сообщить ему въ какіе дни выходитъ удобный пароходъ черезъ Тріестъ на Одессу.

Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ, написанномъ имъ письмѣ, нѣтъ ни слова о здоровьѣ. А. П. увѣрялъ и раньше, что дѣла его „по части здоровья пошли на поправку по настоящему".

Но это было впечатлѣніе обманчивое. Временное улучшеніе пошло, какъ обычно для туберкулезныхъ больныхъ, быстро на убыль. Уже на второй недѣлѣ пребыванія въ Баденвейлерѣ—передаетъ Іоллосъ—у А. П. стали проявляться безпокойство и торопливость, — комната ему не нравилась, хотѣлось другого мѣста. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hôtel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. „Видишь, — говорилъ онъ женѣ, — что значитъ культурная страна: всѣ выходятъ и входятъ, каждый пишетъ и получаетъ письма". Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: „Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить".

Но курортная жизнь, какъ и вообще весь укладъ и строй нѣмецкой жизни, казалось ему безталанной. „Не чувствуется— писалъ онъ М. П. Чеховой—ни одной капли таланта ни въ чемъ, ни одной капли вкуса, но зато порядокъ и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливѣе, а про итальянскую или французскую и говорить нечего.

Такъ проводилъ онъ дни до начала послѣдней недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швереръ, превосходно относившійся къ паціенту, на вопросъ Іоллоса была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно.

Д-ръ Швереръ былъ первымъ, кто выразилъ опасеніе за сердце А. П., которое ослабѣло, вслѣдствіе чахотки. Что ка-

сается легкихъ, то Швереръ сказалъ, что онъ можетъ прожить съ ними отъ 4-хъ до 6-ти мѣсяцевъ, не долѣе...

Несомнѣнно, что на ухудшеніе здоровья А. П. повліяли извѣстія, приходившія съ родины.

Японская война угнетала его. Жена постоянно переводила ему извѣстія изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетъ, и онъ всѣмъ интересовался.

3

Катастрофа произошла въ ночь съ четверга на пятницу (2-го іюля стараго стиля). Чеховъ, по разсказу жены—О. Л. Книпперъ—въ половинѣ перваго часа ночи проснулся и сталъ задыхаться. О. Л. послала за докторомъ. Ночью нелегко было достать его тотчасъ. Когда онъ пришелъ, Чеховъ сказалъ ему по-нѣмецки одно слово:

— Смерть?

— О, нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь! Что вы?—поторопился успокоить его врачъ.

Ему тяжко было дышать. На сердце положили ледъ. Д-ръ Швереръ распорядился, чтобы принесли кислороду.

Бывшій въ комнатѣ Чехова русскій студентъ пошелъ за кислородомъ.

— Не надо,—сказалъ Чеховъ—пока принесутъ кислородъ, я уже умру.

Ему дали глотнуть шампанскаго, которое пролилось въ горло, производя странный звукъ.

Онъ сталъ бредить.

„Матросъ уѣхалъ?“ — „Какой матросъ?“ — Очевидно, это имѣло связь съ войной. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ.

Послѣднія его слова были: „Умираю“, и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: „Ich sterbe“... Пульсъ становился все тише... „Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ, вдругъ склонился на бокъ,— и безъ вздоха, безъ видимаго внѣшняго знака, жизнь оста-

новилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ; въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями.

Въ видѣ особой любезности къ berühmter russicher Shriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе корридоры, вынесли въ часовню, гдѣ онъ остался до отхода поѣзда въ Россію". (Изъ письма Іоллоса).

— Зналъ ли А. П. раньше, что умираетъ?—спрашиваетъ Іоллосъ:

„И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему вообще въ послѣднее время запрещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ; „Да, знаешь, на всякій случай"...

Комната, въ которой умеръ Чеховъ—былъ шаблонный номеръ нѣмецкаго отеля. „Ближе къ двери въ корридоръ—двѣ постели. У фасадной стѣны, между окномъ и дверью на балкончикѣ небольшой диванъ, обитый бархатомъ, и круглый столъ, умывальникъ, шкафъ и нѣсколько стульевъ дополняютъ обстановку. Мебель свѣжая, все въ номерѣ чистенько, а темные обои усиливаютъ впечатлѣніе уютности.

Послѣ смерти Чехова—обстановку здѣсь не мѣняли—поясняетъ кельнеръ: „такъ все и осталось, какъ было. Вотъ здѣсь на диванѣ онъ часто сиживалъ со своей супругой. Охотно онъ сидѣлъ на балконѣ и любовался видомъ горъ.

На этой кровати, что дальше отъ двери, онъ умеръ“ [34]).

Нѣсколько любопытныхъ подробностей о послѣднихъ дняхъ Чехова и объ отношеніи къ нему мѣстныхъ жителей передаетъ г. Яшинскій [35]): „Чеховъ пріѣхалъ въ Баденвейлеръ, утомленный долгими переѣздами, совершенно измученный, и и скромно прописался въ книгѣ для пріѣзжающихъ: Doctor Anton Tchehov und Frau aus Moscou. Хозяинъ виллы, типичный нѣмецкій буржуа, не обратилъ никакого вниманія на Чехова.

— Вѣдь существуетъ же много врачей — разсказывалъ онъ мнѣ.

Антонъ Павловичъ очевидно страдалъ несвареніемъ желудка, и потому женѣ его приходилось самой на кухнѣ слѣдить за приготовленіемъ кушаній, что очень безпокоило хозяина виллы. Удивляло и поражало г. Риттера (хозяинъ виллы) то необыкновенное количество писемъ, которое получалъ Чеховъ ежедневно съ каждой почтой. Хозяина это настолько заинтересовало, что онъ рѣшилъ узнать подробно о своемъ странномъ жильцѣ у доктора Гофрата Шверера, лѣчившаго Чехова. И когда узналъ, что это „Berümter“, какъ они его называли, русскій писатель, окружилъ его тѣмъ особо усерднымъ уходомъ, который граничитъ съ издѣвательствомъ. Чеховъ почти никуда не ходилъ. Все больше сидѣлъ на балконѣ, только иногда его вывозили въ креслѣ въ садъ, и онъ любилъ лежать въ немъ, грѣясь на солнышкѣ.

Хозяинъ виллы, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ Чехову, узнавъ отъ доктора, что онъ безнадеженъ и рѣшивъ, что смерть его испугаетъ другихъ жильцовъ и, боясь, такимъ образомъ, убытковъ, предложилъ Чехову „So fort“, какъ онъ говорилъ, очистить комнату.

И умиравшаго, обезсиленнаго страданіями человѣка, пришлось перевозить въ номеръ плохой гостиницы („Hotel Sommer“), который изъ большой любезности, послѣ цѣлаго дня безконечныхъ хлопотъ и мытарствъ удалось достать. Однако, къ чести нѣмцевъ надо добавить, что все населеніе курорта оказало самые трогательные знаки вниманія горю вдовѣ Че-

хова и облегчало ей, насколько возможно, хлопоты по перевозу тѣла Антона Павловича".

И опять-таки, къ стыду насъ, русскихъ, — первый памятникъ Чехову воздвигнутъ нѣмцами—здѣсь же, въ Баденвейлерѣ...

4

15-го іюля отправился въ дальній путь—въ Москву—печальный поѣздъ съ останками Чехова. Въ Карлсруэ и въ Берлинѣ были отслужены торжественныя панихиды въ присутствіи членовъ нашихъ посольствъ, учащихся и массы почитателей таланта А. П.

Вспоминаютъ, что измученная и потрясенная страшными событіями, вдова А. П. Чехова—Ольга Леонардовна—умоляла въ пути, провожая останки Чехова, объ одномъ:

— Въ Москву! Скорѣй въ Москву!..

Петербургская встрѣча праха А. П. еще сильнѣе заставила мечтать о Москвѣ! Какъ извѣстно, произошла путаница въ телеграммахъ—о часѣ прибытія поѣзда никто не зналъ, и 8-го іюля встрѣтить Чехова собралось не больше 20 человѣкъ.

Корреспондентъ одной изъ московскихъ газетъ описалъ эту грустную встрѣчу такъ: „Подошелъ поѣздъ. Съ нимъ пріѣхала вдова почившаго, О. Л. Чехова-Книпперъ, и также сопровождавшая гробъ отъ Вержболова ея близкая родственница г-жа Книпперъ.

Мы тихо подошли къ вагону съ гробомъ. Минутъ черезъ десять его отцѣпили и поставили ближе къ вокзалу. Обыкновенный товарный вагонъ, ничѣмъ не убранный. И крупными буквами надпись: „Вагонъ для перевозки устрицъ". Не передамъ боли, какую вызвала эта надпись. Кто-то изъ желѣзнодорожной администраціи спохватился. Послали за маляромъ. Минутъ черезъ двадцать маляръ густою зеленою краскою замазалъ надпись. День выдался подстать. Пасмурный, темный, какъ тѣ дни, которые описывалъ Чеховъ.

Когда вагонъ пробылъ уже больше получаса на станціи, кто-то изъ встрѣчавшихъ замѣтилъ, что слѣдуетъ отслужить литію. Послали за ближайшимъ священникомъ Троицкой церкви Измайловскаго полка. Новое затрудненіе,—нѣтъ пѣвчихъ. Выручилъ случай. Какъ разъ сегодня же провезли тѣло генерала Обручева. Пѣвчіе, приглашенные для отпѣванія его тѣла, согласились перейти къ вагону съ прахомъ Чехова. Въ 10 час. отслужили литію. Къ этому времени собралось уже человѣкъ до тридцати. По телефону былъ вызванъ и. д. городского головы Рѣзцовъ.

Часа черезъ полтора у вагона съ гробомъ Чехова была отслужена вторая литія. Въ промежуткѣ пріѣзжалъ проститься съ останками Чехова А. С. Суворинъ; были возложены вѣнки отъ „Нов. Врем.“, „Нивы“, Маркса. Ко второй литіи собралось человѣкъ 100. Но представители литературы почти отсутствовали.

Въ 1 ч. 45 м. небольшой поѣздъ изъ товарнаго вагона съ останками писателя и нѣсколькихъ пассажирскихъ вагоновъ двинулся по соединительному пути на Николаевскую ж. д. Черезъ часъ, въ 2 ч. 45 м. поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Здѣсь ждали тѣло Чехова человѣкъ 20—30... Опять недоразумѣніе. Предполагалось, что тѣло отбудетъ въ 8 ч. веч., съ экстреннымъ поѣздомъ. Но этого устроить не удалось. И тѣло уже черезъ четверть часа тронулось въ Москву. Едва священникъ успѣлъ отслужить литію. На гробъ возложили вѣнки отъ „Союза драматическихъ писателей“, отъ „Новостей“, „Образованія“. Нѣсколько дамъ возложили букеты цвѣтовъ. Священникъ едва кончилъ службу,—свистокъ паровоза. Поѣздъ тронулся подъ звуки „Вѣчной памяти“. Пѣли всѣ провожавшіе. Многіе плакали... Поѣздъ скрылся изъ виду“. [37]).

5

Совсѣмъ иная картина предстала въ Москвѣ. Здѣсь все было подготовлено къ встрѣчѣ праха. На особый комитетъ, образовавшійся во главѣ съ В. А. Гольцовымъ, при редакціи „Русской Мысли“, была возложена организація похоронъ. И похороны Чехова — памятный въ исторіи Москвы день: такъ еще никого не провожала древняя столица, никогда не проявилось ея участіе къ горю осиротѣвшей семьи въ такихъ задушевныхъ формахъ, какъ въ день похоронъ Чехова. Его любила Москва, и онъ любилъ этотъ городъ. Впечатлѣніе, оставленное извѣстіемъ о кончинѣ Чехова,—было потрясающе... Словно каждый переживалъ личное горе...

И былъ правъ Купринъ, отмѣтившій въ своихъ воспоминаніяхъ эти похороны, сказавъ, что въ нихъ вылилось „стихійное горе“.

— Чутъ ли не съ разсвѣта, — пишетъ очевидецъ похоронъ, — стала готовиться Москва къ встрѣчѣ праха Чехова.

Съ пяти часовъ утра по улицамъ, ведущимъ изъ города къ Каланчевской площади, начали подъѣзжать фуры съ безчисленными вѣнками. Скоро платформа Николаевскаго вокзала для приходящихъ поѣздовъ обратилась въ оранжерею.

Въ шесть часовъ платформа начала наполняться публикой. Преимущественно это была учащаяся молодежь. Вотъ пришелъ первый дачный поѣздъ. Съ нимъ изъ Петровско-Разумовскаго пріѣхалъ чуть ли не весь сельскохозяйственный институтъ.

Вагоны, занятые студентами, были обращены во временную оранжерею, — такую массу цвѣтовъ привезли съ собой петровцы. Здѣсь были вѣнки, букеты и нѣсколько громадныхъ корзинъ съ цвѣтами, чтобы осыпать могилу и гробъ дорогого писателя. Пріѣхалъ В. А. Гольцевъ, распоряжавшійся похоронами, затѣмъ появились Вл. И. Немировичъ-Данченко, бывшій артистъ Художественнаго театра г. Санинъ, еще нѣсколько артистовъ Художественнаго театра, съ гг. Луж-

скимъ и Москвинымъ во главѣ, А. И. Южинъ, Д. В. Гаринъ-Виндингъ и др., редакторъ „Міръ Искусства“ С. П. Дягилевъ, Н. Н. Баженовъ, В. М. Дорошевичъ, Н. Е. Якушкинъ, Н. Д. Телешовъ и друг.

Къ 7½ часамъ на платформѣ двигаться уже можно было только съ большимъ трудомъ. Вдругъ толпа всколыхнулась, послышались голоса: „Идетъ, идетъ“... „Поѣздъ“... Поѣздъ подходилъ. Медленно прошелъ мимо публики паровозъ, за нимъ—товарный вагонъ съ надписью: „Отдѣленіе для перевозки свѣжихъ устрицъ“.

Едва поѣздъ остановился, къ купэ, гдѣ находилась вдова А. П. Чехова, направились Вл. И. Немировичъ-Данченко и В. А. Гольцевъ; сюда же бросилась съ рыданіями прислуга Чеховыхъ, оставшаяся въ Москвѣ; за ней — масса публики. Съ О. Л. Чеховой-Книпперъ дурно. Ее подъ руки выводятъ изъ вагона на свѣжій воздухъ и усаживаютъ на откуда-то добытый стулъ. Трудно себѣ представить, что сдѣлалось съ толпой, когда открыли дверцы вагона. Публика сразу хлынула сюда. Съ большимъ трудомъ удалось проводить въ вагонъ вдову. За ней вошли и лица, близкія къ покойному. Гробъ подняли студенты-„петровцы“. Процессія направилась во дворъ Николаевскаго вокзала къ траурной колесницѣ. Она, впрочемъ, оказалась излишней. Молодежь не пожелала отдать гробъ съ дорогими останками и понесла его сама. Здѣсь, во дворѣ Николаевскаго вокзала, совершена была первая краткая литія. Послѣ богослуженія печальное шествіе тронулось со двора Николаевскаго вокзала. Когда шествіе тронулось, на гробъ А. П. Чехова посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ.

Это былъ трогательный и красивый моментъ...

Вотъ путь слѣдованія печальнаго кортежа: Домниковская улица, Рождественскій бульваръ, Мясницкая, Фуркасовскій переулокъ, Лубянка, Кузнецкій мостъ, и черезъ Кузнецкій переулокъ къ Художественному театру. Здѣсь была отслужена литія.

Отъ Художественнаго театра шествіе тронулось въ Газетный переулокъ. Здѣсь произошла трогательная сцена встрѣ-

чи двухъ братьевъ покойнаго, И. и М. Павловичей со вдовой.

Не успѣлъ кортежъ тронуться, какъ у гроба раздались рыданія. Это былъ голосъ бѣжавшей навстрѣчу къ гробу сестры покойнаго, М. П.

„Боже мой, Боже мой, я еле дошла. Оля, Олечка, какое несчастіе, что случилось“... М. П. и О. Л. замерли въ объятіяхъ, и толпа остановилась.

Прошло нѣсколько минутъ, пока окружающимъ удалось успокоить взволнованныхъ женщинъ.

Еще нѣсколько шаговъ, и толпу остановила новая сцена, еще болѣе потрясающая. Навстрѣчу къ гробу подошла мать А. П. Чехова.

Семья А. П. Чехова въ 9 час. 20 мин. прибыла въ Москву и была встрѣчена на Курскомъ вокзалѣ редакторомъ „Журнала для всѣхъ“ г. Миролюбовымъ.

На Николаевскій вокзалъ семья не могла попасть.

Нужно было встрѣтить гробъ на пути; семья поѣхала въ редакцію журнала „Русская Мысль“. Здѣсь дождаться гроба у близкихъ покойнаго лицъ не хватило терпѣнія, и они бросились, несмотря на усталость, пѣшкомъ навстрѣчу дорогимъ останкамъ.

Въ Ваганьковскомъ переулкѣ, у редакціи „Русской Мысли“, была отслужена литія.

Дальнѣйшій путь былъ по Знаменкѣ, Волхонкѣ, Пречистенкѣ. У хирургической клиники, передъ памятникомъ Пирогова, кортежъ остановился. Въ одномъ изъ корпусовъ лежалъ А. П. тогда, когда случился у него въ 90-хъ годахъ первый припадокъ кровохарканья. Здѣсь была отслужена послѣдняя литія.

За два часа до прибытія гроба въ Новодѣвичій монастырь, церковный дворъ, кладбищенскій садъ и площадь передъ монастыремъ стали наполняться публикой. Въ одной группѣ собралось много артистовъ. Здѣсь были М. П. Садовскій, Ф. А. Коршъ, драматургъ Ладыженскій, П. М. Невѣжинъ; въ другой группѣ были городскіе дѣятели: товарищъ городского головы И. А. Лебедевъ, С. А. Муромцевъ, В. В. Пржевальскій, нѣсколько врачей выпуска 1884 года, одного

съ А. П. Чеховымъ, извѣстный психіатръ Россолимо, директоръ бактеріологическаго института Ф. М. Блюменталь и др. Далѣе были: проф. Синицынъ, свящ. Г. Петровъ, художникъ Матвѣевъ, М. В. Лентовскій, Н. Н. Златовратскій, Н. П. Бочаровъ, драматурги Трахтенбергъ и Туношенскій, прибывшіе изъ Петербурга, издатель „Петербургской Газеты“ г. Худяковъ, Н. Д. Кашкинъ, М. Н. Климентова-Муромцева, директоръ Императорскихъ театровъ В. А. Теляковскій, спеціально прибывшій изъ Петербурга, чтобы выразить вдовѣ А. П. Чехова чувства соболѣзнованія отъ имени дирекціи казенныхъ театровъ. Стали прибывать и обгонявшіе шествіе. Пріѣхалъ Ѳ. И. Шаляпинъ, Максимъ Горькій.

На отпѣваніе въ церковь попасть было невозможно. Толпа стояла сплошной стѣной. И она хлынула, когда вынесли гробъ, и шествіе направилось къ приготовленной могилѣ.

Какихъ-нибудь 200 шаговъ, отдѣлявшихъ могилу отъ церкви, задержали шествіе чуть ли не на полчаса.

Страшная давка заставила поторопиться. Гробъ былъ опущенъ въ могилу. Посыпались цвѣты, глухо зазвучала земля о крышку гроба.

Былъ, поистинѣ, величественный и страшный моментъ. Это, когда тысячная толпа подхватила въ первый разъ:

— Вѣчная память!

Нестройно, похоже на вопль, на стонъ нестерпимой боли. Затѣмъ пѣніе стало стройно и мелодично.

— Вѣчная память! — запѣвалъ голосъ гдѣ-нибудь, — и вся тысячная толпа подхватывала пѣніе, пѣло все кладбище, и стройно, красиво неслись печальные аккорды.

— Вѣчная память!

На этотъ разъ это звучало, несомнѣнно, правдой. И это производило особо сильное впечатлѣніе.

Надъ могилой быстро выросъ холмъ, и родные покинули могилу, съ большими усиліями высвободившись изъ тѣснаго кольца толпившейся публики.

На гробъ было возложено свыше 120 вѣнковъ.

Рѣчей офиціальныхъ не было: говорили, что такова, будто бы, воля покойнаго. Но когда ушла вдова и родные, рѣчи все же произносились: говорилъ отъ имени издательства „Грифъ“ редакторъ его, Сергѣй Кречетовъ (С. Соколовъ), писатели изъ народа читали свои стихи.

Небо, хмурившееся еще съ утра, стало заволакиваться тучами. Къ пяти часамъ вечера пошелъ мелкій дождь... А толпа не расходилась, и только совсѣмъ къ ночи опустѣла могила, на которой выросъ холмъ вѣнковъ и цвѣтовъ...

. . . . . .

Такъ хоронила Москва Чехова... И эта скорбь, широкой волной вылившаяся въ тотъ историческій день, — была живымъ свидѣтельствомъ вѣрной и нѣжной любви нашей къ писателю, любви неумирающей, но крѣпнущей и растущей.

Могила Чехова стала мѣстомъ паломничества всѣхъ русскихъ обиженныхъ сердецъ, и цвѣты у бѣлаго памятника свѣжи и благоуханны...

ПО ЧЕХОВСКИМЪ УГОЛКАМЪ

ВЪ БАБКИНѢ

„Въ жизни А. П. Чехова были три эпохи, которыя отразились на всемъ его творчествѣ. Онъ самъ признавалъ это. Это были: поѣздки къ нѣкоему Ивану Парфентьевичу въ усадьбу, въ донскихъ степяхъ, когда еще А. П. былъ гимназистомъ; затѣмъ г. Вознесенскъ и усадьба Бабкина, гдѣ А. П. провелъ четыре лѣта тотчасъ по окончаніи курса университета, и, наконецъ, „Мелихово"... Эти слова біографа Чехова, его брата Михаила Павловича, должно принять къ свѣдѣнію тѣмъ, кто посѣщаетъ „чеховскіе уголки".

Вѣдь извѣстно, что мѣста, освященныя пребываніемъ людей намъ дорогихъ и близкихъ, пріобрѣтаютъ силу необычайной притягательности: неудержимо хочется побывать тамъ, гдѣ жилъ дорогой человѣкъ... Быть можетъ, это своего рода паломничество. Для пишущаго эти строки такимъ паломничествомъ были „чеховскіе уголки" подъ Москвой. Какъ разъ они-то, т.-е. Бабкино и Мелихово, гдѣ удалось мнѣ побывать и отмѣчены въ біографіи Чехова, какъ цѣлыя полосы, запечатлѣнныя въ его творчествѣ.

Въ Бабкино мы попали въ жаркій, знойный спокойный день, когда небо было совершенно безоблачно, по дорогѣ лежала густыми пластами пыль и зелень, сожженная и увядшая, казалась печальной и старой. Но кругомъ такая красота, что невольно забываешь о палящемъ полуднѣ, раскаленномъ пути, тяжеломъ пескѣ, въ которомъ вязнутъ колеса ветхой брички. Древній Новоіерусалимскій монастырь, бѣлыя главы

котораго въ зелени деревьевъ такъ прекрасны, видѣнъ во всѣ тѣ 7 верстъ, что отдѣляютъ станцію отъ Бабкина. Мы минуемъ Воскресенскъ и направляемся непосредственно въ бывшее имѣніе Киселевыхъ.

Нашъ ямщикъ еще засталъ Киселева, но Чехова, конечно, не помнитъ. Вѣдь это было въ 1885 году!..

Дорога идетъ, то поднимаясь, то опускаясь, межъ овражками, то черезъ лѣсъ, то черезъ быструю и шумливую рѣку Истру.

Узнаемъ подробности о бывшемъ имѣніи Киселевыхъ. Оно принадлежитъ теперь г. Колесникову—владѣльцу большого мануфактурнаго дѣла въ Москвѣ,— а раньше, послѣ смерти Киселевыхъ, имъ владѣлъ отставной гусаръ—полковникъ Котляревскій.

Колесниковъ устроилъ безплатную ремесленную школу для дѣвочекъ крестьянъ, гдѣ обучаютъ и кройкѣ, и шитью.

Ну, вотъ мы и у цѣли нашего путешествія. Мимо парка, который сбѣгаетъ съ горы, дѣлая полукругъ, мы въѣзжаемъ на широкій дворъ. У воротъ вывѣска: „Художественно-ремесленная школа торговаго дома „Алексѣй Колесниковъ“ въ селѣ Бабкино, Звенигородскаго уѣзда“. Признаться, видѣть эту вывѣску какъ-то странно у въѣзда въ „барскую усадьбу“. А что это настоящая барская усадьба, изъ тѣхъ, что исчезаютъ теперь безвозвратно, въ этомъ можно удостовѣриться тотчасъ же по обилію надворныхъ ладно и крѣпко строенныхъ службъ, флигелей, амбаровъ, кладовокъ, сараевъ и пр. и пр. Домъ стоитъ въ глубинѣ. Онъ обращенъ, какъ потомъ оказалось, главнымъ своимъ фасадомъ къ рѣкѣ и къ лугамъ, ко двору примыкая однимъ только угломъ.

Предупредительный и радушный пріемъ г. Колесникова нѣсколько разсѣиваетъ неловкость, которую естественно ощущаешь, врываясь къ незнакомымъ людямъ по дѣлу, быть можетъ, для нихъ чуждому.

Но нашъ хозяинъ очень любезенъ. Онъ охотно дѣлится съ нами своими свѣдѣніями по вопросу, насъ интересующему. Къ сожалѣнію, онъ знаетъ о Чеховѣ и о томъ времени, когда онъ снималъ тутъ у Киселевыхъ дачу, мало. Вѣдь онъ

пріобрѣлъ это имѣніе у Котляревскаго, а не у самаго Киселева. Домъ остался въ томъ же видѣ, какъ и раньше. Только огромная его половина—амфилада комнатъ—занята школой. Двѣ комнаты жилой части сохранили и прежнюю обстановку. Отъ нихъ вѣетъ стародавней жизнью, ароматъ которой и въ штофной мебели, и въ старыхъ гравюрахъ, и въ чудесномъ гобеленѣ на стѣнѣ. Это напоминаетъ комнату въ домѣ Гаевыхъ въ „Вишневомъ саду"... Домъ вообще поразительно красивъ. Ему около 80 лѣтъ, но онъ стоитъ крѣпко, выстроенъ прочно, и слѣдовъ времени на немъ незамѣтно. Онъ на горѣ—предъ нимъ бѣжитъ Истра, растилаются луга, вдали зеленѣетъ лѣсъ. Нѣсколько десятинъ парка. Видъ изъ оконъ второго этажа составилъ одну изъ лучшихъ картинъ Левитана, который жилъ и здѣсь, въ усадьбѣ, и вонъ тамъ, въ чернѣющей на горѣ деревенькѣ—Максимовкѣ.

Мы проходимъ въ паркъ. Около дома—надъ обрывомъ—площадка. Здѣсь, по преданію, особенно любилъ сидѣть Чеховъ. Здѣсь зародилась у него мысль о „Чайкѣ".

— Смотрите, сколько тутъ птицъ,—говоритъ нашъ путеводитель—обязательный г. Колесниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ: надъ Истрой все время рѣютъ бѣлыя чайки. И кажется такимъ естественнымъ, что вотъ именно здѣсь, на этой площадкѣ, съ которой такой волнующій видъ,—глядя на этотъ летъ нѣжныхъ чаекъ думалъ Чеховъ о „дѣвушкѣ, живущей у озера, свободной, какъ чайка".

Вонъ тамъ купальня. Стоитъ только спуститься по лѣсенкѣ и пройти нѣсколько шаговъ вдоль берега. На этомъ мѣстѣ стояла купальня и при Киселевыхъ. Вотъ тутъ-то и и случился „Налимъ".

— На-дняхъ у насъ умеръ пастухъ Сергѣй,—говоритъ г. Колесниковъ,—онъ отлично помнилъ Чехова и разсказывалъ этого самаго „Налима". Вѣдь это съ нимъ и было. Это онъ и ловилъ налима „подъ жабры". Помнилъ онъ и рыжую англичанку, которая удила рыбу. Знаете у Чехова „Дочь Альбіона"? А на этомъ берегу Чеховъ съ Левитаномъ разыгрывали всякія шутки. Левитанъ изображалъ бедуина, Чеховъ стрѣлялъ въ него и прочее.

Потомъ мы осматривали флигель во дворѣ, въ которомъ жили Чеховы. Флигель длинный-длинный, узкій, низкій.

— У насъ его кишкой зовутъ,—смѣется хозяинъ.

Во флигелѣ же помѣщалась и камера земскаго. Киселевъ, какъ извѣстно, служилъ земскимъ начальникомъ. Тутъ и происходили судбища, о которыхъ упоминается въ письмахъ А. П.

Во дворѣ, ближе къ воротамъ, другой флигелекъ. Въ немъ жилъ Левитанъ. Надъ входомъ была прибита вывѣска: „Ссудная касса купца Левитана".

Мы ходимъ по парку, любуемся домомъ, и кажется онъ похожимъ на тотъ домъ, который показываютъ въ Художественномъ театрѣ въ первомъ актѣ „Иванова". Вообще несмотря на новыя вѣянія, несмотря на то, что теперь здѣсь совсѣмъ иная жизнь,—иные интересы (школа для крестьянскихъ дѣвочекъ, поглощающая всѣ заботы теперешнихъ владѣльцевъ Бабкина), все же вѣетъ здѣсь „чеховскимъ" настроеніемъ того далекаго времени, когда жилъ здѣсь онъ, еще молодой, такой веселый, остроумный...

И кажется, что сейчасъ съ балкона раздается голосъ старика Бѣгичева, описаннаго Чеховымъ въ лицѣ графа Шабельскаго, а изъ дома польются мелодіи рыдающей віолончели.

Прощаясь, г. Колесниковъ совѣтуетъ на обратномъ пути по дорогѣ въ Воскресенскъ, проѣхать мимо Полевщинской церкви.

Эта заброшенная церковка, при дорогѣ, описана Чеховымъ въ его „Вѣдьмѣ" и въ „Недобромъ дѣлѣ". Мы осматривали ее. Теперь она отремонтирована, живетъ рядомъ причтъ, въ ней служатъ,—не разъ въ годъ, какъ при Чеховѣ, а каждый праздникъ,—и вообще она утратила весь свой таинственный и жуткій отпечатокъ, который оставилъ такое сильное впечатлѣніе на Антона Павловича...

ВЪ ЧИКИНѢ

Въ полверстѣ отъ Воскресенска, въ Чикинѣ,—земская лечебница. Мы свернули съ широкой дороги и въѣхали во владѣнія больницы, широко раскинувшейся своими многочисленными постройками на нѣсколькихъ десятинахъ.

Чикино—тоже этапъ въ жизни молодого Чехова. Съ 1881 по 1885 годъ Антонъ Павловичъ, еще будучи студентомъ, пріѣзжалъ каждое лѣто къ брату Ивану Павловичу — учительствующему въ Воскресенскѣ.

Здѣсь у Чеховыхъ вскорѣ образовался довольно большой и интересный кругъ знакомыхъ. Въ городѣ стояла батарея, которой командовалъ полковникъ Б. И. Маевскій, жилъ извѣстный славянофилъ И. Д. Голохвастовъ, было много живой и веселой молодежи. Разумѣется, близко познакомился Чеховъ и съ врачами „чикинской“ больницы. Несомнѣнно она дала ему темы „Хирургіи“ и „Бѣглеца“.

Къ сожалѣнію, изъ теперяшняго служебнаго персонала лечебницы нѣтъ лицъ, сохранившихъ воспоминанія о Чеховѣ. Докторъ Архангельскій, близкій знакомый Антона Павловича въ „воскресенскій“ періодъ его жизни,—умеръ и теперь уже въ Чикинѣ нѣтъ никого, кто бы могъ подѣлиться живымъ разсказомъ объ этомъ далекомъ времени.

Докторъ О. И. Гопфенгаузенъ, которая была нашей любезной путеводительницей по чикинскимъ владѣніямъ, вручила намъ отчетъ Благотворительнаго Общества при Воскресенской земской лечебницѣ и указала, что въ этой „брошюркѣ“ мы найдемъ всѣ нужныя намъ свѣдѣнія.

Въ ней напечатаны между прочимъ и воспоминанія д-ра Архангельскаго о молодомъ Чеховѣ. Воспоминанія эти неизданы и, конечно, помѣщенныя въ отчетѣ, не дойдутъ до широкихъ круговъ читателей, а между тѣмъ это яркая страничка изъ жизни Антона Павловича.

„Я полагаю, что строки д-ра Архангельскаго можно было бы и перепечатать"—сказала намъ г-жа Гопфенгаузенъ.

Она права. Воспоминанія эти—какъ живой разсказъ современника и очевидца. Разсказъ простъ, но задушевенъ. Вотъ, что припомнилъ покойный докторъ о „студентѣ Чеховѣ", которому предстояло сдѣлаться знаменитымъ писателемъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЧЕХОВѢ

П. А. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

Не помню, когда и какъ я познакомился съ А. П.; должно быть, это произошло въ квартирѣ его брата—Ивана Павловича, бывшаго учителемъ начальнаго училища въ Воскресенскѣ,—въ томъ именно домѣ, гдѣ и сейчасъ находится женское училище.

Вмѣстѣ съ А. П. и Ив. Павл. въ то время по лѣтамъ живали: мать ихъ Евгенія Яковлевна, сестра Марія Павловна, братья Николай и Михаилъ Павловичи *).

Первыя мои яркія воспоминанія объ А. П. относятся къ 1881 г., когда онъ съ братомъ Мишей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родственниковъ, — сейчасъ не припомню, — пришелъ провести вечерокъ въ „Чикино", гдѣ находится земская лечебница и арестный домъ.

Воскресенская лечебница и тогда считалась благоустроенною, и туда, по лѣтамъ, пріѣзжали молодые врачи и студенты съ цѣлью отчасти провести лѣто въ хорошей здоровой мѣстности, а главнымъ образомъ—познакомиться съ органи-

*) Отца А. П., который тоже иногда живалъ въ Воскресенскѣ, я не зналъ.

зацiей земской медицины и врачебной работой въ деревнѣ. Обстоятельства благопріятствовали этому: верхній этажъ арестнаго дома, предназначенный для квартиры станового пристава, не былъ имъ занятъ, и свободное помѣщеніе заселялось пріѣзжей молодежью. Въ 1881 г. особенно былъ богатъ такими гостями, и нѣкоторые изъ нихъ проводили здѣсь уже не первое лѣто. Здѣсь въ упомянутое время были: врачъ В. Н. Сиротининъ — теперь профессоръ Военно-медицинской академіи, Н. С. Кишкинъ — проф. Московскаго университета, студентъ В. И. Бережниковъ—потомъ курскій земскій врачъ, вр. Е. Н. Сабинина, студентка Д. С. Тауберъ — теперь врачъ Московскаго губернскаго земства и вр. М. П. Яковлевъ—теперь главный докторъ Московской Маріинской больницы. Послѣдніе двое и въ настоящее время состоятъ членами нашего Общества. Кромѣ упомянутыхъ лицъ, въ „Чикино“ часто приходили молодые офицеры-артиллеристы, какъ, напр., Е. П. Егоровъ и др. Вотъ къ этой-то компаніи въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ и пришелъ Антонъ Павловичъ. Какъ сейчасъ вижу А. П., помѣстившагося на табуретѣ посрединѣ комнаты передъ столомъ, на которомъ былъ паштетъ изъ цыплятъ, лично изготовленный моимъ сослуживцемъ А. К. Ивановымъ, неизмѣннымъ печальникомъ о нуждахъ „Чикинской колоніи“; здѣсь же на столѣ стоялъ объемистый самоваръ и „лампопо“ — напитокъ изъ пива съ лимономъ, сухарями и др. спеціями.

Вечеръ былъ проведенъ довольно шумно,—много говорили и громко пѣли. А. П. лично мало принималъ участіе въ разговорѣ, большею же частью наблюдалъ за компаніей своими ласковыми глазами, выглядывавшими изъ-подъ густой шевелюры, спускавшейся прядями надъ его красивымъ лбомъ. Видимо, онъ не чуждъ былъ этого общества, какъ можно было заключить по его вниманію, съ которымъ онъ прислушивался къ разговору, и по его глазамъ, переходившимъ съ добродушной улыбкой съ одного конца стола на другой и съ одного лица на другое. Все было съѣдено, все было выпито и въ заключеніе пропѣтъ былъ весь знакомый намъ репертуаръ пѣсенъ, и, конечно, на первомъ планѣ были

исполнены студенческія пѣсни: „Gaudeamus“, „Наша жизнь коротка“, „Будущность темна“... и др... Подтягивалъ и А. П. своимъ тихимъ, ровнымъ баскомъ. Кстати замѣчу, что эта вечеринка своимъ шумомъ не понравилась Мишѣ Чехову и вызвала строгую критику со стороны юнаго цензора, который на слѣдующій же день въ стихахъ выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу.

Вечеринка сблизила Чикинскую колонію съ А. П. и его семьей, и съ того времени начались совмѣстныя прогулки и другія общія удовольствія. Въ одно изъ такихъ путешествій въ Звенигородъ за неимѣніе при себѣ паспортовъ въ гостяхъ у моего товарища заарестовали было Чикинскихъ гостей съ семьею Чеховыхъ, и только знакомство одного изъ членовъ этого общества съ губернской администраціей избавило компанію отъ непріятности.

Съ того же времени А. П. сталъ посѣщать и больницу, гдѣ онъ, какъ еще студентъ 3-го курса, не могъ самостоятельно вести работу, а ограничивался помощью кому-нибудь изъ врачей. Нерѣдко онъ садился на табуретку въ кабинетѣ врача въ какомъ-нибудь свободномъ уголкѣ и оттуда наблюдалъ своими проникновенными глазами за работой врачей и студентовъ, слѣдилъ за отношеніями этого молодого муравейника къ больному, окруженному иногда сразу нѣсколькими медиками. Иногда мы чувствовали эти наблюдающіе взоры, и однажды, кажется, у В. Н. Сиротинина вырвалось восклицаніе: „ужъ навѣрное А. П. на насъ заработаетъ не одинъ пятачекъ!“... Въ то время для А. П., имѣвшаго въ литературномъ трудѣ единственное и далеко ненадежное обезпеченіе,—построчный въ газетахъ заработокъ, кажется по 5 коп. за строчку,—имѣлъ огромное значеніе.

Посѣщалъ А. П. Воскресенскъ и въ слѣдующіе годы, посѣщалъ онъ довольно часто и Воскресенскую лечебницу, тогда уже студентомъ старшихъ курсовъ и только что окончившимъ врачемъ. Онъ часто проводилъ въ лечебницѣ время съ утра и до окончанія пріема, иногда запаздывалъ домой къ обѣду, у меня оставался и обѣдать. Помню: идешь, бывало, часовъ въ 9 утра въ больницу и видишь, какъ изъ-за

кладбища по березовой аллеѣ подвигается велосипедъ съ огромнымъ переднимъ колесомъ, а на немъ кто-нибудь изъ братьевъ Чеховыхъ въ сопровожденіи остальныхъ; попеременно садясь и падая, они достигали, наконецъ, больницы; А. П. обыкновенно оставался и шелъ со мною въ больницу, а братья или слѣдовали по дорогѣ дальше или же возвращались назадъ.

А. П. производилъ работу не спѣша, иногда въ его дѣйствіяхъ выражалась какъ бы неувѣренность; но все онъ дѣлалъ съ вниманіемъ и видимой любовью къ дѣлу, особенно съ любовью къ тому больному, который проходилъ черезъ его руки. Онъ всегда терпѣливо выслушивалъ больного, ни при какой усталости не возвышалъ голоса, хотя бы больной говорилъ и неотносящееся къ уясненію болѣзни. Ясно представляю стройную фигуру А. П., слегка наклонившагося и готовящагося при посредствѣ стетоскопа выслушать грудь едва переводившаго дыханіе больного. А. П. какъ бы замеръ въ полусогнутой позѣ со стетоскопомъ въ рукѣ: онъ готовился приставить инструментъ къ груди больного и выслушать ее; но несчастный страдалецъ продолжалъ безъ умолку говорить и непомѣрно жаловаться то на боль въ груди, то на остановку всѣхъ его дѣлъ по случаю болѣзни—на нескошенную полосу и т. п. А. П. остановилъ свой взоръ неподвижно на лицѣ больного, какъ бы стараясь своими ласковыми глазами заглянуть поглубже, или, вѣрнѣе, черезъ нихъ заглянуть своими духовными очами въ то именно мѣсто, откуда исходили жалобы и стоны больного—въ его наболѣвшую душу, дававшую, повидимому, серьезныя осложненія видимой болѣзни. Вспоминаю также одну бесѣду А. П. съ больной за сосѣднимъ столикомъ въ кабинетѣ врача: „Да ты поѣхала бы къ своимъ—къ матери на недѣльку, на двѣ,—говорилъ А. П.,—тамъ бы отдохнула, успокоилась бы...“—Да не отъ кого... не пустятъ... не вѣрятъ, что больна,—слышался отвѣтъ больной.—„Ну, на богомолье пошла бы... авось отпустятъ“,—продолжалъ А. П. Душевное состояніе больного всегда привлекало особенное вниманіе А. П., и наряду съ обычными медикаментами онъ придавалъ огромное

значеніе воздѣйствію на психику больного со стороны врача и окружающей среды.

По уходѣ Ивана Павловича изъ Воскресенска семья Чеховыхъ еще нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ проводила въ окрестностяхъ его, именно—въ Бабкинѣ, въ имѣніи А. С. Киселева. Нерѣдко я бывалъ въ Бабкинѣ въ свою очередь и А. П. нерѣдко меня посѣщалъ, и по прежнему онъ захаживалъ въ больницу. Хорошо вспоминаю одно изъ его посѣщеній, вызвавшее у меня тревогу. А. П. иногда выражалъ жалобы на боль въ лѣвомъ боку,—„селезенка у меня болитъ“, говаривалъ онъ; но жалобы эти произносились въ такомъ шутливомъ тонѣ, что никогда не давали повода къ врачебному вмѣшательству. Но вотъ однажды, должно быть въ іюлѣ или августѣ 1887 года, А. П. пришелъ ко мнѣ въ квартиру съ утомленнымъ видомъ и сказалъ: „опять проклятая селезенка меня безпокоитъ!“ Только что я хотѣлъ поговорить о его „селезенкѣ“, какъ онъ увидѣлъ у меня на столѣ корректурные листы и началъ ихъ просматривать. „А вы, сказалъ А. П., обращаясь ко мнѣ, неправильно пишете слово „богодѣльня“ черезъ „ѣ“: вѣроятно вы производите отъ слова „Божіе—дѣло“, а оно происходитъ отъ—„Бога—деля“, т.-е. для Бога, а слѣдовательно нужно писать черезъ „е“. Я оканчивалъ уже книгу „Отчетъ по осмотру русскихъ психіатрическихъ заведеній“, корректурные листы, которые просматривалъ А. П., составляли уже послѣдній 21-й печатный листъ, и ошибку свою я такъ и оставилъ неисправленной. Между тѣмъ А. П. заинтересовался „отчетомъ“, пересмотрѣлъ его, тщательно прочелъ его заключительную часть и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „А вѣдь хорошо бы описать также тюрьмы, какъ вы думаете?“ Въ отвѣтъ на это я объяснилъ ему тѣ основанія, которыми руководился при осмотрѣ психіатрическихъ заведеній: я долженъ былъ дать побольше фактическаго и цифрового матеріала, чтобы Московское Земство могло, опираясь на него, болѣе или менѣе правильно организовать призрѣніе душевныхъ больныхъ своей губерніи. Мы заговорились по затронутому А. П. вопросу, а о „селезенкѣ“ его такъ и не удалось поговорить.

Послѣ того еще нѣсколько разъ приходилось говорить съ А. П. объ упомянутомъ „отчетѣ“, но при случайныхъ встрѣчахъ. Затѣмъ А. П. уѣзжалъ на о. Сахалинъ и по возвращеніи поселился въ Серпуховскомъ уѣздѣ, и мы посылали другъ другу поклоны, но не видѣлись долго. Въ послѣдній разъ я видѣлся съ А. П. въ Покровскомъ-Мещерскомъ, въ 1895 г., куда 4-го іюня съѣхались земскіе врачи на обычное тогда по четвертымъ числамъ собраніе, гдѣ былъ и А. П. Встрѣча была трогательная: почти безъ словъ глядѣли другъ на друга, и А. П. смотрѣлъ на меня со своею обыкновенною пріятною улыбкою; во всѣхъ движеніяхъ его выражалось глубокое сочувствіе ко мнѣ по случаю постигшаго меня недуга.

При упоминаніи объ этой встрѣчѣ не могу не вспомнить объ одномъ эпизодѣ, приведшемъ насъ въ болѣе веселое настроеніе. Только что отошелъ отъ меня А. П., подошелъ ко мнѣ проф. Ф. Ф. Эрисманъ и попросилъ меня познакомить его съ А. П. Я сейчасъ же подозвалъ А. П. и сказалъ: „Вотъ, Ф. Ф., А. П. Чеховъ, вашъ бывшій ученикъ, а въ доказательство послѣдняго могу представить, подаренныя мнѣ А. П., съ собственноручною надписью, ваши лекціи по гигіенѣ, которыя онъ слушалъ“. „Да, сказалъ Ф. Ф., добродушно смѣясь, это нерѣдко бываетъ съ моими учениками: какъ сдастъ экзаменъ, такъ сейчасъ отдастъ книги другимъ“. Лекціи проф. Эрисмана, подаренныя мнѣ А. П., я оставилъ въ библіотекѣ Воскресенской лечебницы, какъ памятникъ пребыванія и работы тамъ А. П.

Послѣ этого я уже не видалъ А. П. Въ 1896 г., когда я, по болѣзни, вышелъ въ отставку, А. П. прислалъ мнѣ свою визитную карточку, а когда онъ, тоже по болѣзни, уѣхалъ въ Крымъ, я отвѣтилъ ему тѣмъ же. Это было послѣднимъ молчаливымъ знакомъ сочувствія другъ другу въ постигшемъ насъ несчастьи.

Въ 1896 году открыло свои дѣйствія Благотвор. Общ. при Воскресенской лечебницѣ, и А. П. въ первый же годъ сдѣлался членомъ этого Общества. Живя вдали отъ Общества, конечно, А. П. не могъ принимать дѣятельнаго участія

въ его работахъ; но записью въ члены общества онъ хотѣлъ несомнѣнно выразить и сочувствіе обществу и память о Воскресенской лечебницѣ, о Воскресенскомъ краѣ и вообще о Звенигородскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ проводилъ много времени въ молодые годы, и гдѣ онъ работалъ и какъ писатель и какъ врачъ. Если просмотрѣть произведенія А. П., то по содержанію многихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: „Горе", „Бѣглецъ", „Хирургія" и др., можно узнать, гдѣ они были написаны; въ автобіографіи же своей А. П. отмѣтилъ свои отношенія къ Воскресенской и Звенигородской больницамъ. А. П. работалъ въ качествѣ врача въ Воскресенскѣ, Звенигородскѣ, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, былъ, кажется, нѣкоторое время врачемъ московскаго почтамта; но онъ не отдался всецѣло врачебному дѣлу; избралъ же онъ для своей болѣе постоянной дѣятельности иной путь, къ которому влекло его сердце — литературу, и общество отъ этого не потеряло. Онъ не сдѣлался врачемъ практикомъ, но остался тонкимъ діагностомъ душевныхъ состояній человѣка и чуткимъ изобразителемъ горестей людскихъ. Въ нѣкоторыхъ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, „Горе", онъ вызываетъ въ читателѣ глубокое сочувствіе къ несчастному бѣдняку—больному, служеніе которому поставило себѣ задачей и Благотворительное Общество при Воскресенской земской лечебницѣ. Не должно же забыть Благотворительное Общество такого члена, а Воскресенскъ и весь Звенигородскій уѣздъ—такого человѣка, какъ Антонъ Павловичъ Чеховъ"!

Въ отчетѣ, изъ котораго взяты эти воспоминанія, прочли мы, что Воскресенскъ вообще чутко чтитъ память Чехова. Въ 1910-мъ году было постановлено на засѣданіи совѣта Воскресенскаго Благотворительнаго Общества открыть читальню-библіотеку имени Чехова. Этотъ проектъ теперь осуществленъ.

Проѣзжая черезъ Воскресенскъ, мы не приминули осмотрѣть эту библіотеку. Она мала, но производитъ очень милое

впечатлѣніе. И, конечно, для подростающей молодежи, для школьниковъ, и даже для всей интеллегенціи городка — она культурный уголокъ, освященный дорогимъ именемъ.

Строятъ въ Воскресенскѣ и народный домъ. И онъ будетъ также „чеховскимъ"...

У барышни, выдающей въ библіотекѣ книги, мы спросили не знаетъ ли она, что-нибудь о томъ времени, когда жилъ подъ Новымъ-Іерусалимомъ Чеховъ.

Барышня объ этомъ ничего не знаетъ, но слышала, что въ городѣ есть домъ, въ которомъ жили когда-то три сестры, о которыхъ написана пьеса...

Къ нашему удивленію, зналъ объ этомъ и ямщикъ, съ которымъ совершали мы нашъ путь по этимъ мѣстамъ. Онъ провезъ насъ по кривой уличкѣ и показалъ большой каменный бѣлый домъ. [38])

— Вотъ тутъ и жили эти три сестры,—сказалъ онъ,—показывая кнутовищемъ на фасадъ...

Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ жили тутъ тѣ, что носили милыя имена Маши, Ольги и Ирины...

Кто знаетъ...

Но въ воспоминаніяхъ о нашей поѣздкѣ эпизодъ съ домомъ „трехъ сестеръ"—едва ли не самый волнующій...

ВЪ МЕЛИХОВѢ

Отъ станціи Лопасня, Москов.-Курской ж. д. — до села Мелихово 13 верстъ. Дорога идетъ по равнинѣ, кой-гдѣ переходящей въ возвышенности, встрѣчаются овраги, земля глинистая, въ дожди, вѣрно, распутица полная. Золотится на солнцѣ рожь и застѣнчиво, въ скромной русской своей красотѣ, киваютъ и свѣтятся васильки. Пейзажъ обычный. „И все поля, поля кругомъ"...

„Часа черезъ полтора мы у цѣли нашего путешествія. Красныя ворота, широкій дворъ, низкія постройки. Вотъ они и есть „чеховскія владѣнія“. Пока нашъ ямщикъ идетъ докладывать теперешнему хозяину Мелихова — барону Стюарту— мы осматриваемся вокругъ. Разстилается лугъ. Влѣво— кипа деревьевъ и прямая, какъ ремень, березовая аллея. Это за предѣлами ограды. А тамъ, за воротами, — видѣнъ садъ, барскій домъ, службы. Съ посланнымъ, принесшимъ намъ разрѣшеніе на осмотръ, входимъ во дворъ. „У меня наивный дворъ“, — писалъ о немъ Чеховъ. И правда, что-то ужасно милое, наивное въ этихъ невысокихъ строеніяхъ, конюшняхъ, амбарахъ. Поражаетъ изобиліе изгородей, заборовъ, перегородокъ, плетней... Заливается цѣпной песъ. Кудахчутъ куры. Вотъ и еще одинъ частоколъ. Отворяемъ калитку и входимъ въ садъ. Направо — одноэтажный съ затѣйливыми окнами домъ, съ большой террасой, крытымъ переходомъ, соединяющимъ главное зданіе съ пристройкой— кухней.

— Домъ остался въ томъже видѣ, какъ и при Антонѣ Павловичѣ,—поясняетъ нашъ путеводитель.—Только вотъ этого прохода къ кухнѣ при немъ не было.

— А вы Чехова-то хорошо помните?

— А еще бы. Мы съ Антономъ Павловичемъ друзья были. Я и при немъ тутъ служилъ, при имѣніи-то... Прокофіемъ меня зовутъ. Бывало сколько вечеровъ я просидѣлъ съ нимъ. Въ разговорахъ, да толкахъ. Онъ вѣдь больше—во флигелѣ жилъ, тутъ и писалъ.

Флигель—этотъ маленькій домикъ въ саду, который выстроилъ самъ Чеховъ, въ которомъ онъ жилъ и работалъ. Здѣсь написана „Чайка“.

И флигель сохранился въ неприкосновенномъ видѣ. Только никто теперь не живетъ въ немъ. Мы заглядываемъ въ окна: двѣ небольшихъ комнатки. Въ первой отъ входа была его спаленка,—а во второй онъ писалъ.

— Всю ночь бывало сидитъ. Свѣчи жжетъ. Что не спите Антонъ Павловичъ? А онъ такъ: ничего Прокофій, я за ночь два раза водой обольюсь и ничего...

Ветхій днями, огромный дубъ „Маврійскій“, — какъ прозвалъ его Чеховъ. Подъ нимъ скамейка, на ней любилъ сидѣть А. П.

Вся молодая посадка сада сдѣлана имъ. Это онъ выростилъ сирень, хлопотливо развелъ роззарій, разбилъ цвѣтники.

— Все съ цвѣтами возился—вспоминаетъ Прокофій.

Идемъ къ дому. На встрѣчу выбѣжали двѣ таксы... Точь въ точь Хина и Бромъ.

Это сходство отмѣтилъ и Прокофій. И казалось такимъ естественнымъ, что вотъ, сейчасъ, выйдетъ и самъ Антонъ Павловичъ и скажетъ, притворно сердясь на собакъ: — „Хотите подарю пса? Вы не вѣрите, до чего глупая собака!“

Но Чеховъ не выйдетъ... И собаки эти не тѣ, и уже въ домѣ не такъ, какъ было когда-то. Изъ вещей А. П. остался здѣсь маленькій старый рояль, да письменный столъ, вотъ и все. Остальное вывезено въ Ялту. Впрочемъ, баронесса пояснила намъ, что это имѣніе,—„въ сущности бездоходное“— они сохраняютъ въ неизмѣнномъ видѣ въ память Чехова и ради Маріи Павловны, очень дорожащей этимъ мѣстомъ.

— Вы, Прокофій, — говоритъ госпожа Стюартъ, — покажите имъ на деревнѣ школу, которую выстроилъ Антонъ Павловичъ.

Здѣсь никто при насъ ни разу не сказалъ „Чеховъ“, а всегда именно такъ: „Антонъ Павловичъ“—ласково и нѣжно любовно.

Пока идемъ селомъ, Прокофій все вспоминаетъ свои долгія ночныя бесѣды съ Чеховымъ, передаетъ намъ о его дѣятельности, какъ хозяина, сосѣда и врача. Всѣмъ помогалъ— и деньгами, и лекарствами, и леченіемъ. И хозяинъ былъ рачительный. Вырылъ колодезь, выкопалъ два пруда. Крестьянамъ пожарный сарай построилъ. А когда въ земствѣ служилъ—на дороги деньги вносилъ. Три школы открылъ. Одну здѣсь, да двѣ въ Талежѣ и Новоселкахъ. Его очень любили, помнятъ и теперь. Служатъ 2-го іюля панихиды. И онъ любилъ эти мѣста. Все жалѣлъ, что доктора не позволяютъ тутъ жить, на югъ гонятъ. Изъ Ялты писалъ часто, все о Мелиховѣ распрашивалъ.

Школа выстроена прочно. Зданіе свѣтлое, просторное, удобное. Встрѣтились мы и съ бывшимъ чеховскимъ ученикомъ. Теперь это—сельскій староста, очень моложавый на видъ. Онъ учился два мѣсяца при А. П., отлично его помнитъ. Антонъ Павловичъ чуть не каждый день ходилъ въ классы. Всѣмъ интересовался, разговаривалъ съ учениками—во все вникалъ. Въ классной виситъ большой портретъ А. П. и его отца Павла Егоровича.

Недалеко отъ школы—церковь. Колокольню для нея выстроилъ Антонъ Павловичъ.

Мы отдыхаемъ на травѣ, а Прокофій и бывшій чеховскій ученикъ предаются воспоминаніямъ.

— А какъ онъ о больныхъ заботился! Заболѣлъ у меня папаша. Приходитъ Антонъ Павловичъ. Осмотрѣлъ и говоритъ:

— Тутъ я одинъ сдѣлать ничего не могу. И ушелъ. Мы думали—не хочетъ. А онъ за 12 верстъ на своихъ лошадяхъ за другимъ докторомъ послалъ, да фельдшера выписалъ. И денегъ не взялъ. Папашу то они и отходили.

— А сочиненіе то его вы читали?

— Читали, но мало.

Прокофій читалъ Сахалинъ и еще нѣсколько разсказовъ, а старостѣ хорошо запомнился „Злоумышленникъ".

— А о чемъ это? заинтересовался Прокофій. Онъ все ловитъ въ разсказахъ отголосокъ тѣхъ бесѣдъ, что велъ онъ съ Чеховымъ и убѣжденъ, что что-нибудь, да попало въ книги изъ его разсказовъ. Вотъ бы только прочесть гдѣ...

— Злоумышленникъ это про чайку. О томъ, какъ высшіе не понимаютъ низшихъ. Мужичекъ не по злому, а по невѣжеству отвинтилъ гайку, а его въ тюрьму посадили.

И не смотря на обиліе „литературныхъ" словъ, ясно, что живая душа разсказа почувствована и передана точно.

— Ну, а теперь я васъ къ пруду провожу — говоритъ Прокофій.

Это второй прудъ, вырытый Чеховымъ. Онъ среди молодого сада, у лѣса, въ саженяхъ 200 отъ дворовыхъ строеній. Къ нему ведетъ чудесная березовая аллея. Прудъ затянулся

ряской, вода мутная, сѣрая. Давно не чистили. А рыбы въ немъ масса. Все Антонъ Павловичъ развелъ. Вотъ мѣстечко, съ котораго онъ ловилъ карасей.

— Только мало ловилъ-то—улыбается Прокофій—Я, говоритъ, такъ, Прокофій, ради того, чтобы посидѣть, на что мнѣ ихъ ловить-то!

И мнѣ вспомнилась фраза изъ чеховскаго письма: „своимъ карасямъ въ пруду собираюсь дать конституцію"...

Молодой садъ разросся буйно. Много цвѣтовъ, густая зелень, тѣнь. Липовая аллея ведетъ къ дому. Это было любимое мѣсто Антона Павловича. Онъ мечталъ тутъ построить домикъ.

— Ему этого очень хотѣлось — заключаетъ Прокофій. Здѣсь писать ему было бы отлично—уединенно, людей нѣтъ. Никто не мѣшалъ бы думать. Онъ все ходилъ и думалъ. Все-то онъ думалъ.

Мы сбираемъ скромные полевые цвѣты—послѣдній нѣжный привѣтъ Мелихова, освященнаго для насъ чеховскими годами, прожитыми въ этомъ тихомъ и мирномъ мѣстѣ... Но пора ѣхать...

— До свиданія, Прокофій, спасибо.

Спасибо за вѣрную и крѣпкую любовь, которой обвѣяны были ваши воспоминанія о Чеховѣ!..

Мы возвращаемся въ Лопасню. Дорогой перебираемъ въ памяти то, что знаемъ объ этомъ мѣстѣ. Вспоминаемъ, какъ заботила и тревожила Чехова покупка Мелихова, какъ, свыкшись съ имѣніемъ, полюбилъ Антонъ Павловичъ и этотъ домъ съ затѣями, и этотъ наивный дворъ, и эти тихія аллеи, и русскія дали, раскинувшіяся безкрайно. Онъ владѣлъ Мелиховымъ около 10 лѣтъ. Здѣсь написаны его лучшія вещи. Тутъ во снѣ увидѣлъ онъ чернаго монаха и потомъ разсказалъ о немъ, въ повѣсти, въ которой такъ сладостны звуки Валашской легенды, о дѣвушкѣ больной воображеніемъ.

Здѣсь онъ творилъ и осуществлялъ свое призваніе—свою художническую любовь утверждая въ любви къ людямъ и къ жизни. Онъ скромно и незамѣтно, но благотворно и глубоко вліялъ на людей, и мѣсто, на которомъ прожилъ, оставилъ не въ запустѣньѣ, а украсилъ его. Деревья имъ посаженныя, говорятъ о его красивой мечтѣ сдѣлать жизнь цвѣтущимъ садомъ.

И мѣста эти теперь кажутся намъ полными какой-то особой значительности: тутъ жилъ и творилъ человѣкъ, который былъ такъ дорогъ и нуженъ родинѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

1. Изъ письма А. П. Чехова къ брату Александру Павловичу. Томъ I (2-ое изданіе), стр. 51. Всѣ ссылки на письма дѣлаются по изданію подъ ред. М. П. Чеховой. Книг-во Товарищества Писателей въ Москвѣ.
2. Мих. Мих. Дюковскій служилъ инспекторомъ Московскаго Мѣщанскаго Училища.
3. Намекъ на пьесу В. Крылова „Городъ упраздняется". Кстати сказать, эта комедія, осмѣянная еще юнымъ Чеховымъ, вновь вошла въ репертуаръ театра Корша въ сезонъ 1915—16 года.
4. Изъ журнала „Развлеченіе" 1884 г., № 46.
5. Изъ журнала „Осколки" 1885 г. № 30.
6. Изъ журнала „Осколки" 1884 г. № 48.
7. Руверъ и Улисъ — псевдонимы Чехова для его фельетоновъ „Осколки Московской жизни", еженедѣльно помѣщаемыхъ въ „Осколкахъ".
8. „Жизнь прекрасна"—„Осколки" 1885 г., № 17.
9. Упоминаемый въ этихъ воспоминаніяхъ Г. Б. и далѣе Б—въ — В. П. Бегичевъ.
10. Ф. О. Шехтель — извѣстный архитекторъ, другъ художника Левитана и семьи Чеховыхъ.
11. Григ. Алек. Арбенинъ—извѣстный драматическій актеръ и режиссеръ, недавно скончавшійся.
12. Тамаринъ — В. Блюменталь-Тамаринъ, извѣстный опереточный артистъ, режиссеръ и антрепренеръ. Скончался въ 1911 году.
13. Изъ журнала „Будильникъ", 1884 г., № 34.
14. „Художникъ г. Чеховъ"—Ник. Павл. Чеховъ. Его рисунокъ, изображающій пріѣздъ Сары Бернаръ въ Москву и портретъ знаменитой артистки были помѣщены въ „Зрителѣ" за 1881 г. Къ сожалѣнію, по техническимъ условіямъ, мы лишены возможности воспроизвести эти любопытные наброски.
15. Жаретту — артистъ труппы Сары Бернаръ.
16. Lina Tunte и M-me Sidney — артистки той же труппы.
17. Ѳедотова — Г. Н. Ѳедотова знаменитая трагическая артистка; Кочетова — извѣстная оперная артистка, пѣвшая въ 80-ыхъ годахъ въ Большомъ театрѣ въ Москвѣ.
18. Музиль — извѣстный артистъ на амплуа комическихъ и характерныхъ ролей. Служилъ въ труппѣ Малаго театра въ Москвѣ.
19. Ленскій—А. Л. Ленскій, знаменитый драматическій актеръ, выдающійся режиссеръ и преподаватель сценическаго искусства. Одно время былъ руководителемъ труппы Малаго театра. Скончался въ Москвѣ въ 1908 году, Ивановъ-Козельскій — Митрофанъ Трофимовичъ (1850 — 1898), извѣстный провинціальный артистъ — трагикъ, создавшій себѣ славу исполненіемъ ролей классическаго репертуара. Гастролировалъ въ Москвѣ въ сезонѣ 1881—1882 года. Чеховъ смотрѣлъ его въ „Гамлетѣ". Его рецензія объ этомъ спектаклѣ перепечатана на стр. 50—53 нашей книги.

20. Макшеевъ и Вильде — актеры труппы Московскаго Малаго театра.
21. Пушкинскій театръ — одинъ изъ первыхъ, по времени открытія, частныхъ драматическихъ театровъ въ Москвѣ. Въ 80-ыхъ годахъ его держала извѣстная антрепренерша Бренко. Театръ помѣщался на Тверской въ домѣ Малкіеля.
22. Изъ журнала „Москва“ 1882 г., № 3.
23. Изъ „Петербургской Газеты“ 1887 г., № 120, 4 мая.
24. Изъ письма А. П. Чехова къ брату Алек. Павловичу. Письма. Т. I. изд. 2. стр. 370.
25. Изъ письма Чехова.
26. Тоже, къ брату Алек. Павл. Письма. Т. I. изд. 2-е. стр. 413.
27. Суворинъ ошибся. Чеховъ началъ печататься раньше. Его „Письмо донского помѣщика Степана Владимирова N къ ученому сосѣду д-ру Фридриху“ помѣщено въ „Стрекозѣ“ въ № 10 за 1880 г. Антону Павловичу было въ то время двадцать лѣтъ.
28. „Уголовный романъ“— на который ссылается Суворинъ—разсказъ Чехова „Драма на охотѣ“.
29. „Одинъ толстый журналъ“—„Сѣверный Вѣстникъ“, въ которомъ была помѣщена въ 1886 году въ іюньской книгѣ рецензія Скабическаго. См. статью „Забытые документы“ въ этой книгѣ.
30. Театръ Абрамовой — частный драматическій театръ въ Москвѣ. Онъ существовалъ недолго. Режиссеромъ, ставящимъ „Лѣшаго“ Чехова, служилъ у Абрамовой извѣстный Н. Н. Соловцовъ, впослѣдствіи создавшій въ Кіевѣ драматическій театръ посвященный нынѣ его имени.
31. „Лѣшій“ былъ написанъ „по заказу“ Н. Н. Соловцова. Исторію написанія пьесы см. въ воспоминаніяхъ М. П. Чехова. „Журналъ для Всѣхъ“ 1906 года, № 7.
32. Изъ письма къ кн. А. И. Урусову. Письма. Т. IV. стр. 79.
33. Въ этой статьѣ Скабичевскій пытался обосновать свои тогдашнія сужденія о Чеховѣ ссылкой на Н. К. Михайловскаго, также сурово осудившаго „легкомысліе Антоши Чехонте“, „тратившаго свое дарованіе“ на пустяки. Нѣкоторыя подробности объ отношеніи къ Чехову Н. К. Михайловскаго читатель найдетъ въ статьѣ Н. Клестова „Чеховъ и Михайловскій“ въ въ „Современномъ Мірѣ“. 1915 г. Декабрь.
34. Изъ статьи Сукенникова „Здѣсь умеръ Чеховъ“. Журн. „Рампа и Жизнь“. 1912 г., № 27.
35. Изъ статьи г. Яшинскаго „Новый Журналъ для Всѣхъ“. 1910 г.
37. Яркую картину петроградской встрѣчи праха Чехова далъ Вл. Тихоновъ въ своемъ романѣ „Карьера“.
38. Домъ „трехъ сестеръ“ — домъ сестеръ Менгалевыхъ. Одна изъ сестеръ была начальница гимназіи.

    Во воспоминаніе пребыванія Чехова въ Воскресенскѣ надъ городскимъ женскимъ начальнымъ училищемъ, въ которомъ учительствовала И. П. Чехова, прибита доска со слѣдующей надписью: „Въ этомъ домѣ жилъ лѣтомъ 1883—1884 гг. писатель Антонъ Павловичъ Чеховъ“.

ERRATA

На стр. 86, стр. 12 сверху напечатано „неразборчивое“ — должно читать: неразборчивая.

На стр. 98, стр. 8 снизу передъ словами проницательный пропущены ковычки.

На стр. 108, стр. 8 сверху передъ словомъ „забытымъ“ слѣдуетъ поставить запятую.

Письмо Чехова къ Л. В. Середину, цитируемое въ статьѣ „Послѣдніе дни Чехова“ на стр. 111 датировано 1904 годомъ. Дата невѣрна—письмо, конечно, относится къ 1903 году.

На стр. 114 конецъ абзаца, начинающагося словами „Я лично въ Берлинѣ“ надо поставить въ ковычки.

На стр. 144, стр. 10 напечатано „чайку“ вмѣсто „гайку“.

Пропущено въ примѣчаніяхъ поясненіе, относящееся къ упоминаемому на стр. 35 („Жизнь прекрасна!“) Турбѣ: Турба — петроградскій издатель.

КНИГА ТОГО ЖЕ АВТОРА:

О ЧЕХОВѢ

I Творческій путь Чехова.

II Указатель литературы о Чеховѣ за десять лѣтъ (1904—1914 г.)

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Контора журн. „Рампа и Жизнь“, Б. Дмитровка, Богословскій пер., д. 1. Тел. 2-58-25.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Въ восьмидесятые годы 9

Чеховъ — театральный критикъ. 44

О Сарѣ Бернаръ 45

Объ Ивановѣ-Козельскомъ въ „Гамлетѣ“ 59

Разсказъ изъ жизни Чехова 64

Неизвѣстный разсказъ Чехова — „Въ лѣсу“ 72

Изъ раннихъ критическихъ отзывовъ о Чеховѣ 81

Послѣніе дни, смерть и похороны Чехова 111

Въ Бабкинѣ 129

Въ Чикинѣ 133

Воспоминанія д-ра Архангельскаго 134

Въ Мелиховѣ 141

Примѣчанія 147

Errata 150

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СѢВЕРНЫЕ ДНИ“
Москва, Тверская 29, кв. 30. Тел. 2-78-64.

Лидинъ Вл.—Трынъ-трава.—Разсказы . . . . . 1 р. 25 к.
Рыссъ Петръ.—Италія.—Очерки. Общественно-политическая жизнь. Характеристики . . . . . 1 „ 50 „
Свирскій А. И.—На кострѣ.—Разсказы. Томъ VI 1 „ 25 „
Соболевъ Юрій.—Антонъ Чеховъ. — Неизданныя страницы . . . . . 1 „ 25 „
Соболь Андрей.—Пыль.—Романъ . . . . . 1 „ 25 „
Соболь Андрей.—Разсказы . . . . . 1 „ 25 „
Сѣверянинъ Игорь.—Поэзоантрактъ—изданіе второе. . . . . 1 „ 50 „
Чулковъ Георгій—Люди въ туманѣ.—Книга разсказовъ . . . . . 1 „ 25 „
Чулковъ Георгій.—Вчера и сегодня.—Очерки 1 „ 25 „
Чулковъ Георгій.—Сережа Нестроевъ.—Романъ 1 „ 50 „

Локкъ Уильямъ Дж.—Любимый бродяга. — Романъ—изданіе второе . . . . . 1 „ 50 „
Локкъ Уильямъ Дж.—Узурпаторъ.—Романъ—изданіе второе . . . . . 1 „ 50 „
Локкъ Уильямъ Дж.—Случайность.—Романъ Изданіе второе . . . . . 1 „ 50 „
Локкъ Уильямъ Дж. — Обломки крушенія. — Романъ . . . . . 1 „ 50 „
Маринетти Ф.-Т.—Футуристъ Мафарка.—Романъ 1 „ 50 „

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Сѣверные дни.—Сборникъ первый.
Окуловъ Алексѣй.—Алыя зори.
Лидинъ Вл.—Полая вода.

Анстей Ф.—Мѣдная фляга.—Романъ.
Локкъ Уильямъ Дж.—Септимусъ.—Романъ.
Локкъ Уильямъ Дж.—Тамъ гдѣ любовь.—Романъ.
Локкъ Уильямъ Дж.—У вратъ Самаріи.—Романъ.
Локкъ Уильямъ Дж.—Бѣлая голубка.—Романъ.
Локкъ Уильямъ Дж.—Симонъ шутникъ.—Романъ и др.

Уэллсъ Г. Дж.—Искатель. — Романъ. Авторизованный переводъ М. Ликіардопуло.

670446/74
11
1200-34

№ 67

Ц. 1 р. 25 к.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034975876